

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра зарубежной истории

Г.М.САДОВАЯ

**ВАЛЬТЕР РАТЕНАУ
И РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР**

Материал к спецкурсу

Издательство «Самарский университет»
2001

УДК 943.085.0
ББК 63.3 (0) 61
С 143

Садовая Г.М. Вальтер Ратенау и Рапалльский договор: Материал к спецкурсу. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. – 116 с.

Предлагаемая книга впервые в отечественной литературе на основе изучения опубликованных документов, а также малоизвестных источников, в том числе архивных и большого объема литературы воссоздает образ выдающегося германского предпринимателя, философа, политика и дипломата Вальтера Ратенау (1867-1922), сыгравшего большую роль в международных отношениях и внешней политике Германии начала 20-х годов XX века и внесшего большой вклад в развитие германо-русских отношений (договор в Рапалло). Долгое время в отечественной литературе роль В.Ратенау замалчивалась или даже искажалась. Теперь истина восстанавливается. Книга является учебным пособием, но будет несомненно интересна и широким кругам читателей.

УДК 943.085.0
ББК 63.3 (0) 61

Рецензент д-р истор. наук, проф. Семенов С.Б.
Отв. ред. д-р истор. наук, проф. Козенко Б.Д.

© Садовая Г.М., 2001
© Изд-во «Самарский университет», 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Европейская политика и репарации.....	16
Глава II. Ратенау и советско-германские отношения.....	32
Глава III. Переговоры в Берлине.....	53
Глава IV. Генуэзская конференция. Рапалло.....	64
Глава V. Договор в Рапалло.....	74
Заключение.....	113

Российско-германские отношения имеют долгую и драматическую историю. Были в ней периоды напряженности, острых конфликтов, среди которых - две мировые войны. Но были и периоды отношений нормальных, добрососедских с широкими хозяйственными и культурными контактами, с элементами сотрудничества. Особенно богатым на такие периоды оказался XX век. А первый из них пришелся на 20-е годы, когда были заложены основы равноправных отношений и сосуществования обоих государств, различившихся формой собственности, общественным строем и идеологией.

Именно в 20-е годы руководство Германии и Советской России, строго соблюдая и защищая интересы своих государств, сумело найти пути и средства сближения, взаимодействия и взаимопомощи. Начало новым отношениям положил договор двух стран, подписанный 16 апреля 1922 года в историческом городке Рапалло (предместье Генуи). Под договором стояли подписи Наркома иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина и министра иностранных дел Германии Вальтера Ратенау.

Занимая этот пост совсем недолгое время (январь-июнь 1922г.), Ратенау внес серьезный вклад в становление советско-германских отношений. Его роль, значительную саму по себе, подчеркивала и неожиданная трагическая смерть, одной из причин которой была месть за подписание договора с Советами. Историю отношений Германии и России нельзя написать без Ратенау, без анализа и оценки его деятельности, и не только дипломатической.

Историки России, Германии и других стран давно уже исследуют философские и политические взгляды В. Ратенау, его деятельность предпринимателя до первой мировой войны и организатора военного производства в 1914-1916 гг., его политическую и дипломатическую работу в послевоенные годы, его незаурядную личность. По этим проблемам написано немало трудов, авторы которых часто расходятся между собой при характеристике Ратенау. Особо острые разногласия, различные и даже противоположные оценки даются его дипломатической деятельности. Уже эти расхождения в отечественной и зарубежной литературе ставят вопрос о необходимости вновь и вновь исследовать этот сюжет. Тем более, что в некоторых работах наших ученых, главным образом советского периода заметно явное пренебрежение, недооценка и даже искажение роли В. Ратенау в германской политике, в советско-германских отношениях и особенно в истории Рапалльского договора. Причины этого в основном сводились к негативному влиянию политизации и идеологизации нашей исторической науки.

Все эти обстоятельства определили выбор нашей темы и ее основных проблем. В течении ряда лет история дипломатической деятельности

Ратенау и в особенности история договора в Рапалло освещалась нами в соответствующем спецкурсе, который читался для студентов очного и заочного обучения исторического факультета Самарского Госуниверситета и теперь предлагается к изданию.

Мы ставим целью рассмотреть в комплексе международную жизнь и положение Германии и России в 20-е годы, взгляды Ратенау на внешнюю политику и отношения с нашей страной, его участие в подготовке и подписании договора двух стран в сложнейших условиях конференции в Генуе. Больше чем прежде внимание будет уделено и анализу эволюции взглядов Ратенау на договор с Россией, его позиции и личной роли, до сих пор недооцененной в нашей литературе.

Для написания этой работы были привлечены доступные нам источники, в том числе архивные материалы¹. Объективные обстоятельства не позволили нам поработать в архивах ФРГ. Важным подспорьем стали публикации дипломатических документов, представляющих большой интерес. Среди них большой сборник документов, связанных с развитием отношений Германии и России, подготовкой и подписанием договора в Рапалло и в этой связи освещающих деятельность В. Ратенау². Эти документы были подготовлены к печати группой дипломатов и ученых СССР и ГДР, в редакционную коллегию входил член коллегии и заместитель министра иностранных дел СССР И.Н. Земсков. Таким образом, сборник носил официальный характер. Он вышел в свет в пору нормализации отношений Советского Союза и ФРГ. Отсюда — его относительная полнота и объективность, хотя некоторые огрехи все же имеются. Часть документов из этого сборника публиковалась в официальном издании более высокого уровня — Документах внешней политики СССР, издание которых контролировал министр иностранных дел А.А. Громыко³.

При всей ценности этих публикаций надо помнить, что они носили целенаправленный характер, а потому естественно, неполны и в определенной мере тенденциозны.

Важны труды главы Советского правительства В.И. Ленина. Особо интересны его документы, связанные с подготовкой участия РСФСР в Генуэзской конференции и подписанием Рапалльского договора, а также его оценки международного положения, советской внешней политики, в частности, отношений с Германией. В них видна вся сложность политики тех лет и усилия правительства РСФСР и лично Ленина, приложенные к тому, чтобы разобраться в этой политике и не только защищать интересы Рос-

¹ Центр хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК, ранее Особый архив), был использован фонд 634 - фонд Ратенау, а также материалы архива министерства иностранных дел Российской Федерации (архив МИДРФ): архив Красина в 3-х томах, рассекреченный в 1998 году; фонд Генуэзская конференция, фонд подпредства СССР в Германии 1921-1934 гг.; фонд референтуры по Германии.

² Совестско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. документов. (См. далее: СГО). Т. I-II М., 1971; Т. II (1919-1922 гг.). М., 1971.

³ Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960; Т. V. М., 1961.

сии, но и способствовать сохранению мира в Европе¹. Крайне важны документы Наркома иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина².

Среди мемуарной литературы можно выделить в первую очередь воспоминания двух советских участников Генуэзской конференции 1922 года Н.Н. Любимова и А.Н. Эрлиха. Эта небольшая книга содержит яркие зарисовки множества деталей, даются обзоры иностранной прессы. Она оказалась весьма полезной в нашей работе³.

Правда, историк А.А. Ахтамзян характеризует воспоминания Любимова и Эрлиха как заметки "по памяти", которые нуждаются в уточнении⁴. Наверное, это правильно, но относится также и к другим мемуарам, который тот же Ахтамзян принимает без оговорок.

Интересны впечатления о Генуэзской конференции Эдуарда Эррио, видного французского политика, которые он включил в свои воспоминания⁵.

Публицистику тех лет представляет мало известная у нас книга английского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, написанная им уже после отставки. В ней даны любопытные, хотя и спорные оценки отдельных событий и характеристики политиков, в частности, В. Ратенау⁶.

Немецкие источники включают, прежде всего труды, речи, статьи, дневники Вальтера Ратенау и воспоминания о нем современников⁷, а также опубликованные документы по вопросам внутренней и внешней политики Германии в годы первой мировой войны и становления Веймарской республики⁸.

¹ Ленин В.И. Письмо Г.В. Чичерину о директивах ЦК РКП(б) для советской делегации на Генуэзской конференции. Полн. собр. соч. Т. 44; О международном и внутреннем положении советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. Т. 45; Проект постановления ВЦИК по отчету делегации на Генуэзской конференции. Т. 45 и др.

² Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.

³ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников. М., 1963.

⁴ Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922-1923 годах. М., 1974. С.68-69.

⁵ Эррио Эд. Из прошлого. Между двумя войнами 1914-1936. М., 1958.

⁶ Ллойд Джордж Д. Европейский хаос. М.-Л., 1924.

⁷ Rathenau Walter. Hauptwerke und Gespräche. Herausgegeben von Ernst Schulin. München. Heidelberg. 1977; Rathenau W. Schriften aus Kriegs- und Nachkriegszeit. Berlin. 1929; Rathenau W. Politische Briefe. Dresden. 1929; Aus Walters Rathenaus Notizbüchern. Zum Andenken für seine Freunde. Aphorismen 1903 bis 1908; Walter Rathenau. Briefe an eine Liebende. Karl Reißner-Verlag-Dresden. 1931; Rathenau Walter. Tagebücher. 1907-1922. Düsseldorf. 1967.

Kessler Harry. Tagebücher. 1918-1937. Politik, Kunst und Gesellschaft der Zwanziger Jahre. Frankfurt a/M. 1961.

⁸ Deutsche Geschichte 1918-1933. Dokumente zur Innen- und Aussenpolitik. Hrsg. W. Michalka. G. Niedhart. Frankfurt a. M. 1992; Misstrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919-/1970. Dokumentation und Analyse. Hrsg. Von Hans-Adolf Jacobsen unter Mitwirkung von Wilfried V. Bredow. Dusseldorf. 1970.

Die Erste Republik. Dokumente zur Geschichte des Weimarer Staats. Herausgegeben von Peter Longerich. München. Zürich. 1992. u. a.

Особо следует отметить последние солидные отечественные публикации документов из архивов Российской Федерации по истории Коминтерна и советской внешней политики 20-х годов¹.

Отечественные, советские историки, изучавшие внешнюю политику СССР уделили значительное место советско-германским отношениям 20-х годов и Рапалльскому договору. Много писали и о Генуэзской конференции. Естественно, что они не прошли мимо оценки роли во всех событиях В. Ратенау.

В духе времени история договора подавалась в нашей литературе главным образом, как успех советской дипломатии, которая действовала очень решительно и твердо, обеспечив себе победу в борьбе с объединенным фронтом империалистов. Именно она расколола этот фронт и этим вывела РСФСР из международной изоляции. Значение договора для Германии виделось в том, что и Германия вышла из дипломатической изоляции, подписав первый равноправный договор с великой державой после войны и Версальского договора. Главная роль отводилась советской дипломатии, немцы оставались как бы в ее тени, их успех оценивался как вторичный, производный от советского. Опускалось значение договора для Европы, его влияние на положение Германии и решение вопроса о репарациях. Соответственно ниже оценивались германские дипломаты. Их характеристика зависела от отношения к РСФСР. Формально одобрявшие новую власть, готовые на немедленные контакты с ней назывались "восточниками" и удостаивались похвал, без всякого учета причин для занятия ими такой позиции. Те же, которые, как Ратенау, не сразу пришли к этим контактам или ставили немецкие интересы выше русских, назывались "западниками" и довольно сурово критиковались. Главной мишенью этой критики оказывался В. Ратенау. Впервые подобный подход появился в документах Г.В. Чичерина, Е.Б. Пашуканиса и других наших дипломатов. В. Ратенау упомянул в своем труде известный в свое время исследователь проф. Н.Л. Рубинштейн, изучивший внимательно все доступные ему источники, в том числе зарубежную прессу². Н.Л. Рубинштейн поставил Ратенау как дипломата в один ряд с Дэвидом Ллойд Джорджем и Эдуардом Эррио, политиками, которые, по его мнению, стремились лишь к захвату русского рынка методами мирного наступления и включения России в рамки капиталистической системы³. Таким образом, эти деятели как бы уравнивались с дру-

¹ Дух Рапалло. Советско-германские отношения. 1925-1933. Екатеринбург. Москва. 1997. (Главный редактор Г.Н. Севостьянов); Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910-1940-х годов. М., 1997, Изд. Московского Государственного Института международных отношений (университет) МИДРФ; Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., "Наука", 1998.

² Рубинштейн Н.Л. Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921-1922). М., 1948.

Его же. Внешняя политика советского государства в 1921-1925 гг. М., 1953.

³ Рубинштейн Н.Л. Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру. С.219.

подписал Рапалльский договор 1922 года с Советской Россией, не скрывал своего отрицательного отношения к нему"¹.

В обобщающем труде по истории европейской безопасности видный советский дипломатический работник Ю.Н. Рахманинов уделил много места Рапалльскому договору. Он расценивал его как результат успешной советской политики, с одной стороны, а с другой, как результата понимания необходимости тесных связей РСФСР и Германии. Среди деятелей Веймарской республики, показавших это понимание, автор назвал И. Вирта, У. фон Брокдорфа-Ранцау, А. фон Мальцана и "других". В число безымянных "других" попал и В. Ратенау².

В. Ратенау упоминается в работах советских авторов, писавших о Германии 20-х годов, а также в работах историков ГДР. Так, в книге по новейшей истории Германии, выпущенной учеными института Всеобщей истории, Ратенау, "президент крупнейшего электротехнического концерна АЭГ", назван среди министров правительства И. Вирта³. В ней говорится об его убийстве как человека, "... имя которого было тесно связано с Рапалльским договором"⁴.

Такая формулировка не случайна. Авторы приписывают подготовку и подписание Рапалльского договора лично канцлеру Вирту, который сделал это — "правда, не без длительных колебаний"⁵.

Напротив, известный советский германист Д.С. Давидович пишет, что подписание Рапалльского договора было тесно связано (разрядка наша Г.С.) с именем крупного финансиста В. Ратенау. Он, как и Вирт, "отстаивал интересы тех групп германской буржуазии, которые трезво оценивали внутреннее и международное положение Германии и стремились восстановить с Советской Россией экономические и политические отношения". Члены фашистской организации "Консул" убили Ратенау как активного сторонника "политики выполнения"⁶.

Свое мнение о В. Ратенау высказывал и другой известный наш германист Л.И. Гинцберг, в статье, посвященной деятельности и заслугам канцлера Йозефа Вирта⁷.

Я.С. Драбкин приводит ряд интересных сведений о внешнеполитических взглядах Ратенау и его отношении к Советской республике в 1918-1919 годах⁸.

¹ Дипломатический словарь: В 3-х т. 4-е изд. М., 1986. Т. II. М., 1986. С.451.

² Рахманинов Ю.Н. Проблема европейской безопасности: Исторический опыт ее решения. 1917-1977. М., С. 37.

³ Германская история в новое и новейшее время. Т. 1-2. М., 1970. Т. II. М., 1970. С.74.

⁴ Там же.

⁵ Германская история в новое и новейшее время. Т. 1-2. М., 1970. Т. II. М., 1970. С.79.

⁶ Давидович Д.С. Революционный кризис 1923г. в Германии и Гамбургское восстание. М., 1963. С. 43, 44-45.

⁷ Гинцберг Л.И. Йозеф Вирт: Путь к борьбе за мир и сотрудничество между народами. //Новая и новейшая история. 1981. № 1, 2.

⁸ Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. М., 1978. С. 219, 225, 265.

Подспорьем для автора явились две биографические работы отечественных историков, в которых освещается Генуэзская конференция и острая дипломатическая борьба ее участников, в частности вокруг договора в Рапалло. Это биографический очерк известного ученого К.Б. Виноградова, рассказывающий о жизни и карьере одного из видных британских политиков Дэвида Ллойд Джорджа¹. Другая книга — К.А. Малофеева — освещает биографию французского министра Луи Барту, одного из участников конференции в Генуе². В обеих книгах приводятся интересные факты о деятельности Ратенау-дипломата накануне и в ходе конференции в Генуе.

Для написания нашей работы были привлечены произведения отечественных историков по истории Германии, Европы, России и XX века (А.В. Аветьяна, В.С. Васюкова, А.С. Ерусалимского, Ф.П. Пашкевича, В.Г. Баева, Н.В. Фарбмана и других.).

За последние два десятилетия интерес к нашей теме заметно уменьшился. Не появилось ни одной крупной работы. Характерным оказался семинар, проведенный в Минске в 1992 году и посвященный 70-летию договора в Рапалло. Участники семинара выступали против старых подходов и требовали более объективной трактовки событий. В повестку дня семинара были включены самые разнообразные вопросы: от роли Польши в 20-е годы до подвигов советских разведчиков в годы Второй Мировой войны. Не было только докладов о самом договоре, деятельности дипломатов и, конечно, о Ратенау³. Сейчас предпринимаются отдельные попытки пересмотреть прежние оценки Генуи и Рапалло под тем предлогом, что эти события не соответствовали действительным интересам Германии и способствовали "стабилизации большевизма" и даже "росту фашизма"⁴. Утверждают, что Рапальский договор был скорее коварным ударом по Версальской системе, создававшейся, оказывается, чтобы ограничить реваншинстские поползновения Германии в будущем. Таким образом, он фактически способствовал росту агрессивности фашистов. Все положительное значение договора снимается еще и ввиду того, что о нем писала только "советская историография", представителями которой — и не последними — являются авторы этой точки зрения — З. Белоусова и Д. Наджафов⁵.

Но были опубликованы и новые статьи, расширяющие наши представления о Рапалло и Ратенау. В 1984 году вышла статья Г.М. Садовой о взглядах Ратенау на развитие империализма, в 1988 году — ее же статья "Эволюция внешнеполитических взглядов В. Ратенау в годы первой миро-

¹ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970.

² Малофеев К.А. Луи Барту. Политик и дипломат. М., 1988.

³ Гиниберг Л.Н. Заметки // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 215-217.

⁴ Греков Б.И. Вальтер Ратенау: Эволюция внешнеполитических взглядов (1914-1922 гг.). В кн.: Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 102-103.

⁵ Белоусова З.С., Наджафов Д.Г. Вызов капитализму: Советский фактор в мировой политике. В кн. XX век: Многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996. С. 58.

вой войны"¹. В 1998 году появилась еще одна статья Г.М. Садовой о Ратенау как идеологе реформизма².

В 1994 году в книге "Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории" напечатана статья Б.И. Грекова "Вальтер Ратенау: Эволюция внешнеполитических взглядов (1914-1922 гг.), в которой использовались архивные материалы³.

Новые факты и оценки, прямо или косвенно относящиеся к нашей теме, содержатся в журнальных статьях А.А. Ахтамзяна, В.В. Соколова⁴.

Любопытную и в общем положительную оценку договору и развитию советско-германских отношений дает видный отечественный историк Л.А. Безыменский⁵.

История Рапалльского договора освещается в научно-популярной и даже художественной литературе. Немало страниц посвятили ей авторы книги о наркоте иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерине — С. Зарницкий и А. Сергеев⁶. Они опирались на отечественные источники и литературу, особо учитывая мнение и оценки Чичерина. Это определило некоторую однообразность в изложении, явное преувеличение роли и заслуг советских дипломатов во главе с Г.В. Чичериным и такое же одностороннее негативное и даже карикатурное изображение немецкой стороны, в особенности В. Ратенау. Один из самых богатых людей Германии, известный политик и уважаемый всеми дипломат рисуется в книге как чуть ли не агент Антанты, напуганный ею, а главное — дрожащий от страха за свою карьеру⁷.

Авторы противопоставляют Ратенау канцлеру Вирту с его "здоровым и глубоко реалистическим инстинктом", который толкал его на сближение с Россией⁸. Карикатурой выглядит такая, например, характеристика: "обычное двуличие буржуазных дипломатов у Ратенау было как-то особенно отвратительно". Он "... готов продаваться тому, кто больше даст, стойко рассчитывая, что это будет все-таки не Россия, а Англия⁹. Искан-

¹ Садовая Г.М. Вальтер Ратенау — идеолог военно-государственного монополитического капитализма в Германии // Внутриполитическая борьба в странах Запада в годы первой мировой войны. Куйбышев, 1984. С. 128-148.

Садовая Г.М. Эволюция внешнеполитических взглядов В. Ратенау в годы первой мировой войны // Из истории общественной мысли и политических движений в новое и новейшее время. Куйбышев, 1988. С. 123-135.

² Она же. В. Ратенау и Ф. Науманн — идеологи буржуазного реформизма в Германии // Новая и новейшая история: Межвуз. сб. Вып. 17. Изд. Саратовского университета, 1998. С. 184-200.

³ Греков Б.И. Ук. соч. С.102-113.

⁴ Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920-1933 гг. (по новым документам) // Новая и новейшая история. 1990. № 5.

⁵ Соколов В.В. Крестинский — революционер, дипломат (1892-1938) // Новая и новейшая история. 1989. №5

⁶ Безыменский Л.А. Советско-германские договоры 1939: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 5-6.

⁷ Зарницкий С., Сергеев А., Чичерин Г.М. 1966.

⁸ Там же. С. 167.

⁹ Там же. С. 165.

⁹ Там же. С. 155.

женно преподносится история о переговорах сторон в Берлине, где Вирт и Ратенау "видимо, стеснялись друг друга"¹

В этом же ключе и явно неуважительно изображает Ратенау писатель, публицист и дипломат С.А. Дангулов в романе "Заутреня в Рапалло"². Здесь Ратенау представлен главой проанглийского лагеря в противовес прорусскому, возглавленному Мальцаном. Последний — умен, расчетлив, хитер и "эксплуатирует слабости Ратенау", в число коих — его эмоциональность, страх и преклонение перед англичанами. А те, в свою очередь, поощряли его в антирусских акциях³. Писатель позволил себе необоснованную и фальшивую сцену, когда советские дипломаты гадают, кем является Ратенау, который "перепуган на всю жизнь победами союзников", да и "человечески он не храброго десятка" Так кто же он: зайчишка? "не волк и не заяц" и т.п.⁴ Интересно отметить, что в большой газетной статье о Чичерине среди достижений Георгия Васильевича Дангулов даже не упомянул о заключении Рапальского договора⁵.

Можно утверждать, что в целом, в содержательных работах советских историков разных лет наша тема освещалась детально, в комплексе отношений двух стран. В оборот были введены ранее неизвестные материалы из советских и немецких архивов, использовалась вся доступная литература, были сделаны и плодотворные научные выводы. Относительно подробно исследовались история созыва и работы Генуэзской конференции, дипломатическая борьба на конференции, подготовка и заключение Рапальского договора. Естественно, определенное внимание уделялось и деятельности В. Ратенау. Но как раз здесь проявились особенно ярко политизация и чрезмерная идеологизация исторической науки, которые усиленно насаждались в СССР в 50-80-е годы.

Неточными были оценки и выводы, преувеличивались достижения советской дипломатии, критиковалась и даже искажалась деятельность германских политиков, в первую очередь Ратенау, не хотевших ставить интересы Германии ниже интересов России. Подчеркивалась корысть немецкой стороны, ее алчность и колонизаторские планы по отношению к советской России. Невольно складывалась односторонняя картина, фактически изъятая из контекста европейской и мировой внешней политики. Бросается в глаза откровенная недооценка германской дипломатии и в особенности ее главы — министра иностранных дел. Поэтому можно говорить, что договор в Рапалло и деятельность В. Ратенау — темы, раскрытые далеко не полностью.

Меж тем история Ратенау и договора в Рапалло — это рассказ о преодолении узко-классового эгоистического интереса в пользу общечелове-

¹ Там же. С.

² Дангулов Савва. Заутреня в Рапалло. Роман-газета. № 8. М., 1983.

³ Там же. С. 69.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Правда. 1988. Октября 5.

ческих ценностей, пример глубокого понимания и стойкой защиты своих интересов при обязательном и честном учете интересов другой стороны, интересов всеобщего мира. Ратенау встал в Генуе выше предрассудков своего класса, своей среды, проявил личное мужество и самоотверженность и победил самого себя, собственные заблуждения и оплошность. Обо всем этом должны рассказать историки, и наша работа — шаг в этом направлении.

Что касается немецкой историографии, то Рапалло и Ратенау — темы достаточно популярные с давних пор. Еще 10 лет назад отмечалось, что библиография работ, написанных о Ратенау на Западе, насчитывает более 200 названий¹. Если в высоких философских, экономических и политических оценках Ратенау зарубежные историки в целом единодушны, то анализируя его внешнеполитические идеи и деятельность, особенно на посту министра иностранных дел, они высказывали различные и даже противоположные точки зрения. При этом особо остро обсуждается "русская политика" Ратенау, приведшая к подписанию Рапалльского договора. Одни историки, например, Х. Бетхер расценивают договор как вершину всей деятельности Ратенау². Другие, напротив, недооценивают или критикуют его за принятие этого договора. Так, П. Берглар писал: "Часто политическую деятельность Ратенау суммируют под лозунгом "Рапалло". Это неверно. Рапалло было отдельным спекулятивным актом. ... Вклад Ратенау в немецкую внешнюю политику связан прежде всего с решением репарационного вопроса"³.

Большие споры до сих пор вызывает вопрос о внешнеполитических взглядах Ратенау. Некоторые немецкие историки причисляют его к дипломатам типа Бисмарка, Булова, Бетман-Гольвега, т.е. жестким и открытым аннексионистом⁴.

Другие утверждают, что в работах и в практической деятельности Ратенау присутствовал значительный заряд критики вильгельмовской политики, прежде всего, имперских амбиций Германии и преувеличенно подчеркивают его пацифизм. "Он принадлежал к немногим людям вильгельмовской эры, — пишет Х. Бетхер, — которые понимали, что большая политика может вестись не только с помощью золота и оружия"⁵.

Ф. Фишер, прогрессивный гамбургский историк, в сопроводительном слове к дневникам Ратенау писал: "Несмотря на большие заслуги Ра-

¹ См.: Садовая Г.М. Вальтер Ратенау — идеолог военно-государственного монополистического капитализма в Германии. // Внутриполитическая борьба в странах Запада в годы первой мировой войны. Куйбышев. 1984. С. 129.

² Böttcher H. Walter Rathenau. Persönlichkeit und Werk. Bonn. 1958. S. 286.

³ Berglar P. Walter Rathenau. Sein Zeit, Sein Werk, seine Persönlichkeit. Bremen. 1970. S.59.

⁴ См. Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Hrsg. Jmanuell Geiss. Bernd Jurgen Werdt. Düsseldorf. 1974. S. 285.

⁵ Böttcher H. Walter Rathenau. Persönlichkeit und Werk. S. 17.

тенау как министра Веймарской республики, он был, в первую очередь, представителем Вильгельмовской Германии ... "1

Е. Шулин считает, что Ратенау не смог сделать политическую карьеру до войны, потому что выступал против принципов политики Вильгельма II²

К разногласиям в оценке воззрений и деятельности Ратенау в сфере внешней политики в целом добавляются споры о роли В. Ратенау в подготовке и заключении Рапальского договора: желал ли он его, готовил или сопротивлялся до конца и потом сожалел о своей подписи в Рапалло?

¹ Rathenau W. Tagebuch. 1907-1922. Düsseldorf. 1967. S. 6.

² Walter Rathenau. Hauptwerke und Gespräche. Herausgegeben von Ernst Schulz. München. 1977. S. 32.

Вальтер Ратенау пробыл на посту министра иностранных дел Германии неполных пять месяцев (с 31 января до 24 июня 1922г.). Срок крайне небольшой. Но именно в эти считанные месяцы Ратенау сделал шаг, вписавший его имя в историю своей страны и международных отношений. Он сделал этот поистине бессмертный шаг, подписав 16 апреля 1922 года договор с Советской Россией в Рапалло.

Сами переговоры в ходе Генуэзской конференции, подготовка и подписание договора в общем тоже были кратковременны. Однако можно сказать, что путь В. Ратенау к вершине своей карьеры и жизни оказался длительным, трудным и противоречивым. Он должен был преодолеть много препятствий, большое сопротивление врагов, свои собственные взгляды и предрассудки, прежде чем поставить подпись под договором. Но в итоге он оказался человеком, который, как принято говорить, оказался "в нужном месте в нужное время". Он заработал это право стать "нужным человеком", сумев прежде всего, правильно и глубоко разобраться в сложной международной обстановке, в проблемах германской политики.

Эти проблемы, да и вся европейская и мировая политика во многом определялись итогами первой мировой войны и победой Октябрьской социалистической революции в России.

Германская империя проиграла мировую войну. Победители, ядром которых являлся союз Англии и Франции (Антанта), навязали Германии унижительный и грабительский Версальский договор. По этому договору Германия уменьшила свою территорию на 1/8, а население — без малого на 1/10. Отдельные земли и районы перешли к Франции, Бельгии, Дании, вновь созданным Польше, Чехословакии, Литве. Зона реки Рейн объявлялась демилитаризованной. Саарский угольный бассейн и Саарская область передавались Франции и под контроль Лиги наций. Территория на Запад от Рейна оккупировалась войсками союзников на срок от 5 до 16 лет¹.

Договор лишал Германию всех колоний и сфер влияния, собственности и привилегий за рубежом и требовал разоружения. Ее лишали военно-морского и воздушного флота, армия была добровольной, всего в 100 тыс. человек. Германия объявлялась ответственной за начало мировой войны и причиненный ей ущерб. Она должна была возместить его в виде репараций. Некоторые статьи Версальского договора ставили бывшую Германскую империю в положение зависимой страны².

Таким образом, союзники добились значительного экономического и военно-политического ослабления бывшего грозного конкурента, на ряд лет Германия перестала играть роль одной из великих держав.

¹ См.: Версальский мирный договор. Изд. Литиздата НКВД М., 1925. Ч. II. Статьи 27-114. С. 16-54.

² История дипломатии. 2-е изд. Т. III. С. 161-164.

Версальский договор 1919 года во многом определил экономическое и политическое развитие Германии. Большое значение имел сам факт поражения Кайзеровской империи, ее унижение и оскорбление. Яркую картину положения Германии к началу 20-х годов нарисовал британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж. Он представил, что увидел бы теперь человек, помнивший довоенную Германскую империю "... с ее августейшим главой, облаченным почти самодержавной властью и с населением, стремившимся гигантскими шагами к процветанию и богатству; империю, обладавшую несравненной армией, чья поступь ужасала Европу; флотом, заставлявшим опасаться вторжения в Англию и обширными владениями за морем. Теперь вместо самоуверенной, могущественной и дерзкой империи он увидел бы робкую, пугливую и вечно извиняющуюся республику ... Министры этой республики присылают дипломатические ноты с целью умиловить Бельгию и получают их обратно словно отсталый школьник, вынужденный переписывать свое жалкое упражнение по указке учителя; великая армия низведена до половинных размеров сербской армии, грозный флот покоится на дне моря; по берегам Рейна стоят на страже британские, французские и бельгийские солдаты"¹.

Эту картину дополняет строгая статистика. Промышленное производство Германии едва превысило к началу 20-х годов половину уровня предвоенного 1913 года. Тяжелый кризис переживало сельское хозяйство и страна впервые за многие годы была вынуждена ввозить продукты питания. Бешено росли цены: за 1920-1922 гг. — в 40 раз. Заработная плата, пенсии и пособия не поспевали за ценами. Реальная заработная плата немецких рабочих была в те годы самой низкой в Европе². Социальные потрясения лишали стабильности политическую жизнь страны. Республика, созданная в августе 1919 года по Веймарской конституции, была слабой, ее все время сотрясали ожесточенные классовые бои пролетариата и выступления националистической и монархической контрреволюции. Самым крупным и опасным для республики оказался путч Каппа-Лютвица, с трудом подавленный в марте 1920 года³. Против путча выступала и Демократическая партия, членом которой был В. Ратенау.

Правительство социал-демократов во главе с Ф. Шейдеманом, фактически рожденное Ноябрьской революцией, авторитетом в стране не пользовалось. Президент Веймарской республики, правый социал-демократ Ф. Эберт, хотя и имел по конституции большие полномочия, порядка установить не мог. Уже в июне 1920 года, впервые после революции, к власти пришло правительство буржуазии во главе с лидером правого

¹ Ллойд Джордж Д. Европейский хаос. С. 111.

² Бяк И.Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике. Учебное пособие. Иваново. 1990, С. 18.

³ См. подробнее: Панквич Ф.И. Капповский путч в Германии. М., 1972.

крыла партии центра К. Ференбахом (министр иностранных дел В. Симонс)¹.

Но и буржуазия Германии не имела большой силы ввиду своей раздробленности. Шла борьба финансовых групп, банков и монополий по вопросам экономики и политики. Не была решена окончательно и судьба республики.

В народе еще жили иллюзии и свежие воспоминания о былом могуществе империи, сохранялся монархический менталитет. Это переплеталось с оскорбленным национализмом, с революционными и шовинистическими выступлениями, которые разделялись в различных социальных слоях. Реакция выступала открыто и одновременно создавала тайные террористические организации. Во внешней политике главным для немцев было отношение к Версальскому договору и его последствиям. По этому вопросу борьба была наиболее резкой и упорной. Правящие круги разделились на два лагеря. Один из них, представляющий "современные" или, как их тогда называли, "экспортные" отрасли промышленности — химическую, электротехническую, машиностроительную и связанные с ними банки, — учитывая реальную обстановку и кардинальное изменение соотношения сил в пользу Антанты, считал возможным приступить к выполнению требований Версальского договора с тем, чтобы постепенно добиться его ревизии, растаскивая по частям "грозные" статьи и сталкивая между собой победителей.

Особое место занимал вопрос о репарациях с Германией. Первоначально была установлена совершенно фантастическая сумма этих репараций в 226 млрд. золотых марок. После долгих обсуждений и торгов, перессоривших победителей, сумма была снижена (в апреле 1921 г.) до 132 млрд. марок с выплатой в течении 37 лет².

Сторонники принятия требований Версальского договора в части репараций полагали, что здесь можно долго торговаться с союзниками, уступая то одному, то другому с тем, чтобы уменьшить их бремя. Эта позиция получила название тактики или "политики выполнения". В нашей литературе нет единого мнения и характеристики "политики выполнения"³.

В отечественной литературе встречались высказывания о том, что "политика выполнения" была вредна для германского народа, так как основная тяжесть налогов, за счет которых выплачивались репарации, падала на широкие массы рабочих, крестьян, средних слоев. Однако "политика выполнения" сохраняла потенциал германской экономики, давала хотя бы

¹ Ерин М.Е. История Веймарской республики в новейшей германской историографии. Уч. пособие. Ярославль. 1997. С. 23.

² История дипломатии: 2-е изд. Т. III. С. 215-217.

³ См.: Н.В. Фарбман. Германский империализм на пути ревизии репарационных восстановлений Версальского договора 1920-1923 гг. // Ежегодник германской истории. 1972. М., 1973.

Баев В.Г. Вопросы репарационной политики Веймарской республики (по материалам Рейхстага). // Вопросы истории. 1977. № 9 и др.

временную гарантию от военного вторжения союзников и была связана с предоставлением населению известных политических и социальных льгот, чтобы заручиться его поддержкой. Она означала сохранение и укрепление буржуазно-республиканского, демократического строя¹.

Сторонниками другой политики или "тактики катастроф" были представители "старых" отраслей тяжелой промышленности (хозяева угольных шахт, калийных рудников, металлургических заводов и т.п.), юнкеров-помещиков, представителей финансовой олигархии, связанной с французским капиталом. Лидером этой группы был "король стали" Гуго Стиннес, ставший за войну и первые послевоенные годы самым богатым германским капиталистом². Целью этой группы было уничтожение Версальского договора, так сказать, в открытом бою. Средством был избран отказ платить репарации. Это вызвало бы союзную оккупацию германских земель, возможное восстание, стачки, бунты, открытое столкновение, подавить которые смогла бы военная диктатура и восстановленная с ее помощью монархия. Угроза бунта и даже революции должна была напугать Антанту и разрушить республику. Такая позиция стала называться "политикой (тактикой) катастроф".

Обе политики — "выполнения" и "катастроф", исходили из одного социального источника и вели к одной цели — ослаблению, а затем и ликвидации Версальского договора. Эта цель определяла стратегическую линию германской внешней политики. Все остальные вопросы внешней политики подчинялись такой главной линии.

Этим определялось и отношение Германии к своим соседям, которые после Версаля изменились к худшему. Версальский договор перекроил карту Европы и мира. На границах Германии возникли новые государства. Они вели себя недружелюбно, "наскакивали", особенно Польша на некогда грозного соседа, опасаясь в то же время его экономического потенциала и возможного быстрого восстановления былой военной мощи. Все соседи — (Австрия, Чехословакия, Польша и другие) находились в сфере влияния Антанты, главным образом, Франции. Последняя вела по отношению к немцам жесткую политику, требуя немедленной выплаты репараций и угрожая военным вторжением. Более гибкую позицию заняла Великобритания. Она тоже требовала уплаты репараций и сохранения приниженности Германии. В то же время англичане хотели использовать Германию против Франции в борьбе за гегемонию в Европе и шли на некоторые уступки. На Балканах немецкие позиции ослабли, была утрачена возможность маневра в Южной Европе. Италия, правда, не поддерживала "строгости" Антанты, но сама была ослаблена войной, переживая острый внутренний кризис. Северная Европа была отрезана от немцев, благодаря французской политике

¹ Руте В. Германия в 1917-1933 гг. От Великой октябрьской социалистической революции до конца Веймарской республики. М., 1974. С. 124-125.

² Норден А. Уроки германской истории. М., 1948. С. 72.

создания блока из Польши, прибалтийских государств и Финляндии. И хотя почти все страны возобновили дипломатические отношения с Германией, она находилась в своеобразной изоляции, была окружена недружественными соседями, лишена сколько-нибудь надежной опоры, не имела союзников. Германская экономика страдала от тяжести версальских установлений, не имела гарантированного выхода на мировые рынки. Традиционные сферы "интересов" германского капитала — Балканы, Восточная Европа, азиатские страны были по разным причинам для него закрыты.

Руководящие круги Германии судорожно искали средства и пути, чтобы встать с колен и, опираясь на какую-либо из великих держав, вернуть свой прежний статус. Но Запад был решительно против таких устремлений и бдительно следил за маневрами Берлина.

Таким было международное положение Германии. Перед ее дипломатией стояли труднейшие задачи и она старалась их решить, играя на противоречиях между странами и пугая угрозой "большевистской революции"

Внешнеполитическая обстановка была тесно увязана с внутригерманскими проблемами. Политическая жизнь страны представляла сложное и противоречивое переплетение самых острых проблем.

В этой жизни В. Ратенау хотел найти свое новое место и упорно добивался продвижения к вершинам власти. Сразу же после окончания мировой войны Ратенау оказался в трудном положении. Он не пошел вслед за остатками империи, отверг старый строй и принял Веймарскую республику. Но утвердившиеся в ней политические силы считали Ратенау чужим.

Несмотря на явное желание Ратенау участвовать в политике, ему достаточно резко было отказано в этом социал-демократами. Он был взбешен и даже опубликовал ряд контрреволюционных статей, не вызвавших особого интереса.

Желание Ратенау "быть на виду", участвовать в политике было велико. Он обдумывал политические вопросы, искал средства и новые подходы для возрождения Германии, и одновременно — поле приложения своих сил. Он пропагандирует давнюю мысль, что руководить обществом должны не "карьеристы и дельцы", но способные люди, не имеющие личной жизни, движимые не корыстными, а только духовными интересами, целиком отдающими себя делу. Не трудно заметить в этом портрете черты самого Ратенау. Он остался на позициях индивидуалиста-интеллектуала, закрывая для себя дорогу в политическую жизнь.

Однако оставались его профессионализм, широкий кругозор, знание международной экономики, его старые связи в деловом мире Европы и Америки. Он считался человеком с космополитическими взглядами, умеющим мирно решать спорные вопросы и смягчить оппонентов. Существовавшие в Германии тогда правительства нуждались в таких людях,

прежде всего, в знатоках экономических проблем и дипломатии, имевших выход в лагерь недавнего врага — Антанты.

Перед Германией тогда стоял самый большой и больной, важный вопрос — о выполнении Версальского договора, в особенности выплата гигантской контрибуции в 20 млрд. марок золотом, а затем огромных репараций. Многое здесь зависело от сроков, темпа и формы выплат, т.е. от вопросов тактических, решение которых было тесно связано с умением говорить об этом с победителями-союзниками. Ратенау имел международную известность и связи в европейском деловом и политическом мире. Теперь об этом вспомнили и Ратенау совершил поездку в Англию, где пытался облегчить положение Германии, используя прежние знакомства.

После разгрома Капшовского путча по требованию профсоюзов была возобновлена деятельность комиссии по социализации, в которую вместе с В. Висселем, Р. Гильфердингом, К. Каутским и др. вошел Ратенау. Это был симптоматический факт, поскольку ранее социалисты наотрез отказывались сотрудничать с ним. В комиссии Ратенау представил свой план преобразования экономики в духе государственно-монополистического капитализма и вместе с социал-демократом Р. Гильфердингом внес проект горизонтального концерна, который объединил бы все угольные тресты в "государственный трест" при сохранении частичной самостоятельности отдельных предприятий¹. Фактически речь шла об установлении государственного контроля за шахтами.

Проект вызвал страшное негодование Г. Стиннеса (члена Народной партии), который расценивал его как личный выпад. В свою очередь, Стиннес стоял за образование "вертикального концерна", который объединил бы производителей и потребителей угля, а также объединил бы энергетическое и транспортное хозяйства. Это было начало конфликта двух крупнейших предпринимателей, за которыми стояли различные группировки монополистической буржуазии².

Чутье и опыт политика подсказали Ратенау, что центральной проблемой германской политики является вопрос о репарациях. Он видел в нем два аспекта: внутренний — кто будет нести тяжесть уплаты репараций и внешний — как вести себя с победителями, подчиняться ли их диктату или сопротивляться, угрожая крахом экономики и революцией.

Ратенау подошел к репарации не только как экономист и предприниматель, но как философ и политик, видевший эту проблему в контексте европейской и мировой жизни. В июле 1919 года он писал: "В нашем отчаянном положении необходимо найти "двигательный центр", благодаря которому все может измениться. Мы должны урегулировать отношения с

¹ Schulz E. Walter Rathenau ... S. 105-107.

² Berglar P. Walter Rathenau ... S. 189.

Францией, скорректировать мирный договор, вернуть Германии моральный авторитет, обратить внимание на внутренние проблемы¹.

Выступая перед специальной комиссией рейхстага по репарационным вопросам, Ратенау говорил о необходимости перехода к "государственно-разумной политике". "Репарация — мера не только материальная, а нравственная, поскольку ее смысл примирить народы"².

Бетхер пишет, что Ратенау составил "психологическую программу действий" с тем, чтобы выявить настроение союзников и вынудить их спокойно подойти к требованиям Германии³.

В решении репарационной проблемы Ратенау избрал "политику выполнения", полагая, что она могла бы помочь в "наведении мостов" с Англией и Францией. Ратенау, конечно, понимал, что эта политика является мирной ревизией Версальского договора. Понимали это и бывшие победители. Но Англия шла на восстановление экономики Германии как противовеса гегемонистским планам Франции на европейском континенте. Франция требовала строгого выполнения Версальского договора и ежегодной выплаты репараций в 2 млрд. золотых марок, оккупации трех немецких городов и обложения особым налогом германской торговли. Французский премьер А. Бриан говорил, что намерен взять Германию твердой рукой за шиворот и обуздать германский реваншизм⁴.

Немецкая дипломатия старалась играть на различных подходах двух противников. Фактически такая политика раскалывала Европу и европейскую экономику.

У В. Ратенау был иной подход. И здесь он придерживался своих идей интеграции Европы, предвосхищая современное развитие Запада. Он хотел оживить свой старый проект создания союза "Срединной Европы", преобразуя его в план создания консорциума, в котором объединятся европейские державы, а целью будет восстановление России с тем, чтобы она стала покупать товары Германии, оплачивая их золотом и валютой, которые, в свою очередь, шли бы на уплату репараций.

Впервые этот проект был представлен им на конференции союзников по репарациям и разоружению Германии, проведенной 5-16 июля 1920 года в бельгийском городе Спа, где когда-то была ставка германского верховного командования. Конференцию, по словам Д. Ллойда Джорджа, отравляла атмосфера враждебности⁵. Впервые после подписания Версальского договора велись переговоры между странами-победительницами и Германией. Германия надеялась смягчить условия Версальского договора и послала очень представительную делегацию во главе с рейхсканцлером К. Ференбахом, министром финансов Й. Виртом и министром иностранных

¹ Ibid.

² Böncher H. Op. Cit. S. 208-209.

³ Ibid.

⁴ Малофеев К.А. Луи Барту. С. 61.

⁵ Ллойд Джордж Д. Ук. соч. С. 11.

дел В. Симонсом. В числе экспертов были Ратенау и Стиннес. В делегации были и генералы — военный министр Гейслер и командующий рейхсвером фон Сект. Конференция очень горячо обсуждала вопрос о разоружении Германии. Союзники потребовали немецкую армию перевести на добровольческую основу, сдать излишки вооружения и военного имущества, угрожая в случае невыполнения оккупировать новые германские территории¹. Немцы уступили. Затем на конференции был рассмотрен репарационный вопрос. Союзники потребовали объяснений сокращения поставок немецкого угля в счет репараций и денежных взносов. Германская делегация пыталась оправдаться в весьма примирительном тоне. 10 июля неожиданно выступил Г. Стиннес, речь которого сразу же окрестили "угольным ультиматумом". Он заявил, что Германия не даст ни угля, ни денег и товаров для выплаты репараций даже перед угрозой новой оккупации. Речь вызвала возмущение представителей Антанты. Напуганы были и немецкие делегаты. Как пишет А. Норден, потребовалась вся энергия и ловкость Ратенау для того, чтобы не допустить разрыва, которого желал Стиннес². Союзники однако устояли и не приняли возражений германской стороны, включая и провокационное выступление Стиннеса. Он имел сильное влияние на немецкую делегацию, но она в конечном счете поддержала Ратенау.

После конференции Германия уступила, хотя поставки угля были несколько сокращены. Немцы подписали протокол, предложенный союзниками. Позиция Ратенау снова привела к столкновению со Стиннесом, который позволил себе грубые националистические и антисемитские выпады, оскорблявшие достоинство Ратенау — человека.

В Спа Ратенау пытался, используя свои прежние связи, установить деловые контакты с английскими и французскими финансистами, предложив идею западноевропейского консорциума, но безуспешно. Именно после неудач в Спа Ратенау, как считает Кеслер, начал думать о необходимости искать контакты с восточными соседями³.

Германские промышленники уклонялись от выплаты репараций. Стиннес вел бешеную агитацию против выполнения мирного договора и решений конференции в Спа. Германское правительство упорно саботировало требования Антанты, в частности, на Парижской и Лондонской конференциях экспертов в январе и феврале 1921 года⁴. Союзники отклонили немецкие претензии, требовали выполнения всех условий и прибегали к силовым методам (оккупация ряда германских городов и т.п.). Вторая Лондонская конференция (апрель-май 1921 г.) выставила новую сумму репараций, снизив ее с 226 до 132 млрд. золотых марок. 5 мая Германии вручили ультиматум с требованием принять новую схему выплаты репараций

¹ История дипломатии. Т. III. С. 211-212.

² Норден А. Ук. соч. С. 70. Автор ошибочно именовал Ратенау министром иностранных дел, на деле он занял этот пост не в 1920, а в 1922 г.

³ Kessler G.H. Walter Rathenau. Sein leben und sein Werk. S. 317-319.

⁴ История дипломатии. Т. III. С. 215-217.

и выполнить все условия Версальского договора¹. Немцы пытались как-то ослабить требования союзников, но те не уступали ни в чем. Кабинет Ференбаха ушел в отставку. Президент Ф. Эберт с большим трудом уговорил лидера католического центра доктора И. Вирта образовать 10 мая новый Кабинет, который опирался бы на коалицию социал-демократов, партии Центра и демократов. Новое правительство приняло ультиматум союзников.

В состав Правительства Вирт включил Вальтера Ратенау².

Еще в начале 1921 года правительство послало Ратенау в Лондон для подготовки новой конференции, поскольку "его имя за границей производило хорошее впечатление"³. Теперь он был приглашен в состав правительства И. Вирта на пост министра восстановления. Это не было случайностью. Канцлер Вирт и Ратенау, несмотря на разницу в возрасте (Ратенау был на 12 лет старше Вирта), в социальном происхождении⁴ и в партийных взглядах, были духовно очень близки. Они сходились не только в оценке репарационной проблемы, но и отлично дополняли друг друга. И. Вирт имел привычку оставаться с Ратенау после заседаний и обсуждать с ним финансовые и репарационные проблемы⁵.

"Наша современная работа с Виртом, — писал Ратенау, — очень трудна, потому, что страна ждет, что новая политика, которую мы торжественно начали, даст очевидные результаты, но существуют опасности, которые затрудняют понимание политики"⁶.

Назначение Ратенау министром восстановления приветствовала либеральная пресса. Социал-демократические газеты отнеслись скептически. Определенные промышленные круги опасались реализации идей Ратенау о "планомерном ведении хозяйства", а националистические газеты нашли повод для грубых антисемитских нападок.⁷

Приход правительства Вирта знаменовал успех сторонников "политики выполнения". Вирт считал, что сейчас бесполезно спорить с Антантой по поводу дееспособности Германии. Он видел выход в том, чтобы "попытаться практически продемонстрировать Антанте, что может, а что не может преодолеть Германия, доведенная до крайности"⁸ Такой же точки зрения придерживался и Ратенау: "Я вступил в "кабинет выполнения" и мы должны найти путь вновь воссоединиться с миром"⁹.

¹ Там же. С. 216.

² Ратенау оставил предпринимательскую деятельность, отказался от поста президента АЗГ. (Orth W.. Op. Cit. S. 102).

³ Federn-Konilhaas Etta. Op. Cit. S. 217.

⁴ Йозеф Вирт, по происхождению из средних слоев (отец — мастер типографии), математик по образованию. Гикиберг Л.И. Йозеф Вирт: Путь к борьбе за мир и сотрудничество между народами. // Новая и новейшая история. 1981. № 12.

⁵ Laubarh Ernst. Op. Cit. S. 37-38.

⁶ Rathenau W. Politische Briefe. S. 298.

⁷ Laubach Ernst. Op. Cit. S. 37.

⁸ Ibidem. S. 40.

⁹ Orth W. Op. Cit. S. 103.

"Политика выполнения", — писал Л.И. Гинцберг, — могла рассчитывать на успех лишь в случае мобилизации необычайно крупных средств, учитывая то обстоятельство, что никаких налогов было недостаточно для выплаты репараций. Поэтому был предложен план "вторжения в основные ценности немецкой экономики". Предполагалось конфисковать в пользу репарационного фонда равномерно по всем категориям (земельные собственники, домовладельцы, владельцы промышленных и торговых заведений, включая банки) 20% стоимости их имущества. В правительственной программе предлагалось обложить особым налогом на оборот корпорации¹.

Предлагаемые меры были необходимы, но, естественно, не стали популярными и встретили сильное сопротивление, прежде всего открытых сторонников "катастроф". Они решительно, даже резко осуждали это предложение, клеветали на авторов, посылали проклятия и угрозы. В народных массах также распространялось негативное отношение к такой политике.

Встретив сопротивление в стране, Вирт и Ратенау стали искать выхода за рубежом, пытаясь ослабить гнет ежегодных репарационных платежей.

В качестве ближайшей задачи Ратенау ставил замену выплаты репараций золотом натуральными поставками (в экономическом смысле более выгодный вид оплаты для Германии). В октябре 1921 года он вступил в контакт с французским министром восстановления крупным промышленником Л. Лушером и "выторговал" "Висбаденское соглашение", по которому в течении четырех лет Германия должна была поставлять Франции угольную продукцию, речные суда и красители на 7 млрд. золотых марок в счет репараций². Такое решение затронуло интересы угольных магнатов (прежде всего Стиннеса), так как сокращало их возможности свободного маневра поставками и ценами на уголь. Стиннес писал Ратенау: "Как мог доктор Ратенау, такой интеллигент и знаток бизнеса, заключить договор в пользу противника?! Я открыто заявляю, что соглашение и его инициатор будут подвергнуты критике"³.

Объективно оценивая "Висбаденское соглашение", правительственные круги считали его первой дипломатической победой над Антантой. Соглашение послужило стимулом для германского производства. Ссылаясь на позицию профсоюзов, Ратенау даже добился от Лушера права германских профсоюзов контролировать цены на этих поставках⁴. "Висбаденское соглашение" поощряли германских монополистов к саботажу репарационных платежей. Правительство Вирта, внося 31 августа 1921 года 1

¹ Гинцберг Л.И. Ук. соч.

² Rathenau Reparationspolitik. Eine kritische studie von or. Reichert. Berlin, 1922. S. 77.

³ Schulin E. Op. Cit. S. 115.

⁴ Малофеев К.А. Ук. соч. С. 62-63.

млрд. марок золотом в фонд репараций, запросило мораторий, что вызвало осложнение франко-германских отношений.

На посту министра восстановления Ратенау пробыл недолго. 20 октября 1921 года он вышел из правительства в знак протеста против отторжения Верхней Силезии с большей частью угольных шахт¹. Однако услуги его как компетентного эксперта по вопросам репараций нужны были правительству, которое в конце ноября 1921 года снова направило его в Лондон для переговоров по вопросу о репарациях. В Лондоне тогда же находился Стиннес, пытавшийся наладить переговоры с английскими фирмами. Соперничая с ним, Ратенау развил бурную деятельность, встречался с премьер-министром Ллойд Джорджем, советниками министерства иностранных дел Англии, предпринимателями и банкирами². Он также усиленно пропагандировал идею международного консорциума по восстановлению России. По мнению Ратенау, в него помимо Германии должны были войти Англия, Франция, Италия, Бельгия. Для Германии он требовал 50% участия, чтобы выплатить репарационные платежи. Английские представители (в частности, министр торговли сэра Р. Хорн) дали предварительное согласие на создание консорциума. Последовали строго конфиденциальные переговоры премьера Англии с германскими представителями Г. Стиннесом и В. Ратенау, с участием министра торговли Р. Хорна. Ллойд Джордж 2 декабря три часа беседовал с Ратенау в особняке одного из лондонских богачей. "Германия, — говорил Ратенау, — спасла мир от большевизма", но ей грозит полный крах: "радикалы справа и слева". Угрозу можно предупредить, объединив промышленников и финансистов Англии и Германии, Европы и Америки, а также эксплуатацией ресурсов Советской страны. Обе стороны пришли к единому мнению: надо немедленно "открыть Россию". Практически речь шла об организации международного синдиката для "экономической реконструкции России", т.е. консорциума, о котором думал Ратенау³.

Существует мнение, что идею консорциума выдвинул представитель крупных промышленников, друг и партнер Ратенау по АЭГ Юлиус Дейч осенью 1921 года. Схожий план предлагали Г. Стиннес и английский капиталист Л. Уркварт. Стиннес обсуждал его в Лондоне в декабре, но неудачно. Ратенау добился большего успеха, связав консорциум с предложением восстановить экономические отношения с Россией. Британское правительство поддержало консорциум, на англо-германской основе и против германо-американской. Франция была решительно против самой идеи. Один французский журнал писал: "Это их великая идея. В этом вопросе в Германии сходятся все — военные и штатские, люди правых взглядов и ле-

¹ О проблемах Верхней Силезии. См. подробно: Руге В. Ук. соч. С.125-126.

² История дипломатии. Т. III. С. 250. В этой книге Ратенау ошибочно назван министром иностранных дел.

³ Виноградов К.Б. Ук. соч. С. 337-338.

вые, Людендорфа объединяют со Стиннесом и Ратенау. Эта идея о России, предназначенной для колонизации¹. Отрицательную позицию по отношению к консорциуму заняла Советская Россия, рассматривая его как враждебную акцию. Именно по поводу этой идеи международного консорциума, считал Г. Линке, разошлись Ратенау, с одной стороны, Вирт и А. Мальцан — с другой. Последние не считали возможной ее реализацию и по экономическим, и по политическим соображениям, имея в виду отрицательную реакцию Советской республики². Нам такое утверждение представляется неверным. Оно преувеличивает роль России в то время. Ее реакция имела значение, но куда более весомым оказалось негативное отношение Франции и США. Франция опасалась быстрого подъема Германии и возрождения России. США возражали против проекта, в котором не было места американскому капиталу. Получив одобрение в Лондоне, идея консорциума не получила дальнейшего развития.

Зато по вопросу о репарациях Ратенау добился в Лондоне большого успеха. Тогда в германских деловых кругах широко обсуждался такой план: англичане облегчат условия репараций, дадут немцам кредиты, а те станут покупать (вместо русских) британские товары. Это обозначило бы брешь в Версальском договоре и сблизило Англию и Германию. Но в конце 1921 года англичане неожиданно взяли курс на Россию. Английская пресса усиленно заговорила об экономическом и военном значении Советской страны, о необходимости ее привлечения к оздоровлению мирового хозяйства.

Такая позиция вызвала тревогу в руководстве Германии. Там боялись английской конкуренции в России и хотели, чтобы Англия дала кредит немцам и облегчила условия репараций, тогда Германия смогла бы стать более выгодным рынком для английских товаров, чем русский.

Ратенау начал переговоры с Английским банком. Он опирался на связи с видными английскими деятелями. Немцы соглашались на высокие проценты, если сумма кредитов будет достаточно велика. После трехдневных переговоров Английский банк сформулировал свой отчет в письме, составленном сообща с немцами. В нем развивалась мысль о том, что Германии нельзя предоставлять кредиты, пока она придавлена репарациями. Письмо можно было вручить самому Ратенау, но для конспирации англичане выждали, пока Ратенау уехал в Берлин, вслед за ним отправили письмо германскому канцлеру, который немедленно предал его гласности, за исключением одного секретного пункта: Английский банк рекомендовал председателю Рейхсбанка ни при каких условиях не выдавать остатка своего золотого запаса, если бы этого потребовала Франция³.

¹ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 177-179.

² Linke H. Deutsche-sovietische Beziehungen bis Rapallo, Köln, 1970. S. 167-168.

³ История дипломатии. Т. III. С. 250.

Позже Д. Ллойд Джордж писал: "Я помню как усердно старался бедный Ратенау провести этот заем и как он радовался при мысли, что это ему удастся"¹

В националистических кругах поездки Ратенау и вся его деятельность встречала злобную критику, обвинения в измене, предательстве германских интересов и т.п. "Я даже благодарен этой прессе за то, что она общала подобные вещи" — признавался Ратенау, отчитываясь позже на секретном совещании в Берлине².

Переговоры с Германией велись в "обнадеживающем тоне", как писал позже Ллойд Джордж. Речь шла о значительном облегчении репарационных платежей. Ратенау говорил, что Англия и Франция обещали совершенно определенно, что вскоре будет аннулирована обязательная уплата каждые 10 дней по 31 млн. марок репараций. "Я прошу вас, — уговаривал Ратенау своих слушателей на секретном совещании в Берлине, — не говорить о Версальском договоре, от которого отпадает кусочек за кусочком. Если мы будем иметь такой вид, что достигли успехов, то самые яростные из наших противников станут цепляться за букву договора ... Тогда когда в договоре будут пробиты большие бреши ... мы сможем сказать: "теперь это постыдное деяние также превращено в клочок бумаги"³

По возвращению в Берлин Ратенау встретил уже новую обстановку. Имея английскую поддержку, германское правительство сообщило репарационной комиссии, что уплата репараций в январе-феврале следующего 1922 года остается под вопросом. Это сейчас же вызвало гневный протест Франции, сопровождаемый угрозами. Ратенау снова связался с Лондоном, где ему дали понять, что можно не уступать: французов не поддерживают⁴. Репарационный вопрос продолжал обостряться, усиливая франко-германские противоречия. Тревогу во Франции вызвали подписание германо-советского торгового соглашения, учреждение германской торговой миссии в Москве, торговые сделки на русском рынке, заключенные такими крупными фирмами, как Крупн и Хенкель⁵

В повестке дня международных отношений возник новый вопрос, сразу занявший центральное место на международной конференции. Ллойд Джордж, подхвативший идею советского правительства, предложил (уже от себя) созыв большой международной конференции с участием Германии и Советской России.

Правительство РСФСР 28 октября 1921 года опубликовало ноту, в которой предложило обсудить проблемы экономического возрождения Европы⁶. Оно выбрало для своей ноты очень удачный момент. Европа нахо-

¹ Ллойд Джордж Д. Ук. соч. С. 69.

² История дипломатии: 1-е изд. Т. III. С. 152.

³ Там же. С. 153.

⁴ Там же. С. 250.

⁵ СГО. Т. II. С. 433-437.

⁶ Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 447.

дилась в тупике, созданном обострением экономического кризиса, осложнениями в политике и затруднениями в репарационном вопросе. Идею конференции британский премьер-министр вынес на заседание Верховного Совета Антанты, которое состоялось во французском городе Канны 6-13 января 1922 года. Здесь, в Каннах, "в значительной мере" рассеялась, по мнению Ллойда Джорджа, "атмосфера враждебности", существовавшая прежде, и мучительный вопрос о репарациях обсуждался без попреков и взаимных обвинений. Если бы каннские заседания продолжились, — считал британский премьер, — то с немцами могли быть достигнуты соглашения, которые облегчили бы переговоры в Генуе¹. Главным вопросом на заседании Англия сделала созыв финансово-экономической конференции всех европейских держав, включая Германию, и с приглашением Советской России. В первый же день заседания было принято решение такую конференцию созвать в итальянском городе Генуя. Был предложен порядок дня конференции, который включал шесть групп вопросов, обозначивших своеобразные условия для участия в ней. Целью оставалось "предупредить катастрофы европейской цивилизации" На заседании велись переговоры и о международном консорциуме для восстановления Европы и с использованием для этого русского рынка².

Обсуждался в Каннах репарационный вопрос, но без участия немцев, которые ожидали в Париже своего вызова. 11 января комиссия по репарациям при Совете Антанты обсуждала сообщения о германских предложениях, которое представил В. Ратенау. Затем комиссия сделала доклад Совету о своих переговорах с немцами. Лишь после этого, как было условлено, в зал заседаний Совета пригласили германскую делегацию в составе Ратенау, Гренера и др.

В Канне немцы решили продолжить свою игру: рвать Версальский договор по кусочкам, используя разногласия между союзниками. Чтобы скрыть истинные намерения своей делегации, германское правительство сквозь пальцы смотрело на травлю Ратенау в фашистской прессе. Там писали, что в Каннах Германию ждет новый ультиматум. Ратенау в длинной речи — она продолжалась и на послеобеденном заседании — доказывал, что Германия не в состоянии выполнить обязательства, возлагаемые на нее репарационной комиссией, если победитель не согласится на послабление и на отсрочку платежей. В заключении Ратенау заявил, что Германия готова участвовать в экономическом восстановлении Европы и в особенности России³. Ратенау ссылаясь при этом на географическую близость Германии и России и на политический опыт Германии в ликвидации революционных потрясений. "Германия полагает, — говорил он, — что она особенно вправе принять участие в развитии Восточной и Центральной Европы ввиду своей

¹ Ллойд Джордж Д. Уж. соч. С. 11, 21-23.

² История международных отношений. Т. 1. С. 173.

³ Рубинштейн Н. Л. Уж. соч. С. 191.

позиции именно по отношению к политическому и экономическому развитию этих регионов". В этот момент, — говорил Ратенау, — когда Германия была уже почти на краю своих сил, после войны, поражения, революции, она все же оказала противодействие государственной и социальной дезорганизации. Если бы эта дезорганизация победила в Германии, она стала бы грозной опасностью для всего мира. Поэтому Германия полагает, что она должна посвятить себя не только посильному восстановлению разрушенных областей на Западе, но ввиду географического положения и знания условий в соседних странах, так же и восстановлению Восточной и Центральной Европы ..."¹ Ратенау заявил, что Германия предоставит для этой цели свои капиталы и специалистов.

В Совете началось рассмотрение репарационной проблемы. Но тут французского премьер-министра А. Бриана вызвали в Париж, где после острой критики за уступки англичанам его правительство ушло в отставку. Появилось новое, но уже во главе с яростным сторонником беспощадного взимания репараций, а также открытым противником признания РСФСР и националистом Р. Пуанкаре²

Но главное решение все же успели принять — о созыве европейской экономической конференции. "Альгемейне Цайтунг" писала 23 февраля 1922 года, что Канны стали поворотным пунктом мировой политики не потому, что Ратенау должен был вести там беседы, а потому, что Ллойд Джордж пригласил Ленина в Геную³.

Весть о созыве экономической конференции с участием Германии и России (с возможным приездом самой легендарной личности того времени — В.И. Ленина) взволновала весь мир. Английская газета "Обсервер" писала, что участие России и Германии в конференции настоятельно необходимо, а с нездоровой финансовой политикой Версаля надлежит вообще покончить⁴. США не хотели, чтобы на конференции кто-нибудь помимо американцев "пролез на русский рынок" Тем не менее США отказались от участия в конференции, чтобы не попасть в Генуе в "положение богатого дядюшки среди толпы племянников без пенса в кармане"⁵ Франция согласилась на конференцию, но опасалась хитрых маневров Германии, ее реванша в Генуе и тем более - успеха России. Но и не идти на конференцию Париж не мог, хотя, как и во всем мире, там понимали, что Россия - как писала "Нью-Йорк Геральд", явится ключевым фактором на конференции.⁶

Вокруг конференции возник огромный ажиотаж. Правые, реакционные круги заранее клеймили будущую конференцию как успех большевиков и националистов. В Германии ее ждали с большой надеждой.

¹ История дипломатии: 2-е изд. Т. III. С. 251-254.

² Там же. С. 253-254.

³ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 197.

⁴ Любимов Н.Н., Эрлик А.Н. Ук. соч. С. 11.

⁵ Цит. По: Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 213.

⁶ Там же. С. 231.

Успешное участие Ратенау в работе Каннской конференции повысило его авторитет в Германии. Он показал себя способным дипломатом, получившим признание у противников-партнеров. Поэтому не было удивительным, что Й. Вирт предложил ему занять пост министра иностранных дел. Ратенау долго раздумывал и колебался. Его хвалили в либеральных кругах. Но продолжалась и травля в связи с "Висбаденским соглашением". Он получал даже анонимные письма со всякого рода угрозами¹.

Все же 31 января 1922 года Ратенау стал главой внешнеполитического ведомства Германии. Пожалуй, впервые в истории страны этот пост занял философ, политический писатель, крупнейший предприниматель. Он имел свои взгляды на международные отношения, свою концепцию внешней политики Германии, которая включала экономические, политические и моральные аспекты. Эта концепция была плодом долгих зрелых размышлений, основывалась на богатом опыте в политике и бизнесе. Хотя Ратенау не был профессиональным ("карьерным") дипломатом, его знали и уважали в дипломатическом, политическом и деловом мире Германии, Европы и США. Определенную роль при назначении играла близость к канцлеру Вирту и сходство их взглядов на политические проблемы.

Ратенау уже проверил себя и свою концепцию в политике и считал, что главным для Германии является успешное решение репарационной проблемы, для чего было необходимо играть на противоречиях Англии и Франции, а также учитывать интересы далеской, но мощной и богатой Америки. Только в свете этих проблем он рассматривал отношения с Россией и, думается, что он верно расставлял акценты. Но постепенно, по ходу событий в центр германской внешней политики стала перемещаться Советская Россия. Это требовало нового взгляда на нее и новых подходов.

¹ Federn-Kohlhaas. Op. Cit. S. 237. Kessler H.G. Op. Cit. S. 346.

ГЛАВА 2. РАТЕНАУ И СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Возглавив министерство иностранных дел, Ратенау неизбежно должен был определиться и выработать свою позицию в вопросе, который именно тогда приобрел новое значение и остроту, а именно: в вопросе германско-советских отношений.

Октябрьская революция 1917 года в России решительным образом изменила судьбу России. Вместе с этим радикально трансформировалась вся система международных отношений, особенно в Европе. На ее карте Россия осталась, но эта была уже иная Россия - Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР). Она рассматривалась как угроза всему общественному строю мира, источником мирового революционного пожара. Западный мир, включая США и Японию, ответили на Октябрьскую революцию интервенцией, а после ее провала - полной блокадой нового советского государства.

Но вскоре выяснилось, что Европа, прежде всего ближайшие соседи России, не могут возродить послевоенную экономику и воссоздать систему межгосударственных отношений без участия РСФСР. Во всех европейских столицах встал вопрос о необходимости снять блокаду и включить Советскую страну во все сферы жизни континента. Об этом думали и в Берлине. Сохранялись традиционные связи с Россией, прежде всего экономические. Надо было решать вопросы текущей политики, учитывая при этом роль Москвы. Приходилось считаться с мнением демократических сил, сочувствовавших русской революции. Так постепенно стало расти значение германо-русских отношений, но уже в иных условиях и на новом уровне.

Между тем эти отношения были фактически разрушены сначала мировой войной, а затем участием Германии в антисоветской интервенции и блокаде. Советской стране был навязан в марте 1918 года унижительный Брестский мир. Правда, он прекратил свое действие в ноябре того же года в связи с Ноябрьской революцией в Германии. Но и после этого отношения двух стран не улучшились. В то же время существовали многие факторы, которые требовали восстановления этих отношений, главным из них был экономический фактор. Германия и Италия, писала глава советского правительства В.И. Ленин в апреле 1921 года, вынуждены своим экономическим положением искать союза с Россией¹.

Но и Советская Россия по той же причине должна была искать связей, в первую очередь с Германией. Действовали и другие факторы - геополитические, военно-стратегические, внешнеполитические, а также сила традиций, которые подталкивали обе страны друг к другу. Этого же требовала конкретно-историческая обстановка, сложившаяся после 1918 года.

Россия, ранее отсталая, материально и культурно нищая страна была вдобавок разорена двумя страшными войнами. Она понесла огромные

¹ Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 43. С. 188.

людские и материальные потери, испытывала недостаток сил и средств для восстановления. Ей нужны были капиталы, товары, специалисты. Все это могла дать Германия, которая в свою очередь страдала от крушения системы международного разделения труда и краха старых торговых связей. Общие экономические интересы толкали обе страны к налаживанию экономических контактов. Они как бы дополняли друг друга в системе разделения труда, естественно тяготели одна к другой.

Этому способствовали также геополитические и военно-стратегические интересы обоих государств. На Западе перед Германией стояли вооруженные до зубов победители-союзники, создавшие вокруг нее своеобразное кольцо из маленьких, подчиненных им государств: Польша, Чехословакия, Австрия и др. Естественным противовесом им, особенно Польше, могла стать только Россия. Но и она перед лицом Антанты и агрессивной Польши могла рассчитывать только на то, что давление Германии уменьшит воинственность Варшавы. При этом ни Германия, ни Россия не могли и не хотели угрожать друг другу. Советские руководители, в частности, В.И. Ленин и И.В. Сталин, еще до Рапалло делали ставку на торговые связи с Германией и внимательно следили за всеми нюансами политических и экономических контактов Москвы и Берлина¹.

Сохранившая силу и возможности германская экономика нуждалась в большом сильном рынке. На рынки Западного мира ее не пускали англо-американские конкуренты. Рынок Востока и, прежде всего России, был готов принять немецкие капиталы и товары. К тому же это был традиционный для немцев рынок². Глубокие исторические корни экономического взаимодействия двух стран, обусловленного географической близостью и дополненностью экономик, - пишет В.В. Соколов, - значительный приток немецких специалистов в Россию, чему способствовали вековые дипломатические связи - все это не могло исчезнуть разом в результате войн и революций³.

Однако отношения между нашими странами в 1918-1919 гг. практически не разваливались, не считая вопроса о судьбе военнопленных. Время от времени имели место отдельные торговые контакты, но только по частной инициативе и в небольшом масштабе.

Все же жизнь брала свое и обе страны начали двигаться навстречу друг другу по двум основным направлениям: экономическому и торговому, с одной стороны, и военно-политическому с другой. Это подготовляло почву и для дипломатических контактов. Решающим оказался 1920 год. Именно тогда началась полоса торговых переговоров и заключения от-

¹ Бельзменский Л. А. Советско-германские договоры. 1939г.: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 5-6.

² См.: Аветян А. С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны 1910-1914. М., 1985. Глава II.

³ Соколов В. В. Крестьянский - революционер, дипломат (1892-1938). // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 124.

дельных сделок с участием крупных фирм - АЭГ, Сименс-Шукерт, Крупн. Возникло Германо-русское общество воздушных сообщений с использованием самолетов фирмы "Юнкерс" и при участии АЭГ и других фирм. Были сделаны первые заказы на локомотивы, паровозы и другие товары для России¹ Торговый оборот ощутимо возрос. Министерство экономики Германии было "завалено сотнями предложений" промышленников, "просто рвущимися" на русский рынок². В германской печати часто появлялись статьи видных финансистов и промышленников - Т. Вольфа, Ф. Дейча, В. Ратенау, призывавшие к развитию хозяйственных связей с Россией. В авангарде этого движения значились Ратенау и Стиннес³. В течение 1921 года в Германии начался поворот в сторону реализма, некоторой самостоятельности и независимости от Антанты в решении внешнеполитических проблем⁴

Вставал вопрос о торговом договоре, о создании представительства Германии в Москве и русского в Берлине. Давление экономического фактора возрастало. Оно усилилось в 1921 и особенно в 1922 году, когда положение в германской экономике ухудшалось, а проблема репараций резко обострилась⁵. Позиция правительства, не желавшего идти навстречу требованиям деловых кругов, подвергалась критике. Оно по-прежнему тянуло с торговыми договорами, мешало широким связям. Само отсутствие политической основы ограничивало торговые отношения, так же как и решение вопроса о кредитах и займах для России. Со временем и в политической сфере наметились некоторые подвижки, первые осторожные шаги. Их поддержала часть германских военных кругов. Трезво оценивая положение Германии, они считали невозможной новую войну с Россией. Об этом напоминал в меморандуме президенту Эберту генерал Сект⁶. Германия заняла нейтральную позицию в советско-польской войне 1920 года и позволила потерпевшим поражение частям Красной Армии уйти на территорию Восточной Пруссии, где они были интернированы⁷. В Берлине появилось советское бюро по делам военнопленных, главой которого стал В.Л. Копп, а в Москве во главе такого же немецкого органа - Г. Гильгер⁸.

Новый и неожиданный импульс развитию советско-германских отношений придавали действия Англии, ее деловых кругов, раньше других осознавших значение русского рынка для хозяйственного восстановления Европы.

¹ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 230. Laubach E. Die Politik der Kabinette Wirth (1921-19023). Hamburg. 1986. S. 186.

² Ахтамзян А.А. Репарационная политика ... С. 26-27, 32-33.

³ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция. С. 12-14.

⁴ Klager Peter. Die Aussenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt. 2 unveränderte Auflage. 1993. S. 151.

⁵ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 46-47.

⁶ СГО. Т. II. С. 204-209.

⁷ Там же. С. 231-233.

⁸ Там же. С. 17.

Британский капитал, один из вдохновителей антисоветской интервенции и блокады, первым начал зондаж возможностей экономических контактов с Советской Россией. Уже в конце 1921 года в лондонской прессе стали писать об экономическом значении России, ее месте в европейской экономике и политике.

В начале 1921 года было подписано торговое соглашение Англии и РСФСР, т.е. произошло признание ее де-факто, стали шириться деловые отношения двух стран¹.

Переговоры между Советской Россией и Англией вызвали серьезную тревогу в Германии. Всполошилось немецкие промышленные круги, опасаясь, что они будут вытеснены с русского рынка. В рейхстаге раздавались требования возобновить дипломатическое и торговые связи с Россией. Заспешило и правительство Ференбаха. 6 мая 1921 года, незадолго до своей отставки, оно подписало временное соглашение о возобновлении торговых отношений между Германией и РСФСР, а также дополнительное соглашение об обмене военнопленными и интернированными². Медля с официальным признанием Советского государства, правительство Германии старалось в своей дипломатической игре не выпустить из рук советской карты и в то же время использовать выгоды деловых отношений с Советской Россией.

Соглашение 1921 года, скорее политическое, чем торговое, выходило за рамки экономики. Оно означало признание Советского государства де-факто. Поэтому договор и был важен, он укреплял основу советско-германских отношений. Тем не менее признание РСФСР было неполным. Правительство, и в особенности германский МИД, оттягивали окончательную нормализацию отношений, медлили и выдвигали провокационные требования. Там, разумеется, понимали, что такая позиция серьезно осложняла и тормозила развитие выгодных экономических связей с Россией. Это развитие требовало установления дипломатических отношений, т.е. признания большевистского режима де-юре. Надо было определяться с Советской страной, принимать новую "восточную политику".

Этого хотели деловые круги уже начиная с 1918 года. Признания Советской страны требовали левые (компартия, Независимая социал-демократическая партия, часть профсоюзов)³. И тем не менее, вплоть до конца 1921 года, с германской стороны не было проявления каких-либо серьезных намерений в отношении с Россией⁴. Более того, все правительства, начиная с кабинета Шейдемана, мешали налаживанию и торговых связей.

¹ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 26-27.

² СГО. Т. II, С. 191-192.

³ Трухнов Г.М. Из истории германо-советских отношений (1920-1922). С. 43.; Orth W. Walter Rathenau. Berlin. 1969. S. 74.

⁴ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 25.

Такая позиция определялась рядом причин. Одной из них явился идеологический фактор, противостояние коммунистических идей и советского строя, с одной стороны и буржуазно-демократической идеологии и веймарской демократии, с другой. Это противостояние все время обострялось стремлением леворадикальных деятелей в Коминтерне, в частности, Г. Зиновьева и К. Радека, "продолжить" пролетарскую революцию в Германии, используя ее тяжелое положение¹. Правящие круги всех стран были в тревоге и жаждали ликвидации советской страны. Руководство Германии не было в этом исключением. Ведущую в политике и идеологии роль играли вожди социал-демократов, ставшие у власти с 1919 года под знаменем антикоммунизма².

Решительную антисоветскую позицию занимали хозяева крупных предприятий горно-рудной и металлургической промышленности, мало заинтересованные в русской торговле. Рядом с ними стояли юнкеры-землевладельцы восточных ост-эльбских земель - старые конкуренты России на рынках зерна, а так же часть военщины (Людендорф, Гофман и другие генералы) и бюрократии. Многие представители руководящих кругов Германии исходили из приоритета отношений с Западом и готовы были ради его благосклонности пожертвовать хорошими и выгодными отношениями с Россией.

Да и большинство населения Германии еще не остыло от недавней войны, оккупации Украины и Крыма, от шовинистической пропаганды "Дранг нах Остен". Некоторые наши историки явно недооценивали этот фактор, когда уверяли, что "все" трудящиеся, "весь" рабочий класс "под руководством КПГ" требовали нормализации отношений с Советской Россией.

Спротивление всех антисоветских элементов, конечно, сказывалось, равно как и давление США и Антанты, продолживших борьбу с советским режимом. Их дипломатия внимательно следила за политикой Германии на Востоке и оказывала сдерживающее влияние. Особенно враждебной налаживанию сотрудничества с Россией была позиция США и Франции. На Вильгельмштрассе, где помещалось германское Министерство иностранных дел, ощущали явственно и силу доллара, и угрозу французской оккупации, а также видели слабые возможности новой России.

Орудием давления оставался репарационный вопрос, который особенно агрессивно использовала Франция.

Все же тенденция к сближению медленно и трудно, но пробивала себе дорогу. Этому способствовало и наметившееся в конце 1921 года событие, которое буквально потрясло весь мир - созыв международной экономиче-

¹ См.: Шириня К.К. Идея мировой революции в стратегии Коминтерна. // Новая и новейшая история. 1995. № 5.

Бабиченко Л.Г. Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. Новые архивные материалы. // Новая и новейшая история. 1994. № 2.

² См.: Драбкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967. С. 292.

ской конференции в Генуе. Мы уже знаем, что в ноте правительства РСФСР от 28 октября 1921 года выражалось согласие "при определенных условиях" пойти на уступки в вопросе о русских долгах Западу и предлагалось провести для рассмотрения взаимных претензий международную конференцию¹.

По своим соображениям идею конференции подхватил британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж². Он хотел укрепить свой личный престиж и влияние либералов в стране в связи с обострением внутреннего положения, вызванного тяжелым экономическим кризисом и небывалой безработицей. Падал престиж Великобритании и на мировой арене. Конференция, по мысли Ллойда-Джорджа, должна была исправить или смягчить эту ситуацию и в то же время вывести Европу из тупика, созданного развитием международных событий. Шла война Греции и Турции, обострилась борьба Англии и Франции за гегемонию в Европе. Экономический кризис и ухудшение положения масс грозили возвращением революционных выступлений. Зашли в тупик попытки урегулировать вопрос о репарациях. Стабилизация в Европе оказалась под угрозой срыва. В этих условиях всеевропейская конференция, казалось, обещала определенные перспективы, главным образом, за счет России.

Возможность участия в Генуэзской конференции, куда приглашали и РСФСР, по-новому ставила вопрос о восточной политике Германии.

К этому времени она уже приобрела достаточно определенные очертания. После заключения договора 1920 года была создана основа для активизации отношений двух стран. Этого хотели в РСФСР, этого хотели определенные деловые круги и часть политиков и дипломатов Германии, которые с тревогой предупреждали свое правительство о том, что если и дальше будет оттягиваться практическая деятельность немецких промышленных и торговых фирм в России, то "известные преимущества" получат другие государства, как нейтральные, так и страны Антанты³.

Произошел, как мы уже видели, обмен представителями. Был назначен в мае 1921 года первый советский торговый представитель в Берлине Б.С. Стомоняков, а 21 октября - первый полномочный представитель (полпред) Н.Н. Крестинский. Он встретился с канцлером Й. Виртом 15 ноября того же года и вручил свои верительные грамоты, заявив при этом, что советская сторона понимает "жизненно важное значение советско-германских отношений". В ответ канцлер "в самой общей форме" обещал поддержать сотрудничество двух стран⁴.

Крестинский и другие советские представители начали сразу же готовить почву для заключения официального договора с Германией о при-

¹ История международных отношений и внешней политики СССР. (1917-1939). Т. I. С. 173-175.

² Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. С.341-343.

³ СГО. Т. II. С. 396-397.

⁴ СГО. Т. II. С. 395.

знании РСФСР де-юре и расширении контактов по всей линии. Готовилось торговое соглашение двух стран. Одновременно развернулась работа по расширению хозяйственных контактов (по вопросам кредитов, поставок, концессий и пр.). Были размещены большие заказы на германские машины и оборудование для России¹.

Чтобы "оживить" германских дипломатов, советские представители в Париже повели неофициальные переговоры с Красным Крестом, которые могли иметь и официальное продолжение². Это подействовало, немцы опасались что Россия использует свое право на получение репараций с Германии согласно 116-ой статье Версальского договора³. В начале зимы 1921 года начались неофициальные контакты относительно договора. Немцы (их представлял заведующий Восточным отделом МИД барон А. фон Мальцан), однако, не скрывали, что вступали в переговоры скорее для оказания давления на Антанту, пугая ее перспективой сближения с Россией. Мальцан подготовил проект договора, но встретил возражение со стороны президента Германии Ф. Эберта. В итоге переговоры в Берлине в январе-феврале 1922 года не дали результатов. И все же Восточная политика оставалась важным элементов дипломатической игры, которую вела Германия. Россию пытались использовать в этой игре, ничего не давая. Конечно, Германия должна была лавировать и маневрировать на международной арене. Однако, Советская Россия не соглашалась играть роль пешки в этой игре. Она набирала силы, успешно боролась с блокадой. Это должен был учитывать В. Ратенау, когда в самом конце января 1922 года занял пост главы внешнеполитического ведомства Веймарской республики. Ратенау предстояло выработать свою "русскую политику".

Отношение Ратенау к России определялось многими факторами. Первый их них - экономический. Он был связан с деятельностью в России АЭГ⁴. А.Н. Шебанов считает, что между Россией и электротехническими фирмами Германии давно установились хорошие деловые связи. Эти фирмы были среди наиболее последовательных сторонников развития таких связей, оказывая определенное политическое влияние на политику правительства. Шебанов даже увидел нечто символическое в том, что договор в Рапалло подписал бывший глава АЭГ Вальтер Ратенау, которого Шебанов, правда, "превратил" в брата своего отца, Эмиля Ратенау⁵.

Сам Ратенау в России не был и долгое время не проявлял к ней особого интереса, пока не началась война 1914 года. С самого ее начала позиция Ратенау по основным вопросам войны и отношения к России отличалась от официальной. Свою особую направленность имела разработанная Ратенау еще до войны концепция "Срединной Европы", ее целей и методов

¹ СГО. Т. II, С. 411, 420-421.

² Там же.

³ О 116-й статье Версальского договора см.: Версальский мирный договор. М., 1925. С. 55.

⁴ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 46.

⁵ Шебанов А.И. Вступительная статья: В кн.: Отгер Г. Магнаты .. Начало биографии. М., 1985. С. 26.

достижения. На наш взгляд, Ратенау не был, как думает В. Гутше, либеральным империалистом¹, а скорее идеологом нового типа экономической экспансии, связанного с капиталистической интеграцией Европы. В трактовке Ратенау создание "Срединной Европы" означало интеграцию ряда стран с распространением общего государственного регулирования за пределы каждой страны. Он видел в интеграции не механическое объединение ряда государств и не их аннексию Германией, но экономическое сотрудничество, что означало переход от протекционистской политики XIX века к более цивилизованным формам торговли между странами. Ратенау один из первых в деловом мире Германии и Европы увидел необходимость перехода от традиционного сеющего вражду между народами протекционизма к экономической интеграции, сближающей народы и страны Европы².

В отличие от многих в германских "верхах", Ратенау верно предположил, что война будет длительной, а потому экономика станет играть более важную роль, чем предполагалось вначале. Весьма специфично понимал Ратенау роль России. Он был одним из немногих, кто полагал, что не Россия - главный враг Германии, но Англия и США³. Ратенау не разделял антирусских и антиславянских установок пангерманского союза, его планы расчленения Российской империи. Он видел главной целью Германии в войне разгром Франции, но без занятия Парижа и ущемления французов. Тогда Россия, потеряв союзника и кредитора⁴, имея противоречия с Англией, могла бы выйти из борьбы. По вопросам внешней политики Ратенау уже тогда разошелся с крупными аграриями, магнатами тяжелой промышленности и генералитетом⁵. Примечательно, что Ратенау отвергал как военную цель достижение сепаратного мира с Россией, считая его невозможным, пока у власти находится царь⁶. Эта точка зрения оказалась верной, о чем говорит исследование В.С. Васюкова, посвященное политике царизма и проблеме сепаратного мира⁷. Русский народ, писал Ратенау, находится на высшей точке ненависти к Германии, и если придется оккупировать обширные территории России, возникнут большие осложнения. "Я не верю в сепаратный мир с Россией, даже если принудить к этому Петербург ... Мир с Францией - самый ощутимый и приведет к миру с Россией"⁸. Рате-

¹ Gutsche W. Op. Cit. S. 216.

² Europastrategien des deutschen Kapitals. 1900-1914. Hrsg. Opitz. R. Köln. 1977. S. 213-214.

³ Fischer F. Bündnis der Eliten und Kontinuität der Machtstrukturen in Deutschland 1871-1945. Düsseldorf. 1972. S. 39, 41.

⁴ См.: Садовая Г.М. Эволюция внешнеполитических взглядов В. Ратенау в годы первой мировой войны. // Из истории общественной мысли и политическое движение в новое и новейшее время. Куйбышев. 1988. С. 129.

⁵ Письмо Ратенау к Бетман-Гольбергу от 30 августа 1915 г. *Weltherrschaft in Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplanen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945*. Herausgegeben und eingeleitet von Wolfgang Schumann und Ludwig Westler unter Mitarbeit von Wilibald Gutsche und Wolfgang Ruge. VEB. Deutscher Verlag der Wissenschaften. Berlin. 1975. S. 127-128.

⁶ *Ibid.* S. 127-128.

⁷ Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции, 1916-февраль 1917 г. М., 1989. Сю 232-235, 289.

⁸ Hecker G. Op. Cit. S. 290. Rathenau W. Schriften in 6 Bänden. Bd. 6 Berlin. S. 174.

нау был непоследователен в своих суждениях, в которых отражались перемены на фронтах. Он то призывал к миру с Россией, то строил фантастические планы ее оккупации, включая Москву и Петроград¹. Но в целом Ратенау оказался большим реалистом во внешнеполитических взглядах, чем многие из его современников.

Февральская, а затем Октябрьская революции оказали сильное впечатление на Ратенау, убедив его в необходимости заканчивать войну. Он стал призывать не к перемирию, а к миру, хотел разобраться в причинах, приведших к войне и поражению Германии. Ратенау трудно, мучительно переходил с позиций одного из представителей элиты кайзеровской Германии к ценностям нового послевоенного демократического мира. Версальский договор потряс его и подтолкнул, как и некоторых других деловых людей, к тому, чтобы более внимательно рассмотреть сложившуюся международную обстановку. И, конечно, надо было выработать новый взгляд и подход к России, уже Советской, которая при всех потрясениях и конфликтах сохраняла свою притягательность гигантского рынка и источника сырья, свое своеобразное геополитическое расположение. Надо было оценить сам факт Октябрьской революции и принесенных ею перемен, ее воздействия на весь мир. Ратенау оставался, конечно, на стороне капитализма и враждебно встретил Октябрьскую революцию в России, как и Ноябрьскую - в Германии. "Справа нам угрожает диктатура Ленина, слева механическая конкуренция Западного рынка. В центре - "Спартак", - писал Ратенау в 1919 году². Однако как организатор крупного производства он не мог не замечать привлекательных черт Советской системы и не оценить твердости поведения новой власти в России. "Ночью - я большевик, а днем - нет", записал он в своем дневнике³. Он считал, что советская власть привлекает к управлению предприятиями и государством действительно знающих, образованных, способных людей.

Ратенау был знаком с некоторыми трудами В.И. Ленина и просил своих друзей, в частности, Г. Гауптмана, переслать ему через М. Горького некоторые ленинские работы. В этом интересе проявилась его незаурядность. Стремление подняться выше классовых предрассудков, что было необычно для германских буржуа того времени. Ратенау понял, что потребности германской экономики, страдавшей от разрыва традиционных связей с Россией, требуют их восстановления и расширения. Он видел всю проблему в совокупности и в перспективе, ставил вопрос о новом подходе к новой России⁴. В нем говорил умный и дальновидный предприниматель, который в 1920-1921 годах и сам участвовал через АЭГ в налаживании экономических и торговых связей с Советской Россией. 26 января 1920 го-

¹ Письмо Ратенау к Людендорфу. 6 февраля 1915 г. // Rathenau W. Politische Briefe, Berlin, 1927. S. 51.

² Rathenau W. Schriften aus Kriegs- und Nachkriegszeit. Berlin. Bd. 6. S. 217.

³ Rathenau W. Politische Briefe. Dresden. 1929. S. 299-300.

⁴ Ibid.

да он писал, что несколько месяцев подробно обсуждал с видными лицами отношения с Россией. "Речь идет не о том, чтобы придумывать, разыскивать, разузнавать продукцию, которую примет Россия, даже если речь идет о сделке в объеме свыше нескольких сот миллионов марок. Россия имеет потребности на многие миллиарды марок и проблема заключается в том, чтобы мы обдумали, сколько может немецкая индустрия поставить для удовлетворения этих потребностей. Но это требует решение политического вопроса, а нынешнее правительство (Ференбаха, - Г.С.) еще не стоит на моей точке зрения о необходимости экономических связей с Советской Россией"¹

Точка зрения Ратенау была ясно выражена им в начале 1920 года в записке (экспозе) президенту Эберту и канцлеру Г. Бауэру от 17 февраля, в которой он и его партнер по АЭГ Феликс Дейч, видимо, отвечали на вопросы, поставленные Эбертом ранее. Экспозе Эберт прочел "с интересом" и передал в МИД для принятия "дальнейших мер"²

В записке подчеркивалось, что от неотложного разрешения вопроса отношений Германии к РСФСР "зависит экономическое и политическое будущее Германии". Сотрудничество - экономическое и политическое - с нашими восточными соседями должно быть целью германской политики. Дейч и Ратенау подробно обосновывали свою точку зрения о том, что Германии невыгодно выжидать в восточной проблеме, а надо действовать более решительно, иначе Германия "упустит момент для создания основы успешной политики в Восточной Европе". Германия, несмотря на большую опасность заражения большевизмом, должна идти на связь с Советской Россией. Авторы письма подчеркивали, что Антанта, пугая большевизмом, сама ищет контактов с Советской Россией и может опередить здесь немцев. Воздав должное руководителям России, "людям умным", отметив "ошеломляющее быстрое" утверждение большевизма в этой стране, Дейч и Ратенау утверждали, что в свете этих фактов и с учетом политики Антанты Германия не имеет больше времени для пассивного ожидания. Требуется иная политика определенного характера, основанная на учете общности интересов двух стран, возникшей вследствие войны и послевоенной расстановки сил на мировой арене. Соглашения с Советской Россией ждут многочисленные германские граждане и общественное мнение страны.

Решающим является следующее: либо Германия становится колонией государств Антанты, объектом экспансии, а если понадобится, то и поставщиком наемников, ... либо Германии удастся воспользоваться политическими возможностями, имеющими в Восточной Европе, и добиться "некоторой скромной доли самостоятельности и свободы ..." Авторы еще раз подчеркивали роль соседства, общей судьбы Германии и России. "Надо

¹ Böttcher H. Op. cit. S. 220-221.

² СГО. Т. II. С. 157-166.

уже сейчас вбивать первые сваи, на которых будет покоиться мост в Восточную Европу". Трезво оценивая положение и Германии и России, возможные последствия их сближения, авторы записки ожидали новых отношений между двумя странами, скрепленными одной прочной связью - общими интересами"¹.

Исходя из этого текста, можно заключить, что Ратенау уже в 1920 году как "свободный" и внимательный предприниматель трезво оценивал состояние дел, не боялся "угрозы большевизма", хотя никоим образом ему не симпатизировал и стоял за развитие и укрепление германо-русских хозяйственных связей как основы восстановления политических отношений и сближения двух стран.

Таким образом, Ратенау имел свое представление о России, Советском государстве и роли советско-германских отношений. Как предприниматель он стоял за их развитие. Став главой германской дипломатии, он хотел их использовать в общих интересах Германии. Но и тогда он не отрицал необходимости признания РСФСР и заключения соответствующих соглашений. В начале 1922 года проблема этих отношений встала перед Ратенау, что называется, вплотную.

Ратенау, став главой внешнеполитического ведомства Германии, по своей подготовке, образованию и опыту, в области внешней политики превосходил своего "шефа", канцлера Вирта, и должен был самостоятельно решать проблемы внешней политики.

В связи с приближающейся конференцией в Генуе выдвинулся вопрос об обеспечении на ней прочных позиций для Германии. А это выводило на вопрос об отношениях с РСФСР.

Ратенау не страдал русофобией и сдержанно, но не враждебно относился к советской власти. Заметно, что он более своего предшественника понимал важность отношений с РСФСР. Немецкий историк Э. Лаубах отмечал, что приход Ратенау в МИД положительно повлиял на развитие германо-русских отношений. Во всяком случае, оживилась деятельность Восточного отдела министерства, возглавляемого Мальцаном. При прежнем министре В. Симонсе, Мальцан, считавшийся сторонником сближения Германии и России, собирался подать в отставку, и только приход Ратенау предотвратил его уход². Но став министром иностранных дел Германии, Ратенау должен был выработать более широкий взгляд, учесть все другие направления политики. Он поддержал (или предложил сам) идею консорциума, понимая его опасность для России, но считая его выгодным для Германии. Ратенау в первую очередь искал пути и методы, чтобы поднять немецкое производство и направить его продукцию в Россию, а вырученные средства передавать на уплату репараций. Он понимал, что западные державы не станут отступать в вопросах репараций и, видимо, надеялся,

¹ СГО. Т. II. С. 164-166.

² Laubach E. Op. cit. S. 187.

что консорциум, если Россия примет его, может помочь решению этой острой проблемы.

Консорциум и участие в нем Германии, надеялся Ратенау, позволит ей начать переговоры о возвращении статуса равноправного участника системы международных отношений в Европе. Здесь Ратенау готов был идти на уступки, применяя только "духовное оружие" и действуя только "нравственным путем"¹. В свете этих задач контакты с Россией отходили на задний план, играли роль второстепенного фактора. Симпатии Лондона и Парижа были Ратенау дороже доброго отношения Москвы. Отсюда шла нарочитая, показная даже сдержанность министра Ратенау в делах с Россией. В январе 1922 года он произвел на советских дипломатов впечатление "главного и убежденного противника" самостоятельной экономической политики Германии в России и сторонника прозападной ориентации, который не торопится к соглашению с русскими. Однако мы знаем, что предприниматель Ратенау занимал совершенно другую позицию.

Тем не менее Ратенау продолжал защищать казавшуюся ему исключительно выгодной идею консорциума. Ее обсуждали и в Москве, установив (и обосновав), что проект имеет антисоветскую направленность и означает вторжение в экономику России. Зная об этой оценке, Ратенау отвергал ее, утверждая, что проект задуман для единения народов, победителей и побежденных с целью рационального обмена духовными и материальными ценностями и для восстановления Европы². Глава Восточного отдела МИДа, Мальцан, правда, без ведома министра обещал, что Германия не вступит в консорциум без согласия России, хотя было известно, что Ратенау решительно против такой позиции³. Призрак консорциума мешал развитию советско-германских отношений. Инициаторы его, видимо, это осознавали. Один из них, Ф. Дейч, позже, при встрече с российскими дипломатами, старался смягчить этот вопрос, подчеркивая желание спасти дела в России⁴.

Но вопрос о консорциуме не был единственным в советско-германских отношениях. Оставался и приобретал новое значение вопрос о договоре двух стран с полным (де-юре) признанием Германией новой России.

Советское правительство давно уже предлагало немцам свой проект соглашения. Одновременно оно жестко предупреждало их, что не примет никакого консорциума.

В это время в Берлине находился видный советский деятель, некто "Ремер". Под этим явным псевдонимом скрывался член ВКП(б), один из руководителей Коминтерна Карл Радек. Официально Радек (Ремер) рабо-

¹ СГО. Т. II. С. 470.

² Linke H.G. Op. cit. S. 186.

³ История дипломатии. Т III. С. 270-271.

⁴ СГО. Т. II. С. 470.

тал в Советском представительстве в Берлине и одновременно собирал информацию для Исполкома Коминтерна. Он имел определенный вес, поскольку вращался в "высшем свете" германской столицы и встречался неофициально с руководством политики Германии, неоднократно виделся с Ратенау.

Новые документы¹, открытые в 90-е годы, показывают, что Радек пренебрегал дипломатической этикой, вмешиваясь в дела полпреда Крестинского, игнорировал указания наркома Чичерина². В каждом шаге Германского правительства и В. Ратенау Радек усматривал злой умысел, враждебность и крайне одиозно оценивал проект консорциума, способствуя выработке у Чичерина негативного к нему отношения. В этой связи характерна телеграмма народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина Н.Н. Крестинскому от 3 февраля 1922 года, в которой он писал (видимо, в связи с письмом К. Радека) о наших отношениях с Германией. Главное, писал нарком, чтобы "... германское правительство не старалось заставить нас подчиниться единому монопольному всеобщему консорциуму вроде предложенного в Каннах и чтобы оно не мешало нашим экономическим соглашениям с германскими фирмами. Статья 116-ая есть для нас способ давления, и мы не можем себя связывать в этом отношении, пока германское правительство занимает нынешнюю враждебную позицию против нас, тем более если Ратенау проведет свою репарационную политику, убийственную для нас"³.

Чичерин еще не встречался с Ратенау и мог оценить его, что называется, с чужих слов. Первым отрицательную оценку Ратенау дал, видимо, Радек. Он впервые встретился с ним на ужине, где были еще Ф. Дейч и Мальцан, т.е. очень узкий круг заинтересованных лиц. Н.Н. Крестинский сообщал в НКИД, что с ужина Ремер вернулся в очень нервном настроении с впечатлением, что Ратенау является главным и убежденным противником самостоятельной экономической политики Германии в России, что он же является главным автором и защитником теории международного консорциума и что наиболее опасным является его несомненное влияние на Вирта⁴.

Представитель РСФСР в Германии Н.Н. Крестинский 24 января 1922 года сообщил в НКИД, что Ремера (Радека) посетил Мальцан и беседовал около двух часов о сумме товарного кредита Германии в 1 млрд. марок для РСФСР и других вопросах.

¹ Коминтерн и идея мировой революции. Док. 97, 99 и др. С. 343, 356, 344.

² Соколов В.В. Неизвестный Г.В. Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД // Новая и новейшая история. 1994. № 9. С. 4. Сам Радек враждебно относился, как и многие лидеры Коминтерна к Чичерину, вел с ним борьбу. (Дубинин А.Г. 125-летие со дня рождения Г.В. Чичерина. // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 244.)

³ СГО. Т. II. С. 426.

⁴ СГО. Т. II. С. 422.

В проекте соглашения предполагалось взаимное погашение военных долгов и что вознаграждение за национализацию и аннулированные долги для немцев не должно быть хуже, чем для подданных Антанты. Мальцан добавил, что этот пункт имеет для германского правительства не материальное, а принципиальное значение. Не рассчитывая на финансовое вознаграждение немцев, правительство Германии готово подписать непубликуемый протокол, в котором будет сказано о согласии немцев получить возмещение после удовлетворения всех претензий граждан всех стран Антанты¹. Речь, как видно, шла о проекте возможного соглашения двух стран.

В свою очередь, немцы готовили почву для возможного договора с Россией. Выступая в рейхстаге, Вирт заявил: "Мы выразили бы очень большое сомнение в отношении такой политики, которая хочет, чтобы Россию рассматривали и обращались с ней как с колонией. Мы хотим не колониальной политики, а совместной работы также и в союзе с побежденными народами". Это высказывание Вирта довел до сведения НКВД представитель Германии в РСФСР К. Виденфольд в письме от 17 февраля².

В феврале 1922 года снова начались советско-германские переговоры. Однако они не дали положительного результата. Немцы не хотели даже говорить о займах для РСФСР, ссылаясь на собственную нужду в деньгах и свой страх перед вмешательством репарационной комиссии³. Но контакты продолжались. В них участвовали Карл Радек, представитель РСФСР в Германии Н.Н. Крестинский, часто бывавший в Берлине председатель СНК УССР Х.Г. Раковский, торговый представитель РСФСР в Берлине Б.С. Стомоняков, его советник Л. Пашуканис. На их встречах с Ратенау, Мальцаном и другими немецкими дипломатами обсуждался широкий круг вопросов взаимных отношений. Советские дипломаты решительно возражали против идеи консорциума и давали понять, что Советская Россия может при определенной позиции Германии отказаться от использования 116-ой статьи Версальского договора, представлявшей ей право на получение репараций (и немалых) с Германии.

Обсуждалось предложение Г. Стиннеса, явного противника консорциума о представлении кредита России для закупки немецких товаров и о необходимости больше считаться с ее интересами⁴. В Москве такая позиция считалась, естественно, более предпочтительной. Там учитывали, что немецкая сторона, видимо, боится обвинений в "сочувствии к Советам" и в попытках опереться на них в политике. Со своей стороны наша дипломатия оказывала косвенное давление на немцев. Появились статьи Радека, перепечатанные газетой КПГ "Роте фане" и широко обсуждавшиеся в комиссии рейхстага по иностранным делам. В публикациях давалось понять

¹ Там же. С. 421-422.

² Там же. С. 427.

³ Linke H.G. Op. cit. S. 186.

⁴ Ахтамзян А.А. Ук. соч. Стиннес претендовал на руководящую роль в экономических отношениях с Россией.

немцам, что в случае их нерешительности Россия готова пойти на сближение с Пуанкаре¹.

23 января в комиссии рейхстага по иностранным делам обсуждался вопрос о Генуэзской конференции и русский вопрос. Дважды выступал канцлер Вирт, а также К. Гельферих (лидер правых), Стиннес, Б. Деренбург, социал-демократы и коммунисты. От министерства иностранных дел выступал Мальцан. Все выступавшие высказывались за необходимость поддерживать и укреплять экономические отношения с Россией, но проявляя осторожность насчет Антанты. Вирт прямо подчеркнул, что Германия не претендует на монополию в деле хозяйственного восстановления России и готова работать с другими державами. Таким образом, он не отмежевался от выступления Ратенау в Каннах и на предыдущем заседании комиссии, хотя общий тон и содержание его речи были, как считал Н.Н. Крестинский, гораздо дружелюбнее. Единственное исключение представляла речь Стиннеса. Он требовал самостоятельной политики Германии в России. Необходимо, - говорил он, - еще до Генуи дать России значительный Кредит, хотя и с соблюдением необходимой осторожности перед Антантой²

В германских кругах все эти вопросы горячо обсуждались. В своей книге А.А. Ахтамзян приводит неизвестные ранее материалы о состоявшихся в Берлине беседах 25 и 30 января германских промышленников и дипломатов. Ратенау, выступая как "представитель индустрии", отмечал необходимость придерживаться одной линии с другими западными державами, полагая, что у Германии имеется выбор, т.е. международный синдикат (консорциум) по "восстановлению России". Он заявил: "Россия хочет получить гарантии в том, что в случае бойкотирования ее Антантой ей будут обеспечены некоторые товарные кредиты. Будет весьма трудно перед Антантой отстаивать наше намерение взять на себя в той или иной мере обязательства перед Россией"³

Такая позиция (и не только Ратенау) явно не способствовала успеху переговоров о кредите и других, уже политических вопросах.

А. Ахтамзян считает, что Ратенау и Стиннес хотели согласования германской политики с США и Антантой и с тем, чтобы навязать России жесткие условия. В то же время Вирт и Мальцан выступили за продолжение переговоров в целях поиска путей урегулирования отношений двух стран⁴. Отметим однако, что и Ратенау не требовал прекращения переговоров. 30 января в Берлине состоялась встреча дипломатов и промышленников, теперь уже с участием канцлера Вирта. Мальцан доложил собравшим-

¹ СГО. Т. II. С. 422.

² Там же. С. 423.

³ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 56-57; Wulf Peter. Hugo Stinnes. Wirtschaft und Politik 1918-1924. Stuttgart: Klett-Gohta. 1979. S. 306-307, 323 и. А. Немцкий историк Н. Вульф считает, что в отношении консорциума и России позиция Стиннеса была сходна с позицией Ратенау.

⁴ Там же. С. 56-57.

ся о переговорах с советскими представителями и поставил вопрос: в какой мере можно пойти навстречу пожеланиям русских? Он отметил, что советская сторона готова пойти на отказ от 116-ой статьи, на предоставление концессий и др. Мальцан высказал мнение, что промышленники должны продолжить переговоры. Ратенау снова резко повторил, что политика Германии должна быть согласована с Западом и что надо потребовать от России вывоза пенностей (золото и прочее) в обмен на товары¹. Заметим, что он говорил это за день до вступления в должность министра. Подводя итоги, Вирт предложил фирмам вести совместно переговоры с русскими, чтобы они не могли использовать расхождения между фирмами. Не должны прерываться и политические переговоры².

На состоявшейся в этот же день встрече с советскими представителями Стиннес заявил: "До Генуи вы не найдете в нашей стране больших капиталов; после Генуи - да". Мальцан добавил, что речь идет о двух договорах: с германской индустрией и политическом договоре с германским правительством³. На следующий день германский МИД, которым уже руководил Ратенау, наметил для включения в проект урегулирования с РСФСР следующий пункт: Германское правительство готово содействовать усилиям, имеющим целью восстановления России. Оно однако не будет поддерживать никакой политики, которая преследует цель колонизации России⁴.

В первой половине февраля обсуждение проектов договора и соглашения о кредитах продолжилось. Одновременно велась работа по расширению экономических отношений, в частности, через предоставление германским промышленникам различных концессий⁵.

В середине февраля советская сторона заявила, что в виду отсутствия политической основы для экономического урегулирования целесообразно прервать переговоры. Это был явный намек. Вирт обещал изыскать новые возможности. И уже 16 февраля Мальцан представил для ратифицирования проект предварительного соглашения⁶, по которому предлагалось урегулирование отношений между РСФСР и Германией на основе отказа от взаимного возмещения военных убытков и расходов, включая реквизиции, а так же урегулирования частно-правовых отношений на основе взаимности, погашения расходов на военнопленных в соответствии с соглашением от 6 мая 1921 года и учетом хозяйственных нужд обеих сторон. Восстанавливались дипломатические и консульские отношения "в ближайшее время", но не немедленно. Урегулирование претензий за национа-

¹ Там же. С. 57.

² Там же.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же. С. 58. Дискуссии в подготовительной комиссии по подготовке Генуи свидетельствуют о разногласиях советской стороны в отношении Германии и о явном интересе к заключению договора с Англией и Францией. Архив МИД РФ. Архив Красина. Т. 3. Л. 18, Л. 98, Л. 147 и др.

⁵ Ахтамзян А.А. Уж. соч. С. 39.

⁶ См.: Кобяков П.К. Рапальский договор. С. 117-119.

лизацию германской собственности рассматривалось как "предмет дальнейших переговоров". Говорилось о необходимости принципа наибольшего благоприятствования в деле общего урегулирования взаимных торговых и экономических отношений. Германское правительство обещало помогать частным фирмам, торгующим с Россией¹.

Как отметил А. Ахтамзян, этот проект не решал главную проблему, так как не предусматривал немедленного восстановления дипломатических отношений, не фиксировал отказа Германии от претензий по национализации в России, не гарантировал кредитов. Получив такой проект, советская сторона прекратила переговоры и этим закончился подготовительный этап².

Но уже были готовы проекты договора двух стран и другие наработки. Обе стороны понимали возможность и, более того, необходимость продолжения переговоров, ибо нуждались в укреплении своих позиций в канун международной конференции, где они могли попасть в трудное и сложное положение.

Советская дипломатия надеялась поэтому все-таки завершить переговоры, начатые в январе-феврале, и достигнуть заключения договора о нормализации отношений еще до приезда в Геную. Осталось решить некоторые но крайне важные, можно сказать ключевые вопросы - взаимный отказ Германии от претензий по национализации России - от использования 116-ой статьи. Немцы, упираясь в вопросе претензий по национализации искусственно препятствовали достижению договора. Советская дипломатия "придерживала" вопрос о 116-ой статье. Каждая сторона добивалась своего.

В связи с приближением конференции в Генуе в германском руководстве активизировалось обсуждение германо-советских отношений. В рейхстаге 26 января 1922 года выступил канцлер Й. Вирт, который повторил свое заявление от 23 января о том, что немцы не хотят, чтобы с Россией обращались как с колонией. "Мы не хотим работать в союзе с побежденными народами, которые рядом с нами истекают кровью и бедствуют"³.

Должен был сказать свое слово и новый министр иностранных дел. 21 февраля Ратенау произнес весьма содержательную речь в комиссии рейхстага по иностранным делам⁴. В начале он обрисовал международную обстановку. Он не скрыл, что Советская Россия отвергает синдикат по восстановлению ее экономики, а Англия и Франция заинтересованы в нем. Велись переговоры 3-х стран - Англии, Франции и Германии. Ратенау считал, что немцы не могут помешать сближению России и Франции, но

¹ СГО. Т. II. С. 459-461.

² Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 5960; Д'Абернон Эдгар Винцент. Посол мира. Страницы из дневника лорда Д'Абернона. Т. I. М., 1931. С. 177.

³ СГО. Т. II. С. 427.

⁴ Там же. С. 427-431.

должны противодействовать монополии французов в России¹. Англия так же стремится на русский рынок и одновременно поддерживает идею синдиката (т.е. консорциума), в котором, надеялся министр, Германия будет участвовать на равноправной основе с другими. Ратенау рассказал о переговорах в Англии и с Лушером (французским министром) о синдикате, которые снова начались. Ратенау признал, что слишком многого от синдиката ожидать нельзя - "корпорации такого рода тяжелы на подъем", так как в нем участвуют великие державы, то и Германия должна придавать большое значение своему участию. К тому же мы одни не можем провести восстановление России². Затем Ратенау коснулся переговоров с представителями РСФСР. Радек, - сказал он, - оказался чрезвычайно опытным партнером, однако ему не следует доверять³. Ратенау заявил, что по его мнению, в политическом отношении Советы останутся в России у власти, но не смогут осуществить свои идеи в экономическом отношении. Снова будут развиваться в России частная собственность и снова поднимется буржуазия, которая станет политической помехой Советам. Россия снова, чтобы избежать единого фронта против нее, намерена раскалывать западные державы и использовать как средство давления на Германию 116-ую статью Версальского договора. Закрывая свою речь, Ратенау сказал, что на первом плане стоит вопрос о признании Германией Советского правительства и его экономической поддержке. Последнее, считал министр, может сделать только частный капитал (помощь трудом и деньгами)⁴. В начавшейся затем дискуссии явно звучала тревога, боязнь того, что Англия и Франция сами договорятся с Советами, обойдя Германию, что их капиталисты займут русский рынок, ничего не оставив немецким. Опасались и использования 116-ой статьи и в этой связи прямо предполагали отказаться от участия в консорциуме⁵.

Выступая в заключении острых дебатов, Ратенау утверждал, что ввиду позиции РСФСР "... нам не следует целиком и полностью ориентироваться на Восток или стремиться к установлению монополии в России" Так же и в Генуе, - заявил министр, - мы не должны делать ставку только на Россию, хотя для нас желательно установить там в определенной мере сотрудничество с ней (обратим внимание на эту фразу - Г.С.). Ратенау отверг предложение Радека, полагая, что Германия не может связывать себя согласием России при заключении возможных соглашений, ее касающихся. Он еще раз обратил внимание на значительный интерес Германии в отношении России и выразил надежду на заключение соглашения с ней. Германия, откровенно заявил он, готова в политическом отношении при-

¹ Там же. С. 430. Х. Линке несколько иначе излагает это место в речи Ратенау. (Linke H G Op. cit. S 189-190).

² СГО. Т. II. С. 428.

³ Там же. С. 429.

⁴ СГО. Т. II. С. 429-431.

⁵ Там же. С. 430.

знать Россию, но только за соответствующую компенсацию. Министр снова подчеркнул интерес Германии к России и повторил, что Германия должна участвовать в консорциуме с тем, чтобы западные державы не одни проводили восстановление России. Он уклонился от ответа на вопрос: "Как мы отнесемся к англо-французским условиям допуска России в Геную", но выразил надежду, что переговоры с русскими приведут к заключению соглашения¹.

Позиция Ратенау была ясна. Он явно не хотел осложнений с союзниками, "тем более по вопросу контактов с Россией, но боялся, что Англия и Франция без Германии начнут "восстановление", т.е. освоение русского рынка". Эта позиция была явно искажена в оценках публицистов и историков. Так, английский журналист Авгур писал, что Ратенау был "твердо убежден в необходимости единого европейского фронта и отказался скомпрометировать эту идею соглашением с Москвой"².

Так же пишет и Н.Л. Рубинштейн, утверждая, что Ратенау был против соглашения с Россией и именно он помешал успешному результату переговоров в январе-феврале 1922 года³.

Заметим, что Ратенау возглавил МИД лишь 31 января 1922 года и вряд ли успел отрицательно повлиять на ход хотя бы январских переговоров. Но главное не в этом. Ратенау действительно опасался противодействия и критики в русских делах со стороны Антанты и США. Он как буржуазный политик предпочел бы вести переговоры, что называется, со "своими". Вряд ли можно упрекать в этом бывшего президента АЭГ. Но вот чего не заметили критики В. Ратенау: его позиция не закрывала двери к переговорам с Москвой и он очень хорошо понимал и значение этих переговоров, и цену, которую, возможно, придется платить за них. Он не возражал и против договора с РСФСР.

В рейхстаге обсуждение началось 28 марта декларацией правительства о репарациях. Вирт говорил о невыполнимости требований союзников и надеялся решить проблему в Генуе. В ответ националисты потребовали отвергнуть ноту репарационной комиссии. Партия Центра, народная партия и социал-демократы отстаивали "политику восстановления" и поддерживали правительство. Удостоилась похвал работа немецкой делегации в Каннах, так как она обеспечила передышку. Один из лидеров партии Центра В. Маркс говорил, что если в Генуе победит мудрость, т.е. возобладают не ненависть Франции, а разумность Англии и трезвый купеческий рассудок Америки, тогда Генуя станет звездой, которая выведет Европу из ее тяжелого хозяйственного положения. Выступил и Ратенау, заявивший, что "гибель Германии - это гибель Европы"⁴. Самым существенным в работе

¹ Там же. С. 430-431.

² Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 276.

³ Там же. С. 276-277.

⁴ Там же. С. 225-226.

по "восстановлению России" Ратенау считал непосредственное обсуждение этих вопросов между Германией и Россией и заявил, что он не имеет и мысли о том, чтобы играть в отношении России роль колонизатора, жадного до прибыли¹.

Открытие конференции в Генуе с участием Германии и России - двух "изгоев" европейской политики становилось все ближе.

Правительство РСФСР придавало огромное значение конференции и участию в ней. Общая стратегическая линия советской дипломатии была определена В.И. Лениным, который считал необходимым "зондировать почву у отдельных держав отдельно", защищать Германию и Турцию, отделить Америку и вообще разделить державы². Ленин считал, что именно теперь, перед Генуэзской конференцией, было бы "бесконечно важно" заключить хотя бы один, а еще лучше несколько договоров на концессию именно с немецкими фирмами. Ленин все время интересовался переговорами по этому вопросу, одобрил передачу земли в концессию фирме Круппа и другим фирмам в Грозном³. Говоря о будущей конференции в Генуе, он подтверждал, что "ехать надо как купцы", торговать, искать кредиты, добиваться признания де-юре, а не только де-факто с Германией⁴. Учитывалось особое положение Германии и возможность контактов с ней до конференции и в ее ходе⁵.

Советское правительство придавало большое значение заключению договора с Германией о полной нормализации советско-германских отношений. Его подписание еще до открытия Генуэзской конференции могло бы очень сильно укрепить позиции Советской России на этой конференции. Г.В. Чичерин считал, что этот шаг усилил бы позиции обеих стран. Была перспектива их совместного выступления в Генуе. Договор явился бы клином в возможном на конференции едином фронте против РСФСР.

Учитывалось то обстоятельство, что был уже составлен протокол о соглашении двух стран. Это соглашение было передано немецким представителем Мальцаном 16 февраля 1922 года⁶.

Немецкая сторона имела свои соображения. А. А. Ахтамзян полагает, что в ходе обсуждения вопроса о соглашении в германском руководстве в начале 1922 года проявились две линии: канцлер Й. Вирт и А. Мальцан полагали возможным продолжить переговоры с Россией и представляли одну линию. Ратенау и Стиннес представляли вторую (Ахтамзян ставил их рядом), требуя согласования германской политики по отноше-

¹ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С.226-227. Как видим, мысли Вирта и Ратенау здесь перекликаются, хотя Н.Л. Рубинштейн писал, что Ратенау "лживо уверял" в отсутствии колонизаторских замыслов. (Там же. С. 227).

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 132-135.

³ Там же. С. 136.; СГО. Т. II. С. 423.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 117.

⁵ История международных отношений ... Т. II. С. 178.

⁶ СГО. Т. II. С. 459-460.

нию к России и с Англией и США, чтобы навязать России тяжелые условия¹.

Вирт стоял за участие в восстановлении России вместе с другими державами и только с согласия России. Он подчеркивал, что Советская Россия не должна считаться колонией. Но Вирт не отмежевался от позиции Ратенау, лишь смягчал ее. Он стоял, как Ратенау, Мальцан и другие, на страже интересов Германии. Различие между Виртом и Ратенау, если они и были, заключались в акцентах, в разном подходе к вопросам тактики и отношения к позиции Антанты.

Советская и германская дипломатия, можно сказать, заняли исходные позиции перед Генуей. Предстояла еще одна встреча представителей двух стран с целью дальнейшего сближения. Она состоялась в Берлине в самый канун Генуэзской конференции.

¹ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 56-58.

ГЛАВА 3. ПЕРЕГОВОРЫ В БЕРЛИНЕ

Встреча советских и германских дипломатов в январе-феврале 1922 года принесла определенный положительный результат. В принципе обе стороны согласились с тем, что необходима нормализация отношений Германии и РСФСР, т.е. признание последней де-юре, что для этого необходим договор, основные положения которого были сформулированы достаточно четко. Оставалось подписать этот договор, определить место и время подписания. И если место не вызывало больших споров (удобнее всего был бы, конечно, Берлин), то вопрос о времени оказался весьма острым и сводился к одному: подписывать ли его до конференции в Генуе или после ее окончания.

Советское правительство поставило перед своими дипломатами очень трудную задачу подписать договор до приезда в Геную. Тогда перед изумленным Западом явился бы "дуэт" двух крупных стран, единый фронт европейских капиталистических государств был бы расколот. Позиции РСФСР укрепились бы многократно и усилили ее авторитет. Не исключалось заключение подобных же договоров с другими державами, в первую очередь, с Италией. В сущности менялась вся международная ситуация.

Но что же получал Берлин? Над этим немецкое руководство крепко задумывалось, взвешивая все плюсы и минусы такого поворота событий.

Нельзя представить все дело так, что немецкая дипломатия лишь "играла" в отношениях с Россией. Серьезные причины экономического и политического характера требовали нормализации отношений двух стран и немцы к этому основательно готовились. Был разработан проект договора, он тщательно обсуждался. Серьезных препятствий к его заключению не было. Но впереди ждала Генуя и это осложняло положение. Поэтому и возможные переговоры в Берлине тяготили немецкое руководство. Оно не могло отступать, но и не хотело уступать. Уже это придавало контактам с русскими драматическое звучание.

Об этих переговорах мы знаем из ряда источников: письмо Г.В. Чичерина от 10 апреля, как бы подводящие итоги происшедшему¹; рассказ советского дипломата Е.В. Пашуканиса, также в письме в НКВД от 8 апреля² и из выступлений В. Ратенау, уже после подписания договора в Рапалло³. Получается достаточно подробная, живая картина этих переговоров, увиденная с разных точек зрения.

Особенно важным является письмо Г.В. Чичерина. Он уже был предубежден против немцев и более всего - против Ратенау. Его жесткие, саркастические даже характеристики германского коллеги, общая негатив-

¹ СГО. Т. II. С. 468-473.

² Там же. С.457-459.

³ Там же. С. 531-546.

ная оценки переговоров позже легли в основу работ отечественных историков, толкая их к тенденциозности и односторонности в описаниях и анализе переговоров в Берлине. Особенно грешила этим глава в 1-ом издании "Истории дипломатии", автором которой был известный историк академик Н.И. Минц. Он утверждал, что Германия и не думала идти на соглашение с Советской Россией, что переговоры с ней " .. были только приманкой: Вирт и Ратенау вели ни к чему обязывающие разговоры ... Единственно, чего удалось достигнуть в Берлине, было взаимное обязательство, что в Генуе обе делегации будут поддерживать тесный контакт"¹. Рассказывая о позиции Ратенау, Минц заключил: "Все яснее становилось, что немцы хитрят. За каждую пустяковую уступку они немедленно требовали несоразмерной компенсации"².

К счастью, в последующих работах оценка переговоров менялась в сторону большей объективности.

Советское руководство серьезно и основательно готовилось к участию в Генуэзской конференции. Была разработана программа советской делегации, даны четкие указания В.И. Ленина. По общему мнению, Председатель Совнаркома РСФСР не должен был выезжать из страны. Главой делегации оставался Ленин, но его заместителем и фактической главой стал Народный комиссар иностранных дел РСФСР и член ВЦИК Георгий Васильевич Чичерин. В состав делегации были включены лучшие силы российской дипломатии: нарком внешней торговли Л.Б. Красин, он же - представитель РСФСР в Англии; заместитель наркома иностранных дел М.И. Литвинов; член ВЦИК А.А. Иоффе, полпред в Италии В.В. Воронский, а также Н. Нариманов, П. Мдивани, А. Шляпников (от профсоюзов России), Я. Рудзутак и др. В числе экспертов находились самые знающие и опытные дипломаты, юристы, ученые³.

Хорошо подготовленная советская делегация начала свое дипломатическое "наступление" на немцев издали. Сначала она отправилась в Ригу, где проходила трехдневная конференция Советской России, Латвии, Польши и Эстонии. Конференция дала некоторый положительный результат для России, ослабив антисоветские силы в Прибалтике⁴.

30 марта 1922 года делегация выехала из Риги и в час дня 1 апреля прибыла в Берлин. Это было в субботу. На вокзале ее встречал зав. восточным отделом германского МИД А. Фон Мальцан, который сообщил огорчительную весть. Вирт и Ратенау могут встретиться с русскими не ранее понедельника, т.е. 3 апреля. Пропал целый день, воскресенье, который советские дипломаты хотели использовать для переговоров, рассчитывая завершить их до 4 апреля. Это подтверждало мнение, высказанное в делега-

¹ История дипломатии. 1-ое изд. Т. III. С.167.

² Там же.

³ СГО. Т. II. С. 424-425.

⁴ История дипломатии. Изд. 2-ое. С. 269-270.

ции раньше, что немцы до Генуи вряд ли пойдут на соглашение и вряд ли начнут сразу переговоры¹.

Мальцану тут же заявили, что необходима встреча, и немедленно, с Виртом и Ратенау, чтобы сделать "важные предложения" о принципах советско-германского договора². Мальцан повторил, что оба деятеля в воскресенье заняты, а ему поручено провести предварительную беседу. Как пишет Ахтамзян, Мальцан, "проявляя дипломатическую гибкость", "утешал" русских делегатов сообщением о готовности немцев к уступкам и о том, что Ратенау готовится "торжественно заявить" о передаче РСФСР здания бывшего царского посольства в Берлине³.

В воскресенье 2 апреля в гостинице "Эспланада" состоялась встреча Г.В. Чичерина и А. Мальцана. Разговор сразу же пошел вокруг одного из самых острых вопросов - компенсации убытков от национализации германского имущества в России. Мальцан долго упирался, говоря о возможности компенсировать эти убытки, и не только немцам. Под конец разговора он стал проявлять некоторую склонность к компромиссу. Ничего решающего эти разговоры, сообщал позже Е. Пашуканис, разуместся не дали⁴.

Вечером 1-го апреля состоялось совещание советской делегации с участием Радека, Стомонякова и Пашуканиса. Было решено разделить переговоры о политическом признании, т.е. о договоре от переговоров о возможном займе для РСФСР. В политическое соглашение надо включить возобновление дипломатических отношений и полный взаимный отказ от претензий, в том числе от всяких претензий частных лиц по убыткам, нанесенным им в России в ходе национализации⁵.

В проекте, предложенном Мальцаном в феврале, этот вопрос был оставлен открытым, но Германия оставляла за собой на будущее время право наибольшего благоприятствования. Одновременно Мальцан предлагал в секретном протоколе всячески ослабить это право возмещения убытков, сведя его фактически на нет⁶. В этой форме соглашение было для РСФСР совершенно неприемлемым, так как весь политический смысл его для нас заключался именно в отказе хотя бы одного государства от претензий по национализации. С другой стороны, в этом же пункте следовало ожидать наибольшего сопротивления германского правительства.

Только на следующий день, в понедельник 3 апреля, начались серьезные переговоры с немецкими лидерами. Г.В. Чичерин уже из этого сделал категоричный вывод, что "германское правительство желает перед на-

¹ СГО. Т. II. С. 468.

² Там же.

³ Ахтамзян А.А. Уж. соч. С. 62.

⁴ СГО. Т. II. С. 458.

⁵ Там же. С. 457.

⁶ Там же. С. 459.

ми разыграть комедию страстного желания соглашения с нами, а в действительности будет устраивать так, чтобы соглашения не было"¹

В ходе встречи обсуждался уже советский протокол (проект) о соглашении Германии и РСФСР, состоявший из трех статей. Их содержание сводилось к следующему: РСФСР отказывается от претензий к Германии по 116-ой статье Версальского договора, а Германия отказывается от требований компенсации в связи с национализацией. Советская Россия не будет никому платить подобной компенсации. Все отношения будут урегулированы на основе взаимности. Немедленно возобновляются дипломатические и консульские отношения между странами, которые будут представлять льготы одна другой и их гражданам. Договор желательнее подписать тут же².

Первые переговоры Чичерин провел утром 3-го апреля с Виртом, который беседовал "добродушно и сочувственно", но отвечал уклончиво и в общей форме³. Днем состоялись длительные беседы с В. Ратенау, в ходе которых в полной мере проявилась склонность последнего продолжать, как выразился Ахтамзян, "сложную дипломатическую игру", спекулируя на противоречиях России с Западом, который, как предполагалось, враждебно встретит ее в Генуе. Он отстаивал идею консорциума, хотя уже осознал, как думает Ахтамзян, что план был нереалистичным и не мог служить основой для сотрудничества двух стран⁴.

Ратенау, писал Чичерин, говорил бесконечно долго, очень красивым, приятным баритоном и с явным наслаждением прислушивался к собственному голосу. Он изливался в дружественных чувствах, очень много говорил о недоразумениях, ... в основных же вопросах он оказался по существу совершенно несговорчивым при изобилии дружеских фраз⁵. Сначала говорил о консорциуме, который Чичерин считал враждебным шагом против России, а Германию - орудием этого консорциума для эксплуатации России. Ратенау отвечал, что Германия уже связана переговорами о консорциуме и не может ни в коем случае выйти из него, но может дать обязательство, что не будет действовать в его рамках без предварительного согласия России. Он хотел бы за это обязательство получить компенсацию, правда, какую, он еще не знает⁶.

Позже на официальном завтраке Вирт и Ратенау приоткрыли свои карты, пишет И.И. Минц, предложив зафиксировать следующее соглашение: Германия отказывается от возмещения убытков, причиненных ей революцией, исходя из того, что Советская страна не будет платить за такие убытки и другим государствам. Однако в секретном добавлении должно

¹ Там же. С. 468.

² Там же. С. 455.

³ СГО. Т. II. С. 469.

⁴ Ахтамзян А.А. Уж. соч. С. 62.

⁵ СГО. Т. II. С. 469.

⁶ Там же.

быть сказано, что в случае, если Россия даст другой державе денежное вознаграждение за эти убытки, то будет пересмотрен и вопрос о Германии¹. Также Ратенау заметил, что компенсацией Германии могло бы быть право Германии на первоочередность предлагаемых Россией концессий. Но, отметил Чичерин, это было брошено вскользь, во время завтрака, и потом Ратенау к этому не обращался². Затем бурно обсуждался вопрос о возможных компенсациях немцам за убытки по социализации, и тут Ратенау стал пугать Чичерина отказом рейхстага одобрить соглашение, если этот вопрос не будет решен положительно. На торжественном завтраке, устроенном Ратенау в честь советской делегации, он пообещал вернуться к переговорах. Однако все оставались в парадном зале, где было много гостей. Затем был подан чай и разговор не продолжился. В конце завтрака Ратенау "еще раз подсел" к Чичерину и предложил компромисс: в договоре будет сказано, что Германия отказывается от возмещения убытков по национализации, а РСФСР не будет платить за такие убытки всем другим. Все это делали, заключил Чичерин, для того, чтобы в момент Генуэзской конференции иметь прецедент в форме образца договора об отказе от компенсации за национализацию собственников³. Но германские представители упорствовали. Они, считал Чичерин, не хотели подписывать договор с Россией и секретное добавление, а собирались только парафировать, т.е. подписать инициалами полномочных представителей каждой стороны в знак согласия текста договора. Это не было обязательным этапом и означало лишь намерение немцев не подписывать в Берлине уже согласованный договор⁴.

Стало совершенно ясно, из Берлина сообщал советник представительства РСФСР Пашуканис, что сейчас, до Генуи, на подписание договора немцы не пойдут, что в их интересы не входит лишь создание видимости русско-германского соглашения⁵.

Немцы ухватились за вопрос о национализации в России, сделав его главным предметом торга, своего рода искусственным препятствием. Они увязывали его с принятием в рейхстаге возможного соглашения, которое не прошло бы, как они утверждали без решения этого вопроса. Выдвигая его вперед, они явно показывали, что не торопятся и не будут подписывать какое-либо соглашение до конференции в Генуе. Но и советская делегация считала этот вопрос весьма важным, ибо согласие Германии отказаться от претензий по национализации дало бы РСФСР возможность отказать в этих претензиях и другим державам.

Советская делегация сосредоточила свои усилия на попытках подписать все же соглашение еще до отъезда из Берлина. Е. Пашуканис сооб-

¹ История дипломатии. 1-ое изд. Т. III. С. 167.

² СГО. Т. II. С. 469-470.

³ Там же. С. 470-471.; Документы ... Т. IV. С. 207.

⁴ СГО. Т. II. С. 470-471.

⁵ Там же. С. 459.

шал, что этот вопрос поднят был на завтраке у Ратенау и в беседах, занявших почти весь день 3-го апреля - с 10 до 17 часов вечера. В разговоре с Ратенау, писал Пашуканис, компромиссная формула начала принимать довольно определенные и правильные для нас очертания, а именно: в соглашении должно быть сказано, что Германия отказывается от претензий, вытекающих из национализации, при условии, что мы отклоняем таковые же претензии других государств. В тайной же статье будет заявлено, что если Россия примет однородные претензии какого-либо третьего государства, то с Германией вопрос будет решаться особо. "На основании достигнутого с Ратенау такого рода устного соглашения, нами в тот же вечер был изготовлен соответствующий проект. За основу взяли мальцановский протокол с необходимыми изменениями. Было добавлено, что Германия обязуется принимать участие в отдельных операциях интернационального консорциума в России по соглашению с РСФСР и заявляет, что готова работать в России и независимо от консорциума"¹. Проект позже лег в основу Рапальского договора. Лишь одна статья не была включена и стала позже предметом обмена нотами, за ее основу был взят измененный проект Мальцана².

Во вторник, 4 апреля, Мальцан вновь был вызван к Чичерину в гостиницу "Эспланад" для окончательного обсуждения проекта соглашения. Однако он явился со своим собственным и притом значительно ухудшенным проектом, из которого стало ясно, что Германия не отказывается от претензий по национализации, пока не откажутся другие страны, но напротив, настаивает на них. При этом Мальцан сослался на изменившуюся позицию Ратенау после его совещания с "кем-то еще из кабинета", на перемену своей позиции не пойдет и согласен только парафировать протокол, но не подписывать, так как нет согласия кабинета, который не может быстро собраться на заседание. Мальцан уклончиво говорил о созыве кабинета и обсуждении на нем документов³.

В изложении Г.В. Чичерина это выглядело так, когда все шло к согласованию, явился У Мальцан, который до того времени разыгрывал из себя нашего величайшего друга и вдруг, как будто обиженный тем, что Ратенау помимо него сделал мне более выгодное соглашение для нас предложение, моментально переменял свою позицию и стал срывать соглашение. Он вдруг начал возражать против восстановления дипломатических отношений, заявив, что Германия не отказывается от возмещения убытков из-за национализации и не может гарантировать кредиты⁴. Чичерин был решительно против этого, так как весь политический смысл переговоров был в отказе хотя бы одного государства от претензий по национализации.

¹ СГО. Т. II. С. 459-461.

² Там же. С. 459.

³ Антазмия А.А. Уж. соч. С. 63-64.

⁴ СГО. Т. II. С. 470-471.

"Это - центр споров". Новая формула Мальцана была неприемлема на Генуэзской конференции и с точки зрения тактики.

В делах третьего отдела германского МИД, пишет Ахтамзян, сохранилось последнее предложение по проекту соглашения советской делегации, которое она была готова подписать. На тексте стоит дата "4 апреля" и виза "Ма" (Мальцан), который и выдвинул формулировку о праве германского правительства на претензии по собственности германских подданных, национализированной в РСФСР. Согласно записи Мальцана, советские делегаты (ими были Чичерин и Литвинов) отклонили это требование, подчеркнув, что оно находится в противоречии с формулировкой, согласованной вчера с господином рейхсминистром Ратенау. Чичерин предлагал немедленно подписать готовый вариант соглашения, не ограничиваясь его парафированием, но немцы были против¹.

В тот же день 4-го апреля советские делегаты были на завтраке у Ф. Дейча, который заискивал, пытаясь замять конфуз, вызванный шагом Мальцана. Немцы, присутствовавшие на завтраке, указывали на "огромную миссию Германии, которую история призвана осуществить в рамках планов консорциума"².

Позже в беседах с английским послом в Берлине, лордом Д'Аберноном, Мальцан уверял, что не он, а именно Ратенау, противился подписанию соглашения ввиду предстоящей Генуэзской конференции, что Ратенау вообще был фактически противником восточной ориентации и стоял за более близкие связи с Францией, в особенности, что удивляет, зная позицию Франции и Англии³.

А. Ахтамзян считает, что Ратенау хотел использовать переговоры с Россией, чтобы оказать давление на Англию и Францию и добиться от них согласия на пересмотр Версальского договора⁴. Нам не кажется убедительным это утверждение. Точнее, на наш взгляд, выразился А.Н. Эрлих, писавший, что немцы хотели "пощекотать нервы" союзников⁵. Задачу попугать их, видимо, имела и немецкая пресса, много писавшая о встречах и переговорах в Берлине и даже о будто бы подписанном договоре с Россией⁶.

По итогам переговоров Чичерин дал 4-го апреля телеграмму НКИД, в которой сообщал, что немцы вели переговоры с нами, чтобы показать, что якобы хотят оглашения с нами, но по всему видно, что в действительности они хотели, чтобы ничего не вышло. Переговоры продолжатся в Генуе⁷. Позже, в письме в НКИД от 10-го апреля, Чичерин подвел невеселые

¹ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 64.

² Там же; СГО. Т. II. С. 470.; Любимов Н.Н., Эрлих А.И. Ук. соч. С. 24.

³ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 167.

⁴ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 65.

⁵ Любимов Н.Н., А.Н. Эрлих. Ук. соч. С. 24.

⁶ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 167.

⁷ СГО. Т. II. С. 456.

итоги. "У нас с Германией ничего не вышло. Она из-за страха перед Антантой предпочитает отложить соглашение с нами. Правительство Вирта возлагает какие-то надежды на возможность умаслить или умиловать Англию. Мы, таким образом, уехали из Германии ни с чем" Но, продолжил Чичерин, факт переговоров, ставших тут же достоянием гласности (во всех странах - Г. С.) очень много комментировался в печати, которая делает "многозначительные выводы". К тому же договорились, что обе делегации в Генуе будут друг друга информировать и поддерживать, "таким образом, нечто конкретное было сделано, несмотря на срыв Германским правительством переговоров о соглашении ... было все время ясно, что Германия ... не хочет соглашения, в особенности перед Генуей"¹.

Из телеграммы и письма ясно, что Чичерин был огорчен и даже рассержен таким приемом в Берлине и, видимо, потому оставил такое возмущенное саркастическое описание своих бесед с немецкими представителями². В какой-то мере это объяснялось болезненным состоянием наркома. Ленин заметил, что Г.В. Чичерин "болен и сильно", что его надо лечить и, обращаясь к Чичерину в феврале 1922 года, писал: "Тов. Чичерин! Вы чрезмерно нервничаете"³. Напомним, что оказала свое влияние информация К. Радека. Она, возможно, способствовала негативной реакции наркома. Зная итог, удивляет, конечно, мрачный взгляд на перспективы заключения договора.

На самом деле не может быть и речи о поражении или крупной неудаче советский дипломатии. Потерпела крах попытка, с самого начала рискованная и не очень обоснованная, вырвать согласие немцев на договор перед конференцией в Генуе. Несмотря на пессимизм Чичерина берлинские переговоры принесли и положительные итоги. Газеты писали о них, создавая впечатление чуть ли не двойственного союза. Пресса уверяла, что теперь Чичерин может рассчитывать на поддержку немцев в Генуе, что в России и Германии "от всего сердца" приветствуют сам факт переговоров⁴. Конечно, в таких заявлениях был элемент игры. Немецкая пресса намеренно раздувала слухи о якобы предстоящем договоре, чтобы прилутнуть дипломатию Антанты⁵. Но сводить такую позицию только к шантажу тем не менее нет оснований.

Опираясь на эти документы, Зарницкий и Сергеев нарисовали просто карикатуру на переговоры в Берлине: "Чичерин встретился с Виртом и Ратенау" Эта была странная встреча, ее собеседники что-то недоговаривали, осторожничали, видимо, стеснялись друг друга?! Ратенау рассыпался в любезностях, заверял в дружбе и одновременно старательно обходил все, что могло быть истолковано как желание идти на сближение ..." Обычное

¹ Там же. С. 471.

² Зарницкий С., Сергеев И. Ук. соч. С.155-156.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 152, 171.

⁴ СГО. Т. II. С. 476, 530.

⁵ История дипломатии. Изд. 1-ое. Т. III. С. 167.

двуличие буржуазной дипломатии у Ратенау было как-то особенно отвратительно?!; по-торгашески набивал себе цену, а сам готов в то же время продаваться тому, кто больше даст, тайно рассчитывал, что это будет все-таки не Россия, а Англия ... Среди своих (т.е. советских дипломатов) "... немало крепких слов раздавалось по адресу Ратенау и его окружению"¹

По сообщениям немецких дипломатов в Москве пришли к различным оценкам, в общем (особенно в официальных кругах), сдержанным, но не отрицательным. Как писал К. Виденфольд, Советское правительство радуется от всего сердца, что оно до созыва Генуэзской конференции пришло к известному соглашению с Германией; но и с немецкой точки зрения "следует с удовлетворением приветствовать результаты переговоров в Берлине"².

Германский МИД оценил сообщение в прессе о приеме русской делегации и обхождении с нею в Берлине (положительно для РСФСР) и опасался лишь возможной радикализации настроений в Германии в связи с соглашением о признании Советской страны³.

Действительно, переговоры состоялись, позиции и требования обеих сторон были выяснены. Главным итогом - и тут мы согласны с А.А. Ахтамзяном - явилось согласование основного содержания такого будущего соглашения⁴, сближение двух проектов - советского и немецкого, кроме одного пункта (о претензиях по национализации), выдвинутого немцами явно для того, чтобы оттянуть подписание договора до Генуи. Обе стороны подтвердили готовность продолжить переговоры в ходе конференции и вообще поддерживать там тесный контакт и помогать друг другу.

Основная, трудная и кропотливая работа, начатая более года тому назад увенчалась в общем положительным успехом и создала неплохие перспективы. Переговоры в целом, считает автор комментариев к сборнику документов о советско-германских отношениях, заслуживают положительной оценки⁵.

С такими итогами советская делегация в конце дня 4-го апреля отбыла из Берлина в Италию. Ее провожал А. Мальцан. По его словам, проводы прошли в теплой обстановке. "Я выразил им (советским делегатам Г.С.) - писал Мальцан в записке для своего МИДа, - имея ввиду сегодняшний дождливый день, нашу надежду, что итальянское солнце, возможно, даст нам новое вдохновение и новые формулировки, которые были бы приемлемы для обеих сторон"⁶. На следующий день, 5-го апреля, состоялось ожидаемое заседание германского кабинета под председательством президента Ф. Эберта. Там были подведены немецкой стороной итоги бер-

¹ Зарницкий С., Сергеев И. Ук. соч. С. 155-156.

² СГО. Т. II. С. 474-475.

³ Там же. С. 476-477.

⁴ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 65-66.

⁵ СГО. Ук. соч. С. 456.

⁶ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 66.

линских переговоров и обсуждена линия германской дипломатии на воздержание от подписания соглашения с Советской Россией до Генеу. Линию одобрили все, в том числе и Эберт, решительно настроенный против договора с Россией¹.

Ратенау на этом заседании и позже, уже после Генеу объяснял свою позицию тем, что русские в Берлине были довольно несговорчивы, неприступны, их требования были жесткими, их желание пойти навстречу - ничтожным. Они выдвинули "... гораздо более далеко идущие требования, на которые не пойти не могли, а с другой стороны, отказались идти на уступки, от которых мы не могли отказаться и которые были нам предоставлены в Генеу". Нельзя было заключить договор в Берлине и по причине психологической. "Была бы большая разница в настроениях и в воздействии на весь окружающий мир"².

А. Ахтамзян считает, что линия Ратенау не выдерживает критики, так как сводит все причины к негативной позиции русской делегации³.

В Генеу, в специальном документе, немецкая сторона объясняла отказ от соглашения в Берлине тем, что германское правительство не хотело допустить, чтобы его упрекнули в том, что оно прибыло на международную конференцию, чтобы помешать ее работе. Теперь ясно, какие невероятные последствия имело бы преждевременное заключение договора: велась бы сильная агитация против Германии. Франция заняла бы отрицательную позицию, из-за чего возникла бы опасность срыва конференции⁴. Такое объяснение ближе к реальности. Германия боялась реакции Антанты, имея ввиду самый острый и болезненный для немцев репарационный вопрос. Ратенау очень хорошо понимал эту опасность. Между тем в Генеу возникла не очень ясная и прочная, но все же надежда смягчить остроту проблемы репараций и толкнуть союзников дальше, по пути ревизии Версальского договора. Определенные чаяния Ратенау связывал с планом консорциума, в случае успеха которого менялась роль Германии - она становилась на один уровень с его участниками, вчерашними победителями, обеспечивалась их благосклонность и в других вопросах. Встречи на международной конференции сулили и другие возможности, пока неизвестные, и терять их, подписав договор с Россией, страной, стоящей фактически против всего буржуазного мира, Ратенау, естественно, не хотел. Он желал обеспечить германской дипломатии свободу рук, и его можно понять.

Как полагает Ахтамзян, Ратенау в то же время был склонен продолжить сложную дипломатическую игру с использованием Советской России, игру на ее противоречиях с Западом⁵. Но речь шла не просто об

¹ Там же. С. 65.

² СГО. Т. II. С. 539.

³ Ахтамзян А. А. Уж. соч. С. 65.

⁴ СГО. Т. II. С. 513.

⁵ Ахтамзян А. А. Уж. соч. С. 62.

использовании России как инструмента давления. Ратенау понимал необходимость опереться на Россию, не оттолкнуть ее возможного, набравшего силу и влияние партнера, разумеется, не подчиняя ей немецкие интересы. Он осознавал все значение договора с Москвой, представлял перспективы в случае его заключения, определенной переориентации внешней политики Берлина в сторону большого доверия к России. Надо думать, что он представлял и возможные последствия этого поворота в сторону общего для Европы идеологического противника. Не исключено, что эти последствия пугали его. И все же он говорил: "Ни на одно мгновение у нас не возникало ни малейшего сомнения в том, что об отказе от заключения договора для Германии не могло быть и речи"¹.

Таковы были итоги переговоров и немецкой позиции на них. Решение правительства Германии одобрить эту позицию означало одобрение и линии В. Ратенау. Президент Ф. Эберт назначил делегацию на Генуэзскую конференцию. В нее вошли рейхсканцлер Й. Вирт, министры: иностранных дел В. Ратенау, финансов А. Гернес, экономики Р. Шмидт. Среди советников и экспертов делегации были лишь директор А. Фон Мальцан, статс-секретарь Э. Симсон, известный экономист и деятель социал-демократов Р. Гильфердинг, другой социал-демократ, депутат рейхстага Р. Брейтшейд, военные, ученые и др. Всего 27 человек. Их полномочия были определены достаточно точно: "... отдельно или совместно с полномочными представителями прочих государств, участвующих в конференции, вести переговоры по всем вопросам, входящим в программу конференции, и в случае необходимости заключать по ним соглашения с оговоркой о ратификации"². С этим германская делегация отправилась в Геную, навстречу одному из самых важнейших в истории новой Германии событию.

¹ СГО. Т. II. С. 535-536.

² Там же. С. 456-457.

ГЛАВА 4. ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. РАПАЛЛО.

Экономическая конференция европейских держав открылась в Генуе в три часа пополудни 10 апреля 1922 года в великолепном старинном дворце Сан-Джорджо. В ней участвовало 29 государств (с доминионами Великобритании - 34). США решили не участвовать в конференции, но в то же время ставили целью, как писал их посол в Италии Р. Чайлд, не дать Советской России проявить себя и заключить какое-либо соглашение¹.

На открытии конференции присутствовали многочисленные делегации, представители делового мира, прессы (всего было около 700 журналистов), светская публика чуть ли не из всех европейских столиц - всего около 2000 человек². Это было наиболее представительное собрание в Европе, имевшее место после войны. Д. Ллойд Джордж назвал ее самой важной конференцией после Версальской³.

Были приняты необычайные меры по охране конференции и ее участников. Побывавший в Генуе в те дни Эд. Эррио отметил, что город был, казалось, на осадном положении, карабинеры стояли у дверей отелей и охраняли выходы из тупиков⁴.

Вопреки пророчествам Мальцана, стояла хмурая ненастная погода, почти непрерывно шел дождь и Эррио писал об угрюмой пасхе 1922 года.

Делегации разместились в предместьях Генуи, в окружавших город маленьких поселках, городках и виллах. Граф Д'Альбертис предоставил свою роскошную виллу на высоком холме главе английской делегации и неформальному лидеру конференции Ллойд Джорджу. В местечке Сан-Маргерит, входившем в округ Рапалло, разместилась в гостинице "Палаццо-Империял" делегация РСФСР. Относительно близко, в Сан-Лоренцо, остановилась немецкая делегация.

Повестка дня конференции была утверждена Советом Антанты еще 13 января. Она включала рассмотрение вопроса о проведении в жизнь резолюции совещания в Каннах (январь 1922 года), укрепление европейского мира и ряд вопросов, связанных с репарациями. Последние были, однако, сняты с повестки в связи с отставкой Бриана и изменениями позиций французского правительства⁵.

Конференцию открыл ее председатель итальянский премьер-министр Л. Факта, говоривший об экономической разрухе в Европе и предлагавший программу ее ликвидации, фактически представленную Францией. Была зачитана приветственная телеграмма главы французского правительства Р. Пуанкаре, который взял на себя, находясь в Париже, руководство делегацией своей страны. Официальный глава этой делегации

¹ История международных отношений ... С. 177.

² Там же. С. 179.

³ Виноградов К.Б. Ук. соч. С. 343.

⁴ Эррио Э. Из прошлого между двумя войнами 1914-1936. М., 1958. С. 145.

⁵ История международных отношений ... Т. I. С. 174.

министр юстиции и по делам Эльзаса и Лотарингии Луи Барту оказался под неустанным контролем Пуанкаре, присылавшим каждодневно (и не одну) "руководящую" телеграмму. "Эта - уже 900-я", - сказал Барту Ллойд Джорджу, показывая ему очередную депешу¹. Эти депешы, писал потом Ллойд Джордж, оказались своего рода арканом для Барту, заставляя его вести себя как "придирчивый критик"².

Затем большую речь произнес британский премьер. За ним выступил германский Канцлер Й. Вирт. Он демонстративно говорил по-немецки, говорил долго, монотонно и утомительно, жалуясь на особо тяжелое положение Германии, ждущей международной помощи³. Речь утомила публику.

По поводу речи Вирта один из журналистов сострил, что германский делегат решил перенести всю тяжесть германской репарации на своих слушателей⁴.

Получил слово глава советской делегации Г.В. Чичерин. Он произнес речь сначала на французском, затем тут же - на английском языке. Она поразила всех и сразу же высоко подняла авторитет советской делегации. В речи Чичерин поставил вопрос о разоружении. Против сейчас же (и резко, допуская выражения, не принятые в дипломатии) выступил Л. Барту. Чичерин дал ему вежливый, но твердый отпор. Возникло напряжение, которое Ллойд Джордж снял, призвав делегатов "не перегружать корабль перед бурей"⁵. Газеты отнесли Барту к "первым жертвам русских"⁶.

Начало работы конференции показало, что есть противоречия между позициями западных держав: Антанты и Германии, Англии и Франции. Появились признаки некоторой изолированности французской делегации. Германские дипломаты решили, что могут рассчитывать на благосклонность англичан. После выступления представителей ряда малых стран пленум конференции закончился и работа перешла в политическую и три экономические комиссии. Они начали заседать на следующий день 11 апреля и занялись малозначащими вопросами ... В их составе были немецкие и русские представители. Комиссии вели свою рутинную деятельность, а делегаты конференции занялись поиском контактов в ожидании следующего пленарного заседания.

В германской делегации сразу же произошло разделение функций. Ее глава, канцлер Вирт, взял на себя, так сказать, представительскую роль. Он произнес гневную речь на первом заседании и, похоже, устранился от черновой деятельности по налаживанию контактов и решения хотя бы предварительно текущих вопросов. Немцы прибыли в Геную, имея ввиду

¹ Малофеев К.А. Луи Барту - политик и дипломат. М., 1988. С. 61.

² Ллойд Джордж Д. Ук. соч. С. 30.

³ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 43-44.; СГО. Т. II. С. 466-468.

⁴ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 169.

⁵ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 67.

⁶ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 266.

найти новые подходы к главной проблеме - репарациям. Они вступили в деловые связи со многими делегациями. Члены делегации, советники и эксперты занялись активной деятельностью в этом направлении. Их направляющим центром был Ратенау. Прибыв в Геную, Ратенау разместился в гостинице вместе со всей делегацией. Обстановка в отеле была, видимо, более чем скромной ("второразрядной, но терпимой", - отмечал позже министр). Стояла холодная дождливая погода. Все это не радовало Ратенау.¹ Не вызвала восторга у него и работа конференции. Генуя, - писал он статс-секретарю министерства иностранных дел Э. Ханиэлю фон Хоймхаузену 17 апреля, - прежде всего занималась только обменом избитыми фразами по вопросам экономики, в которые " .. мы по возможности старались внести ясность, чтобы они не оставались фальшивыми или вредными банальностями". Ратенау собирался своим выступление "несколько оживить эту атмосферу пошлости". Наиважнейшими вопросами остался международный заем, шансы на который не очень велики².

Сам Ратенау уделял главное внимание расширению контактов с государственными деятелями других держав. Здесь, видимо, были некоторые успешные шаги. "Питаем надежду", - писал он, - что эти контакты позволят нам кое-чего добиться. Однако, считал Ратенау, "самый главный контакт" еще не налажен, не удалось связаться хотя бы по телефону с Ллойд Джорджем³.

Здесь надо добавить, что Ратенау и его помощники установили связь с сотрудниками Ллойд Джорджа: советником делегации Уайзом, заведующим отделом МИД Грегори, экспертами Фонтейном, Клерком и другими. Но, к удивлению и огорчению немцев, британский премьер-министр не искал встреч с ними, к себе не приглашал и даже не говорил по телефону. Это было неожиданным - ведь еще в начале года Ратенау не раз беседовал с Ллойд Джорджем и даже конфиденциально. Ратенау, Мальцан, Бергман (немецкий представитель в репарационной комиссии), Дюфур и другие дипломаты все время добивались контактов с англичанами, звонили им ежедневно, искали встреч, посылали письменные запросы⁴.

Не сблизились немцы и с французами, что не было неожиданным ввиду позиции, занятой премьером Пуанкаре, которую дублировал в Генуе Л. Барту. Ратенау рассчитывал улучшить дело на званном обеде, который давал глава итальянского правительства Факта⁵.

Но вскоре в деятельности германской дипломатии появился новый момент, который сразу начал влиять на планы и надежды Ратенау. Ллойд Джордж не случайно игнорировал немцев. Он занялся вопросом, который, по его мнению, мог принести благоприятный для Англии, Антанты и само-

¹ СГО. Т. II. С. 485.

² Там же. С. 484.

³ СГО. Т. II.

⁴ Rathenau W. Politische Briefe. S 234.; Linke H.G. Op. cit. S. 191.

⁵ СГО. Т. II. С. 484.

го премьеры результат. Он задумал маневр, который должен был заставить Советскую Россию, уплатив Западу долги всех российских правительств, при этом взять на себя основную тяжесть восстановления европейской экономики. Маневр этот казался ему остроумным и очень хитрым, но на деле стал первой тактической ошибкой премьеры Англии и всей западной дипломатии. Ллойд Джордж вознамерился обсудить проблемы восстановления России и Европы с представителями Советской России, полуофициально, но в компании делегатов Франции, Бельгии, Италии, так что на обсуждениях создавался как бы единый фронт против РСФСР. Переговоры начались в большой тайне (по крайней мере, официально), хотя информация о всем происходившем быстро распространялась среди других делегатов и журналистов. Представители указанных стран встретились на вилле Альбертис, в большом кабинете, отведенном для Ллойда Джорджа¹. Прибыли и представители России.

11 апреля советским представителям вручили для ознакомления так называемый лондонский меморандум - предложения финансово-экономических экспертов стран Антанты, заседавших 20-28 марта в Лондоне. Первая часть предложений называлась "Восстановление России", вторая - "Восстановление Европы". Суть обеих программ сводилась к требованию об уплате Советским правительством всех долгов Царского и Временного правительства как условия возможных кредитов России. Требовали и реституции, т.е. возвращения национализированной собственности иностранцев, а также создания комиссии русского долга, отмены монополии внешней торговли и ряда других мер, аннулировавших советское законодательство и вводивших порядки, характерные для полуколоний. Эксперты сознательно оставили право России на репарации с Германии по 116-й статье Версальского договора². Это был второй ошибочный шаг союзной дипломатии. Вместо сглаживания Германии и России это фактически толкало их к сближению на основе договоренности, достигнутой ими в Берлине.

Советская делегация, внимательно изучив меморандум экспертов, отвергла его и представила свои контрпретензии. Дискуссия, проходившая 14-15 апреля, сразу же приняла острый, даже резкий характер³. Французы предъявили советским делегатам своего рода ультиматум, и Барту не без самодовольства сказал, что только сегодня, 15 апреля, начинается настоящая Генуэзская конференция⁴. Барту, однако, недооценил возможные действия представителей РСФСР. Совещание не дало результатов, что поставило под угрозу срыва планы британского премьеры. Выявились серьезные

¹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 50-52.

² История дипломатии. Изд. 2-е. Т. III. С. 276-278.

³ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 50-58.

⁴ Малафеев К.А. Ук. соч. С. 72.

разногласия и между Англией и Францией, которые мешали компромиссу, впрочем, вряд ли возможному.

Бурные заседания на вилле Альбертис, разумеется, привлекли немецких дипломатов. Этому способствовала преднамеренная или случайная утечка информации об этих заседаниях, постоянные, хотя и неясные, слухи о возможном соглашении с Россией. Это встревожило немецкую делегацию, оказавшуюся в Генуе почти сразу в изоляции от серьезной работы и выработки соглашений¹. Доходили до нее и разговоры о 116-й статье. Новая информация всполошила немцев. Они поспешили встретиться со значимыми им дипломатами, в частности, английскими, и те не стали отрицать того факта, что переговоры с русскими ведутся, даже намекали, хотя и туманно, на возможность соглашения сторон².

Немцы вели себя в Генуе настороженно, опасались подвоха со всех сторон, включая и Россию, боялись вызвать недовольство Антанты, особенно Англии, занимавшей более благосклонную к ним, чем Франция позицию. Англичане постоянно заверяли немецких дипломатов в своем доброжелательстве. И вдруг оказалось, что, не пригласив немцев, союзники решают важнейшие вопросы с Россией, в том числе и о 116-й статье. Тревога немцев возрастала. Они старались по всем каналам собрать любую информацию о том, что же происходит на Альбертис. Были попытки отвлечь англичан от русских, укреплялись контакты и с русскими дипломатами. И тут на "авансцену" вышло еще одно - и важное - действующее лицо - итальянский дипломат А. Джаннини. Разные авторы "наградили" его различными должностями и даже инициалами (А., Г., Д)³. Г.В. Чичерин называл его итальянским послом в Лондоне⁴, другие авторы - секретарем итальянского министра иностранных дел К. Шанцера, секретарем итальянской делегации в Генуе или представителем итальянского премьера Факта и т.д. Ахтамзян считал его просто сотрудником итальянского МИДа. Любимов и Эрлих писали, что он - торговый атташе Италии в Лондоне и эксперт ее делегации в Генуе⁵. Так или иначе, Джаннини знал многих и многие знали его, он бывал во всех делегациях. Американский историк Дж. Ф. Кеннон поставил вопрос: почему Джаннини, "человек видимо, пронырливый и осведомленный, стремился быть во всех делегациях?" Кеннон считал, что этот вопрос не выяснен до сих пор⁶.

Джаннини имел связи и в германской делегации. Из подробного сообщения руководителя отдела печати германской делегации О. Мюллера

¹ Архив МИД РФ. Фонд Генуэзская конференция 1922. Оп. 1. Пар. 10. Папка 1. Рукописная записка Чичерину Г.В. от 14.IV. о том, что немцы немедленно готовы подписать договор, ввиду неуступчивости англичан. Л. 18.

² Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 69-70.

³ СГО. Т. II. С. 472. В той же должности (но как Джаннини) назван в 1-м изд. Истории дипломатии. Т. III. С. 168.

⁴ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 70.

⁵ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 67. В этом качестве Джаннини знал и Л.Б. Красина.

⁶ Kennan G.F. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston-Toronto, 1961. S. 218-219.

известно, что Джаннини посетил канцлера Вирта вечером 14 апреля, чтобы по поручению итальянского министра иностранных дел Шанцера информировать немцев о состоянии переговоров Антанты и России, которые "идут благоприятным ходом". Он подробно рассказал о встречах на вилле Альбертис, о том, что державам-организаторам конференции было важно узнать мнение канцлера или германской делегации, (которых не позвали) и что они считают, что германское правительство "наверняка одобрит это дело". Когда Джаннини собрался рассказывать обо всем более подробно, Вирт, учитывая значение этого вопроса, лично проводил итальянского дипломата на первый этаж гостиницы, где затем в течении часа проходила его беседа с Ратенау, Мальцаном и статс-секретарем Симсоном (с 11 до 12 часов ночи). Джаннини повторил свой рассказ о переговорах с Россией, о ее долгах и претензиях и о том, что было решено и что еще обсуждается. В точности, что возвращение социализированных предприятий не должно иметь места. Тут Ратенау задал вопрос, выдвигается ли это предложение самостоятельно или же в рамках Лондонского меморандума. Разумеется, в рамках меморандума, - ответил Джаннини. "Ратенау сердечно поблагодарил Джаннини за визит и заявил, что при данных обстоятельствах Германия не может проявить заинтересованность в этих делах. Итальянский дипломат выразил удивление по этому поводу. Ратенау же ответил, что договоренность с Россией была "достигнута без нас". Далее Ратенау сказал фразу, которую повторил многократно; "Устроили роскошный обед, нас на него не пригласили, но спрашивают, как нам нравится меню". В ответ Джаннини смог ответить французской фразой: "Это было подготовлено только для нас"¹.

У Джаннини вырвалось замечание, что Лондонский меморандум был представлен на конференции якобы по недосмотру, но стал основой для переговоров, "к большому удивлению участников конференции". Ратенау ответил, что пока эти пункты меморандума (т.е. 116-й статьи) сохраняются, с меморандумом нельзя согласиться. Джаннини не сделал ни малейшего намека на возможность внесения изменений в меморандум. Тогда Ратенау дал понять, что ему "придется поискать других гарантий". На это Джаннини заявил, что не уполномочен делать каких-либо заявлений. Его поручение состояло лишь в том, чтобы довести уже сказанное до сведения германской делегации.

Целью всей беседы было убедить немцев в том, что:

- 1) переговоры западных держав с Россией близки к завершению;
- 2) предстоящее соглашение с Россией не устранил серьезных отрицательных для Германии моментов, т.е. трех вредных для нее пунктов Лондонского меморандума;

¹ СГО. Т. II. С. 487-492. Примечательно, что это сообщение было отправлено в Берлин, в том числе и Ф. Эберту, не сразу, а только 18 апреля, когда договор в Рапалло был подписан. Учитывалось, видимо, возможное сопротивление рейхспрезидента.

3) информация Джаннини "была лишь призывом к Германии присоединиться к соглашению, на которое она уже не могла оказать никакого влияния"¹.

Ратенау, видимо, был потрясен таким откровенным предложением, не сопротивляясь, признать свое поражение, приняв изоляцию и неравноправность немцев. Ратенау, Мальцан и другие немецкие представители решили, однако, что весь этот эпизод побуждает их поступать, как им заблагорассудится, исходя из своих интересов.

Конечно, визит и рассказ Джаннини удивляют. Можно предположить, что союзники были уверены: немцы это "проглотят" без сопротивления и это даст Антанте дополнительный козырь в переговорах с русскими. Ратенау и Мальцан сообщили о визите Джаннини англичанам, но те не проявили никакого интереса. Видимо, соглашение русских с немцами, полагает Ахтамзян, не считалось возможной альтернативой². Поэтому-то Джаннини так подробно информировал немецкую делегацию. Надо думать, что так же полагал пославший его министр иностранных дел Италии Шанцер. И все же недоуменные вопросы остаются. Остаются сомнения и другого рода. Например, знали ли англичане заранее о визите Джаннини и как оценили его итоги? В конце концов, зачем вообще надо было тревожить немцев и подталкивать к русским? Убедительного ответа ни источники, ни известная литература не содержат. Американский историк Д. Феликс пишет, что "нельзя объяснить смысл сообщения Джаннини немцам"³. Кстати, когда Рапальский договор был подписан и журналисты стали выяснять детали этого события, снова всплыло имя Джаннини. Он поместил в итальянских газетах заявление, в котором отвергал слухи о том, что он был информатором немцев и чуть ли не посредником в подписании договора. Он выразил особое недовольство немцами, повинными будто бы в распространении этих слухов. Факта и Шанцер взяли Джаннини под защиту, уверяя, что ему было поручено всего лишь осведомить германскую делегацию о ходе совещания на вилле Альбертис⁴.

Тревога немецкой делегации достигла своего пика. Они увидели, что с ней, с интересами Германии не желают считаться, их отстраняют от решения вопросов о восстановлении Европы (и России), что кольцо желающих получить репарации с Германии сужается и 116-я статья зависла над немцами как страшная опасность.

Возмущенный всем этим Ратенау категорически заявил, что в таком случае Германия, не выявляя своего отношения к лондонскому меморандуму, будет искать помощи сама ("иные гарантии") против применения к

¹ СГО. Т. II. С. 488-489.

² Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 72.

³ Felix David. Walter Rathenau and the Weimarer Republik. The Politics of Reparations. Baltimore. London. 1971. P. 140.

⁴ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 91,93.

ней 116-й статьи где только сможет¹. Продолжая попытки встретиться с англичанами, Ратенау решил ввести в дело "иной вариант", уже готовую договоренность с Россией. Возможно, он хотел оказать давление на английскую дипломатию. Во всяком случае, уже 14 апреля, сразу же после ухода Джаннини, т.е. уже поздно ночью, Ратенау дал немедленное задание своим сотрудникам возобновить контакты с русскими, чтобы немедленно продолжить обмен мнениями, прерванный в Берлине². Мальцан позже вспоминал: "Я установил телефонную связь с А. Иоффе и договорился с ним о встрече на следующее утро в 10 часов в "Палаццо Империял". На встречу пришли А. Иоффе и Х. Раковский. Они подробно информировали о ходе переговоров на вилле Альбертис, оценив их в целом, несмотря на трудности и противоречия, как удовлетворительные. Советские делегаты говорили, что они хотят сотрудничать и с немцами, и что лучшее обеспечение общих интересов - подписание соглашения³. Мальцан на это не ответил, но было решено продолжить контакты. Пока шла эта беседа на веранде "Палаццо ди Реале", советник германского посольства в Италии Дюфур ожидал Мальцана, чтобы ехать к англичанам и сообщить о встрече с русскими. Однако встреча с британцами утром не состоялась. Лишь во второй половине дня Мальцан два часа беседовал с советником британского премьера Уайзом, сообщив ему о предложениях русских. Он просил союзников в свою очередь пойти на уступки немцам по ряду статей Версальского договора, сделав максимальные усилия, чтобы побудить англичан к сделке. Уайз не высказал особого удивления контактам русских и немцев, о которых уже было доложено Ллойд Джорджу и предупредил, что Англии одной трудно сделать немцам что-либо для облегчения ситуации. Уайз подтвердил, что переговоры на вилле Альбертис продолжают и протекают успешно⁴. Вечером того же дня из разных источников, в том числе от итальянцев, голландцев и других, просочились неофициальные сообщения о том, будто бы успешно завершено соглашение России и Антанты, а Германия оставлена в стороне⁵. В тот же день, 15 апреля, но уже во второй половине дня, Мальцан снова встретился с англичанами, которые сообщили о переговорах с русскими. Он просил у них поддержки в репарационном вопросе, но снова получил уклончивый ответ⁶.

Таким образом, обстановка менялась и обострялась к явной невыгоде для германской дипломатии. Да и среди других участников конференции царил тревога. Журналисты терялись в догадках, пишет И.И. Минц, относительно того, что происходит за стенами виллы. Нервы у всех были напряжены. Члены делегаций беспрерывно сновали из одного отеля в

¹ СГО. Т. II. С. 488-489.

² Kessler Harry Graf. Tagebücher. S. 292-294.

³ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 72.

⁴ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 279-280.

⁵ Там же.; Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 72-74.

⁶ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 280.

другой, распространялись самые разноречивые слухи. Большинство склонялось к выводу, что советская делегация, видимо, добилась соглашения с Антантой против Германии. Немецкая делегация "была подавлена", - пишет Минц. Она уже жалела о холодном приеме, оказанном Чичерину в Берлине¹. Все происходившее заметно беспокоило Ратенау и Мальцана. Более того, Ратенау был в отчаянии. Все его планы рушились. Германская делегация настороженно обсуждала положение и в конечном счете решила, что в настоящий момент ничего нельзя предпринять².

Тревога, опасения, страхи, вполне возможно, и имели место у немецких дипломатов. Но отметим, что они были в курсе основных событий в переговорах России и Антанты. Они могли не знать деталей, но в целом представляли всю картину. Их беспокоило то, чего не могли сообщить их информаторы: чем и когда закончатся эти переговоры? Кто кому уступит, а главное за чей счет - России или Германии - завершится эта сделка.

В этих условиях немцы должны были вести и вели двойную игру. Н.Л. Рубинштейн пишет, что немцы вели эту игру, чтобы "обмануть советскую делегацию"³. Но разве немцы не хотели обмануть союзников?! Речь шла не об обмане, но о том, когда и как использовать средство, о котором союзники знали, но которому, видимо, не придавали значения.

Речь шла об уже почти завершенной договоренности с Россией. Немцы о ней не забывали ни на миг. Об этом свидетельствует интересный документ, который 15 апреля, т.е. за день до подписания договора с РСФСР, был отправлен из Генуи в Берлин О. Мюллером рейхспрезиденту Эберту. Мюллер писал, что надо с осторожностью подходить к сообщениям между Россией и Западными державами, что " ... как показали наши контакты с русскими, сообщения о продвижении этих переговоров и об их итоге опережают собою факты". А далее раскрывались намерения немцев: "Мы по-прежнему находимся в контакте с русскими. Имеется полная возможность прийти к договоренности. Прилагаем все усилия к тому, чтобы использовать эту договоренность, помешать заключению соглашений между русскими и западными державами без нашего участия". Это говорило о бдительности, активной позиции немецкой дипломатии, вовсе не собиравшейся без боя сдаваться натиску Антанты. Немцы все время следили за ходом событий, отслеживали действия советской делегации, тут же передавая все сведения англичанам⁴.

Имея относительно полную информацию, и не только от англичан, о происходившем на вилле Альбертис, немцы в общем представляли себе возможную опасность того, что Россия в последний момент уступит Антанте, обманув немцев постоянными заверениями о своем доброжелатель-

¹ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 178; Изд. 2-е. Т. III. С. 282.

² Там же. Изд. 1-е. Т. III. С. 179.

³ Рубинштейн Н.Л. Уж. соч. С. 280.

⁴ СГО. Т. II. С. 478-479.

стве к ним, выступит объединено с русскими на основе 116-й статьи. И тогда Германия проиграет, и очень серьезно.

Конечно, немцы нервничали. Особенно волновался Ратенау, человек эмоциональный и чуткий. Его тревога и волнения передавались другим членам делегации. Ведь возникала угроза не только дискриминации, но и поражению германской делегации на конференции. Было чего опасаться и от чего приходиться в отчаяние.

И все же нам представляется, что отечественные историки, особенно в работах 40-60-х годов, сильно преувеличивали степень тревоги, растерянности и чуть ли не паники среди германских дипломатов, особенно у Ратенау¹.

Напряжение было огромным, обстановка - сложной. Нельзя было пропустить благоприятный случай. Г.В. Чичерин сильно волновался, был весьма нервно настроен и находился в возбужденном состоянии. Как вспоминали Любимов и Эрлих, наркома, казалось, нисколько не волновала борьба вокруг Лондонского меморандума, от имел в уме иное. Похоже, что кроме него никто не подозревал, что остались считанные часы до важнейшего события².

Необходимо подчеркнуть, что Чичерин не был в восторге от работы членов делегации, каждый из них имел свои амбиции, что раздражало наркома и мешало выработать собственное отношение к немцам и Ратенау³.

¹ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С.178-179.

² Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 62.

³ Архив МИД РФ. Фонд Генуэзская конференция 1922. Оп. 1. Пор. 7. Папка 1. (Дело 3). Л.25.

ГЛАВА 5. ДОГОВОР В РАПАЛЛО

Между тем "нужный момент" приблизился. В субботу немцы были огорчены и раздосадованы: 15 апреля снова пошли слухи о продвижении переговоров союзников и русских. Напряженность и огорчения от "предательства" и союзников, и русских усиливались. Очередную неудачу принесли попытки установить контакт с англичанами. Три попытки Вирта и Ратенау связаться с Ллойд Джорджем не дали результата, как и более ранние усилия, когда Ратенау два раза письменно и один раз по телефону просил премьера о встрече. Все три просьбы были отклонены¹. Это крайне обидело немецких дипломатов. Весь вечер 15-го просидели они в вестибюле своего отеля, мрачные и встревоженные, а затем отправились по комнатам в состоянии крайней утомленности и упадка духа². В делегации сложилась отрицательная эмоционально-психологическая атмосфера. Учитывая сложившуюся обстановку, советская делегация решила сделать немцам предложение встретиться и довершить соглашением давно начатое дело. Около 2-х часов ночи уже 16 апреля из приемной советский делегации позвонили в отель, где жили немцы.

Дальнейшие события по-разному освещаются в разных источниках - отчете германской делегации, документах работников НКВД, воспоминаниях А. фон Мальцана и в их пересказе в мемуарах посла Д'Абернона, немецких делегатов Брейтшейда, Бергмана и других, в книгах и статьях очевидцев и современников - Х. Кесслера, Бернгарда, Авгура и др. Возможно, что книга американского историка Дж. Ф. Кеннона основана на общении автору посла США в Италии Р. Чайлда.

Ахтамзян называет, но мало цитирует воспоминания советских участников переговоров эксперта делегации Н. Любимова и ее коменданта Н. Эрлиха³.

Конечно, все эти источники требуют критического подхода. Особые сомнения у нас вызывает живописный рассказ А. фон Мальцана английскому послу Д'Абернону, сделанный четыре года спустя после описанных событий, в 1926 году. Если верить Мальцану, события ночью с 15 на 16 апреля развивались так. Немецкая делегация находится в тревоге. Обсудив положение, решили ничего не предпринимать. Отправились спать. (...) В 2 часа ночи лакей разбудил Мальцана: "какой-то джентльмен с очень странной фамилией желает говорить с вами по телефону", - сказал он. Это был Чичерин. Мальцан спустился в залу гостиницы в черном халате и вел разговор по телефону, занявший четверть часа. Разговор сводился к тому, что Чичерин просил немцев прийти к нему в воскресенье и обсудить возможность соглашения между Германией и Россией. Он не сказал о том, что

¹ Ахтамзян А.А. Уж. соч. С. 70.

² Там же. С. 74.

³ Там же.

переговоры с западными державами потерпели неудачу, но Мальцан сразу понял, что сообщения о состоявшемся соглашении между Россией и Западными державами были ложны и вообразил, что русские начнут ухаживать за немцами; поэтому он воздержался от прямого ответа и сказал, что в воскресенье трудно будет встретиться, так как германская делегация организовала пикник, а он сам должен пойти в церковь. Но после того как Чичерин дал обещание (Мальцану? И по телефону??) предоставить Германии право наибольшего благоприятствования, Мальцан согласился пожертвовать своими религиозными обязанностями и прийти на свидание¹. Далее рассказывается, что сейчас же, 2 часа 30 минут ночи, Мальцан пришел в номер Ратенау. Последний ходил взад и вперед по комнате в пижаме с измученным лицом и с воспаленными глазами. Когда Мальцан вошел, Ратенау сказал: "Вы, вероятно, принесли мне смертный приговор?". "Нет, известия совершенно противоположного характера", - ответил Мальцан и рассказал Ратенау о телефонном звонке русских. Ратенау сказал: "Теперь, когда я знаю истинное положение вещей, я пойду к Ллойд Джорджу, все объясню ему и приду с ним к соглашению". Мальцан возразил: "Это будет бесчестно. Если Вы это сделаете, я немедленно подам в отставку и уйду от государственных дел". В конце концов Ратенау согласился, правда, не совсем охотно, встретиться в воскресенье с русской делегацией².

Этот в высшей степени драматический рассказ приводится целиком И.И. Минцем в 1-м издании "Истории дипломатии", который сопровождает рассказ рядом критических замечаний. "Нет сомнения, - писал академик, что Мальцан кое-что искажил, пытаясь представить германскую делегацию в наиболее выгодном свете и затушевать ее двуличное поведение". Минц упрекает немцев в сокрытии связей с англичанами и передаче им всего, о чем говорилось с русскими. Мальцан не рассказывал, саркастически пишет Минц, как извивались немцы, то прекращая переговоры, то с облегчением вновь бросаясь к Чичерину, который спокойно убеждал их бросить колебания. Он не поведал также о "пижамном совещании"³. Во втором издании "Истории дипломатии" рассказ Мальцана сохраняется, но в сильно отредактированном виде. Уже не говорится о звонке русского "с очень странной фамилией", но указывается, что звонил А. Сабанин. Спокойнее говорится о проделках Мальцана, который лишь "пытается представить позицию германской делегации в наиболее выгодном свете". Правда, картина, нарисованная Д'Аберноном "со слов Мальцана, считающаяся на Западе "классическим описанием" Рапалльского соглашения (т.е. истории его подписания), "во многом искажает события". Его рассказ не дает даже подлинной картины так называемого "пижамного совещания". Мальцан умолчал о том, что немцы с соблюдением всяческих предосторожностей

¹ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 178-179.

² Там же. С. 179.

³ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 180.

пытались информировать англичан о своем решении вести переговоры с русскими. Мальцан обвиняется еще и в том, что не рассказал Д'Абернону, " .. как сложно проходили переговоры, когда немецкая делегация то прекращала переговоры, то вновь возобновляла их, как Г.В. Чичерин спокойно убеждал их бросить колебания"¹.

Кроме этих двух "рассказов" Мальцана существует один, в изложении А.А. Ахтамзяна, взятый им из "оригинальной записи" того же Мальцана. Рассказ предлагается следующий с замечаниями Ахтамзяна: "Драматический телефонный звонок и ночной разговор, вошедший в историю дипломатии как пример реалистического подхода к нормам дипломатического протокола, выглядит в оригинальной записи Мальцана просто"²

Действительно, все было просто. "Ночью около 1 часа 15 минут мне позвонил Иоффе и сказал, что русская делегация готова вступить в новые переговоры с германской делегацией и была бы признательна, если бы с этой целью они прибыли в Рапалло В официальной записи Мальцан сухо сообщает, что тотчас доложил Симонсу и Ратенау о новом обороте дел, однако опускает подробности ночного бдения германских делегатов, которое получило в литературе название "Пижажного совещания"³

Рассказы Мальцана впечатляют драматизмом и рисуют его с самой выгодной стороны. Ратенау, взвинченный, в состоянии чуть ли не истерики, к тому же явный противник соглашения с Россией производит неприятное, даже жалкое впечатление. Напротив, Мальцан проявляет государственную мудрость и ради соглашения с большевиками готов пожертвовать своей карьерой. Однако нарисованная им картина вызывает сильные сомнения, она явно недостоверна и с фактической, и с психологической стороны. Ведь еще в Берлине Ратенау знал и сам готовил соглашение с Россией, хотя и не хотел подписывать не из принципа, а из тактических соображений перед Генуей. И, конечно, министр вряд ли мог испугаться угрозы подчиненного ему чиновника уйти в отставку. Возможно, что Ратенау острее других представлял себе все последствия возможного договора, и они пугали его, но не настолько, чтобы он безвольно последовал за Мальцаном, делая то, что он не хотел делать. Не таким человеком был министр Вальтер Ратенау.

Что же происходило на самом деле?

Около двух часов ночи (Кеннон уточняет: в 1 час 45 минут)⁴ в отель, где расположилась немецкая делегация, позвонил эксперт русской делегации, заведующий экономическим и правовым отделом Наркома иностранных дел РСФСР А. Сабанин. Он попросил к телефону Мальцана. Разговор длился не более трех минут. Мальцана просили передать Вирту,

¹ Там же. Изд. 2-е. Т. III. С. 282-283.

² Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 74-75.

³ Там же.

⁴ Kennan G.F. Op. cit. P. 219.

что Чичерин предлагает немцам продолжить переговоры, начатые в Берлине, а для этого приехать в Сан-Маргериту, в гостиницу "Палаццо Имперале" к часам 11-ти утра. Мальцан, видимо, не возражал и не вступал в дискуссию¹, о которой через четыре года так живо писал английскому послу. Итак, именно советская сторона предложила продолжить переговоры, а не германская, как утверждает "Дипломатический словарь"².

После звонка Сабанина Мальцан разбудил членов немецкой делегации, спавших, наверное, тревожным сном. Делегаты в ночных пижамах собрались все вместе в комнате Мальцана до трех утра, примерно полчаса или около этого, обсуждали предложение русских³.

Ратенау, если верить записи Мальцана, сопротивлялся подписанию соглашения с Россией, но его возражения становились все слабее⁴. Мальцан и Р. Гильфердинг, экономический эксперт делегации и другие члены и эксперты, высказались за переговоры. Вирт согласился с ними⁵. Было одно сомнение: что скажет Берлин? Немецкие делегаты знали, что рейхспрезидент Эберт против договора с большевиками. Это была реальная опасность, хотя надо полагать, что Эберт знал о переговорах в Берлине (хотя Чичерина не принял) и о содержании соглашения. Наконец, его все время держали в курсе событий. Состоялся долгий разговор (но кого - Вирта или Ратенау?) с Эбертом по телефону. Согласие было, видимо, получено⁶. Была послана телеграмма в Берлин, в которой сообщалось, что политическая обстановка в целом требует подписания отдельного соглашения с Россией в целях обеспечения германских прав, которым угрожают "известные лондонские предложения"⁷. Было решено в итоге принять предложение русских. Немцы в 5 часов утра позвонили в русскую делегацию о своем согласии встретиться. Одновременно утром предпринята была еще одна попытка связаться с Уайзом. Немцам ответили, что он спит и не велел будить. Позднее им сказали, что он уже вышел "неизвестно куда"⁸.

Сам Ратенау писал: "Не думаю, что наше соглашение с Россией действительно было бы достигнуто на основе лишь готовности, если бы не подействовала напряженность положения в Генуе. Только в ночь с пасхальной субботы на воскресенье мы узнали, что имеются новые возможности для ведения переговоров с Россией. Русская делегация пригласила нас поздно ночью для возобновления переговоров. В результате немедленно

¹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 70, 72.

² Дипломатический словарь. Изд. 1-е. С. 475.

³ Этот факт очень важен. Скорее всего, прав Милиц, утверждая, что совещание продолжалось до 3 часов утра, тогда вполне логично, что немцы в 5 часов утра сообщили русской делегации о своем согласии приехать в Ривалло, точнее, в Сан-Маргериту. Гостиница "Палаццо Имперале" была расположена в поселке, входившем в округ Ривалло, между этими двумя населенными пунктами на холме.

⁴ История дипломатии. Изд. 2-е. Т. III. С. 283.

⁵ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 178.

⁶ Там же.

⁷ СГО. Ук. соч. С. 478-479.

⁸ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 71.

проведенных консультаций со вторым помрейхсканцлером было принято решение принять приглашение.¹ Таким образом, германская делегация решилась на возобновление переговоров с делегацией РСФСР, начатых в Берлине.

В. Ратенау описывал дальнейшее событие так: " .. На следующее утро в 9 часов утра я выехал к русским в Рапалло. Переговоры продолжались весь день. Мы возвратились лишь поздно вечером. Переговоры пришлось вести в полной изоляции от остальных членов делегации в Генуе. О связи с Генуей по телефону не могло быть и речи, а непрерывные поездки туда и сюда были невозможны, учитывая расстояние. Нам самим хотелось бы вести и закончить переговоры с меньшей поспешностью, но мы должны были воспользоваться представившейся возможностью. Итак, утром на пасху появился на свет договор"². Участники этих событий Любимов и Эрлих оставили несколько иное описание. Рано утром 16 апреля Эрлих, исполнявший обязанность коменданта делегации, получил от В.В. Воровского указание открыть ворота к 11 часам - приедет немецкая делегация.

Около 11 часов к воротам гостиницы "Палаццо Имперiale" подъехал автомобиль. Из него вышли Ратенау, Мальцан, Гильфердинг и фон Симсон. "Немецкие делегаты были очень измучены. Лица у них были серые, глаза воспаленные и весь внешний облик показывал большую озабоченность и усталость. Это было наглядным следствием ночного "пижамного совещания"³. Они прошли на территорию гостиницы, и начались переговоры". В "Истории дипломатии" переговорам в Рапалло придан ничем необоснованный драматизм, подчеркивается их трудный, жесткий характер: "обе стороны были упорны", "дело подвигалось медленно" и т.п. Явно сочинена Д. Аберноном история о том, что после звонка Ллойд Джорджа с приглашением Ратенау "на чай или завтрак возможно скорее", русские "стали сговорчивее"⁴. Требуется уточнения запись Мальцана о том, что он высказывался за договор с энтузиазмом, Вирт с ним соглашался, и лишь Ратенау был против и подписал договор вопреки своим желаниям, более чем неохотно.

Уже отмечалось, что переговоры длились недолго, не более двух часов в целом, ибо все было готово к его заключению, о чем заявил член советской делегации М.М. Литвинов.

Французское агентство "Гевес" опубликовало его заявление о том, что "весь сыр-бор вокруг договора в Рапалло" загло совершенно напрасно, так как текст его был согласован советской делегацией с германской стороной еще в начале апреля 1922 года в Берлине. Ратенау, впрочем, не смог тогда же парафировать этот текст, поскольку ему не удалось срочно

¹ СГО. Т. II. С. 539-540.

² Там же. С. 540.

³ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 72.

⁴ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 179-180.

собрать заседание Совета министров. И в Рапалло, заключил Литвинов, все дело свелось к завершению давно начатого дела¹. Об этом говорили и немцы. Так, экономический эксперт делегации Р. Гильфердинг в интервью французской газете "Темп" заявил сразу же, что договор был подготовлен уже несколько месяцев тому назад, но германский проект был представлен только тогда, когда стали опасаться. Что Россия договорится с союзниками без Германии и против Германии².

Действительно, в Рапалло обсуждался текст договора, уже подготовленного в Берлине. Шла доработка, в частности, немецкая сторона хотела специальной оговорки о том, что Германия будет поставлена в равные условия с другими государствами в случае удовлетворения Россией их претензий по социализации иностранного имущества³.

Работа, начавшаяся где-то в 12-м часу дня, была вскоре прервана, так как немецкая делегация отбыла на званый дипломатический завтрак. Оставшиеся эксперты подготовили окончательный текст соглашения. Ратенау, ожидавшему у себя в отеле окончательной подготовки текста, сообщили, что можно выезжать. И вот как раз в этот момент, когда Ратенау сел в автомобиль, чтобы направиться в Сан-Маргерит, ему сообщили, что его просит к телефону Ллойд Джордж, чтобы условиться о встрече. В крайнем душевном волнении Ратенау постоял минутку, но вернуться назад не захотел ради неопределенного результата. Он дважды пробормотал по-французски: "вино открыто и его следует выпить". С этими словами он сел в автомобиль и отправился подписывать договор.

Во второй половине дня немецкие делегаты вновь приехали в Сан-Маргерит. Примерно в течение часа согласование текста было завершено⁴. В 18 часов 30 минут местного времени Чичерин и Ратенау подписали советско-германский договор и вышли из комнаты. Впереди шли Г.В. Чичерин и В. Ратенау. Они улыбались и дружелюбно разговаривали. Распрощавшись, немецкая делегация уехала. Позади глав делегаций шел В.Е. Штейн и нес мраморную чернильницу и перо, говоря: "Это исторические чернильница и перо, им было подписано первое соглашение с крупной западной державой"⁵.

Э. Эррио в своих мемуарах ошибочно указал, что договор подписывал не Ратенау, а канцлер Вирт. Эррио писал: "... на конференции, так же, как и в природе, разразилась гроза В одно воскресное утро набожный г-н Вирт приехал в Сан-Лоренцо Благословенный, поздравленный, освещенный таким образом, набожный канцлер (!) подписал свое соглаше-

¹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 76.

² СГО. Т. II. С. 485.

³ Kepnan G.F. Op. cit. P. 219.

⁴ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 73.

История дипломатии. Изд. 2-е. Т. III. С. 283.

⁵ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 73.

ние с русскими. Бумагу ему протянул г-н Ратенау; он побил Ллойд Джорджа¹.

Событие исторической важности проведено было более чем скромно: не было торжественной церемонии, обстановка была сугубо деловая - ни цветов, ни фотографов, ни пресс-конференций и интервью. Характерно, что глава германской делегации рейхсканцлер Й. Вирт не появился в Рапалло. Есть мнение, что он поддержал договор не без "длительных колебаний"².

Немецкий дипломат М. Шлезингер писал со слов самого Вирта, что канцлер не вел разговоров по проекту или времени его подписания, полагая, что договоренность уже достигнута. Канцлер полностью поддержал и доверил дело Ратенау, который и довел процесс до конца. Вирт не видел даже текст заключенного договора, но стоял решительно за него, полагая, что он нужен в принципе³. Понимал и, если верить нашим историкам, восторженно признавал договор А. фон Мальцан, твердый поборник дружбы с Россией. И все же представляется, что эти весьма натянутые утверждения не унижают роли человека, поставившего свою подпись, пусть после долгих раздумий и колебаний, но твердо и решительно - Вальтера Ратенау.

Договор между РСФСР и Германской республикой был составлен в двух экземплярах. Оба правительства отказывались от возмещения военных расходов и военных, также как и невоенных убытков, причиненных им и их гражданам во время войны. Германия и Советская Россия обоюдно прекратили платежи на содержание военнопленных. Германское правительство отказывалось от претензий, вытекающих из мероприятий РСФСР или ее органов по отношению к германским гражданам или их частным правам, при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичным претензиям других государств.

Дипломатические и Консульские отношения между Германией и Советской Россией немедленно возобновлялись. Оба правительства согласились принять принцип наибольшего благоприятствования при урегулировании взаимных торговых и хозяйственных отношений и благожелательно идти навстречу обоюдным экономическим потребностям. Было оговорено, что договор не затрагивает отношений договаривающихся сторон с другими государствами. Договор был составлен без указания срока действия и вступал в силу сразу же после момента ратификации за исключением статьи 4-ой и пункта "б" статьи 1-ой.⁴

В нотах-письмах, которыми тут же обменялись обе делегации и которые не подлежали опубликованию, было оговорено, что Германия обязуется принимать участие в отдельных мероприятиях консорциума в Рос-

¹ Эррио Э. Уж. соч. С. 145.

² Германская история ... С. 79.

³ Рубинштейн Н.Л. Уж. соч. С. 244.

⁴ СГО. Т. II. С. 479-481; Ахтамзян А.А. Уж. соч. С. 81-82.

сии только после предварительной договоренности с правительством РСФСР¹.

Большой и неожиданный успех советской дипломатии вызвал вначале некоторую нервозность в Москве. В.И. Ленин, получив известие о договоре, написал записку И.В. Сталину, Л.Д. Троцкому и Л.Б. Каменеву, в которой сообщал, что получена телеграмма от М.М. Литвинова о подписании договора с Германией. Ожидавшийся и намечавшийся успех встревожил одним: не похоронит ли он конференцию в Генуе². Отсюда вопрос: целесообразно ли сообщение о случившемся немедленно или целесообразно отложить до новостей из Генуи.

Как только выяснилось, что конференция продолжает работать, хотя ей и грозит крах (но по другим причинам), Ленин указал на возможность использования "в дальнейшем дипломатическом наступлении" двух козырей, первым из которых он назвал принципиальное значение русско-германского договора³.

19 апреля газета "Известия" опубликовала сообщение о подписании договора в Рапалло. В.И. Ленин телеграфировал Чичерину: "Учитывая значение русско-германского договора, его прием Германией, его влияние на Италию и драку держав из-за концессий, мы приходим к выводу, что всего правильнее для нас построить теперь всю международную политику на том, чтобы в течение известного периода не менее нескольких месяцев строить все и вся только на базе русско-немецкого договора, объявив его единственным образцом, от коего мы отступим лишь исключительно из-за больших выгод"⁴.

Ленин считал, что имея в руках Германский договор, надо стоять только на его основе и стараться привлечь Италию и другие страны⁵ стремиться к сепаратным соглашениям, имея в виду Рапальский договор как образец⁶.

В мае 1922 года представители советской делегации в Генуе во главе с А.А. Иоффе отчитались на заседании ВЦИК. Работа делегации была одобрена, в том числе и подписание договора с Германией, как единственного правильного выхода из затруднений, хаоса и опасностей войн⁷.

17 мая 1922 года ВЦИК, приняв специальное постановление, ратифицировал Рапальский договор⁸.

Таким образом, советская делегация выполнила задачу, поставленную перед ней правительством РСФСР: опираясь на пацифистское крыло буржуазии, расколоть капиталистический лагерь. После зондирования по-

¹ Там же. С. 481-484.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 161.

³ СГО. Т. II. С. 492-493.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 185.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Там же. С. 187.

⁷ Там же. С. 192-193.

⁸ СГО. Т. II. С. 524-526.

зиций Англии и Италии стало ясно, что задачу можно выполнить только через соглашение с Германией, которую сами страны Антанты поставили в Генуе в сложное и даже опасное положение. Россия прорвала дипломатическую блокаду и теперь могла опереться на одну из крупных держав Европы. Германия не без риска также улучшила свои позиции. Вместе с тем изменилась вся обстановка на континенте.

Значительно улучшились советско-германские отношения между двумя странами: были разрешены спорные вопросы, аннулированы взаимные претензии. Отношения недоверия и подозрительности уходили в прошлое. После унижительного Брестского мира появился договор равноправных сторон, не ущемлявший интересов сторон, появилась основа новых отношений сотрудничества двух "систем собственности", двух государств с разным общественным строем. Открылся новый этап германо-советских отношений. Начался рапальский "золотой век" в отношениях Германии и России.

Рапальский договор оказал влияние на всю Европу. Ослабилась хватка Франции, в том числе в малой Антанте. В Англии и Италии усилилось стремление к признанию Советской России и экономическим связям с ней. Агрессивно настроенная Польша попала в сложное положение между двумя странами, достаточно холодно смотревшими на притязания польских панов. Улучшились отношения РСФСР с прибалтийскими и северными державами. Сложилась новая обстановка в Европе.

Значение договора в известной мере выходило за рамки обычных двухсторонних отношений и, было шире, чем обычный дипломатический акт¹.

Дипломатия Антанты, надеявшаяся поставить на колени Советскую Россию, изъясывая из обсуждения проблему германских репараций как решенный вопрос, потерпела серьезное поражение. Напротив, обоим своим участникам Рапальский договор принес глубокие политические выгоды. Академик Н.И. Минц в "Истории дипломатии" отмечал, что три основных момента в Рапальском договоре определили его политическое значение: 1-е - взаимное аннулирование всех претензий; 2-е - восстановление дипломатических отношений между Германией и Россией (после лимитрофов и восточных государств Германия была первой западноевропейской державой, вступившей с Советской Россией в нормальные дипломатические отношения); 3-е - экономическое сближение России и Германии, выходящих из изоляции, благодаря договору².

Германия и ее дипломатия ставили перед собой в Генуе большие и сложные задачи. Главной из них было смягчение позиций Антанты, осо-

¹ О советской оценке Рапальского договора см. подробнее: История дипломатии: Изд. 2-е. Т. III. С.284-286;

СГО. Т. II. С. 21-24.

² История дипломатии. Изд. 2-е. Т. III. С. 284-285.

бенно Франции по проблеме репараций и получения большого международного займа. Ратенау считал последнее "наиважнейшим вопросом"¹. Решение обеих задач упиралось в налаживание и укрепление отношений с Англией и Францией. И тут немцы натолкнулись на равнодушие и даже холодность со стороны англичан и французов. Тень изоляции на конференции становилась все гуще и опаснее. Решить указанные проблемы в Генуе немцы не смогли. Немецкая делегация боялась и того, что Советская Россия капитулирует на конференции перед объединенным фронтом Западных держав. Теперь же немцы убедились в твердости российской дипломатии, которая сумела повести - и успешно - "свою игру", не уступая ни немцам, ни союзникам в главном и проводя гибкие маневры. Немцы, в свою очередь, смогли опереться на Россию и прорвать кольцо изоляции, ослабив угрозу 116-й статьи и общую тяжесть Версальского договора. Рапалльский договор, обострив отношения союзников и Германии, в то же время укрепил позиции последней, и не только в Генуе.

В советской литературе Рапалльский договор получил высокую оценку. В анализе причин, толкнувших Германию к его подписанию, преобладали, как мы полагаем, явно преувеличенное и даже излишне подчеркнутое значение роли РСФСР и одновременно критические взгляды на роль Германии. Так, один из первых исследователей вопроса Н.Л. Рубинштейн писал, что действительные причины, толкнувшие немцев на подписание договора с Советской Россией, "ничего общего не имели с досужими вымыслами Д'Абернона или Мальцана"². Причины - в положении Германии после поражения в войне и в усилении России, ставшей важным фактором международных отношений. Это - эпизод в становлении сторонников восточной ориентации и западной. На деле же это не две ориентации, а оттенки единой империалистической политики, маневры правящих классов с целью оживить германскую промышленность и экономику вообще и укрепить политические позиции против нового нажима Антанты, которая требовала уплаты репараций и повышения налогов, угрожая (Франция) оккупацией Рура. Современная советская оценка мотивов Германии сводилась к тому, что ... Рапалльский договор был подписан Германией не только потому, что Вирт и Ратенау опасались соглашения между Советской Россией и Антантой. Советская Россия приобрела к этому времени большой международный авторитет, и от соглашения с ней Германия могла получить большие экономические и политические выгоды. Рапалльский договор содействовал восстановлению суверенитета Германии, облегчил ее положение на международной арене. Уже к концу 1922 года Германский экспорт в Советскую Россию увеличился более чем в 2 раза, а импорт, соответственно, - в 14 раз³.

¹ СГО. Т. II. С. 484.

² Рубинштейн Н.Л. Уж. соч. С. 283-284.

³ История международных отношений ... Т. I. С. 181.

Подписав договор в Рапалло, Германия улучшила свое международное и геополитическое положение, поскольку открывала путь своей экономике на Восток¹. Договор менял ее позиции во взаимоотношениях с великими державами и с соседями, пусть, правда и не кардинально. Открывался путь для расширения торгово-экономических отношений на принципах наибольшего благоприятствования.

Было заключено первое после Версаля равноправное соглашение с крупной державой. Экономика получила перспективу новых прибылей и рабочих мест. Германские военные круги получили возможность использовать Россию для восстановления военной мощи, необходимой каждой большой стране. Многие задачи германской дипломатии могли теперь решаться в более благоприятных условиях.

Однако положение германской делегации в Генуе после 16 апреля заметно усложнилось: ведь она приняла руку не просто вчерашнего врага, но и идеологического и политического противника всего Западного мира. Противоречия Германии с Антантой, несомненно, усилились, и это вселяло тревогу среди немецких делегатов и нервное ожидание реакции союзников. Ратенау в письме от 17 апреля писал, что нельзя определенно сказать, как здесь относятся к нашему договору с русскими². Но он явно лукавил.

Члены немецкой делегации, видимо, представляли себе и значение договора и возможную реакцию на него в Генуе, в Германии, да и во всем мире. Мальцан, Гильфердинг и другие вели себя сдержанно и старались не высказываться. Ратенау находился в явном напряжении. Причин для этого у Ратенау оказалось более чем достаточно. Поставив свою подпись под договором с РСФСР, он оказался, может быть, против своей воли в центре событий. Как всякий политик, Ратенау не чурался славы, известности. Ему нравилось быть объектом внимания, уважения, похвал. Но в апреле 1922 года произошло событие, которое вызвало больше возмущения и даже гнева, чем одобрения и похвал.

Ратенау сразу же атаковали и "свои", и чужие. Сообщая в НКВД телеграммой от 17 апреля о подписании договора с Германией, М.М. Литвинов нарисовал почти карикатуру на Ратенау. Он сообщал: "наши полуофициальные переговоры (на вилле Альбертис - Г.С.) вселили тревогу в души немцев и Ратенау ни жив ни мертв прибежал к нам вчера и предложил, не сходя с места, подписать то самое соглашение, от которого он уклонился при нашем проезде в Берлине³. Как видим, поспешность сочеталась с искажением фактов.

¹ Дипломатический словарь. Изд. 1-е. Т. II. С. 485.

"Дипломатический словарь" уверяет, что немцы хотели получить монополию на русском рынке, что представляется явным преувеличением.

² СГО. Т. II. С. 484.

³ Там же. С. 482-483.

В советской научной литературе эта карикатура не получила поддержки, но похвал Ратенау, тем не менее тоже не удостоился. Почти все авторы подчеркивали его сопротивление подписанию договора, стремление сговориться сперва с англичанами и т.п. При этом отечественные историки опирались на свидетельства современников, заявлявших, что Ратенау колебался, сопротивлялся открытому сближению с Советской Россией¹.

Пожалуй, самую категорическую оценку роли Ратенау дал советский историк Л.Н. Гинцберг. В статье, посвященной Й. Вирту, он писал, что в исторической литературе бытует мнение об очень значительных расхождениях по поводу Рапалльского договора между Виртом, Мальцаном и Ратенау. По мнению Гинцберга, Рапалло - заслуга не Ратенау, а детище прежде всего Восточного отдела германского МИД и рейхсканцлера, что Ратенау из-за оппозиции договору оказался в Генуе в изоляции и пошел на его подписание против воли². Тем не менее, Гинцберг признал, что только Ратенау стал главным объектом травли, которую вели деятели правого лагеря, их многочисленные печатные органы. Его травили как виновника заключения договора³. Сам Ратенау ответил на вопрос, почему он не подписал договор до Генуи так: "Раньше не подписал потому, что тогда на конференции никто не приехал бы, а позже, вероятно, было бы слишком поздно. ... Я взял на себя ответственность за страну..."⁴

Г.М. Трухнов отождествляет позиции Вирта и Ратенау, обвиняет их в непоследовательности во время переговоров в Берлине в апреле 1922 года, что вызвало недовольство у более последовательных буржуазных кругов, заинтересованных в торговле с Советской Россией⁵.

Почти все современники Рапалло согласны в том, что именно Ратенау не хотел подписания этого договора, противился ему и поставил подпись против своей воли. Это объяснялось исключительно прозападной ориентацией министра, его надеждами на единый фронт в Генуе, что позволило бы осуществиться его заветной мечте о консорциуме для России. Никто не говорит об артирусских или антисоветских высказываниях Ратенау - их не было, никто не указывает каких-либо личных причин для сопротивления договору. Почти никто не вспоминает, что Ратенау готовил договор к подписанию во время встречи с русскими в Берлине и не отрицал ни тогда, ни раньше необходимости такого договора, и ничем не мешал его подготовке. Но подписывать до Генуи он не хотел, и мы знаем по каким причинам⁶.

¹ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 167, 180.

² Гинцберг Л.Н. Уж. соч. С. 117-118.

³ Там же. С. 120.

⁴ Rathenau Walter. Hauptwerke und Gespräche... S.882.

⁵ Трухнов Г.М. Уж. соч. С. 43, 51.

⁶ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 167.

Общее мнение о сопротивлении Ратенау договору возникло позже переговоров и подписания на основе версии, сообщенной Мальцаном послу Д'Абернону в 1926 году. В ней Ратенау изображался противником всякого сближения с Россией. Эту версию поддерживал и Дж. Ф. Кеннан, который писал: "Дольше всех тянул с подписанием Ратенау. Он особенно строил иллюзии об урегулировании международных дел (с Россией и Западом), веря как промышленник в экономическую интеграцию Европы. В этом отношении от на 40 лет опередил свое время ... Среди бывших в Генуе делегатов он меньше всех хотел бы порвать с Западом из-за русских". Почти все это то же со слов Мальцана, который, как полагал Кеннан, может быть, хотел "завуалировать (?) колебания Ратенау"¹

Один германский дипломат утверждал, что Ратенау позднее, незадолго до своей смерти, говорил о договоре в Рапалло: "Мне всегда казалось, что он в лучшем случае лишь отчасти стоял за него"². Член репарационной комиссии от Германии К. Бергман писал: "Это басня, будто Ратенау был движущей пружиной Рапальского договора. У него были серьезные сомнения в отношении его, и он лишь тогда решился завершить дело с русскими, когда ему стало ясно, что договор Вирт подпишет и без него"³

Журналист Х. Кесслер считал, что Ратенау неохотно подписал договор и что он без сомнения хотел бы иметь дело с Россией совместно с другими западными державами⁴. Отмечалось, что Ратенау противился договору, так как понимал, что он означал крах его любимой идеи консорциума для России⁵. Назывались и другие мотивы, толкавшие Ратенау на сопротивление договору. И все же он его подписал. Естественно, надо разобраться в причинах, которые привели Ратенау в Рапалло. Как министр иностранных дел, Ратенау должен был учитывать все цели и задачи, поставленные интересами Германии. Он понимал всю опасность неожиданного и открытого сближения с РСФСР на виду у "всех" перед лицом Западных держав. Он был готов поддержать Советскую Россию, и мы это видели ранее, но только там, где его позиция совпадала с немецкой и ей способствовала, не более того. Было бы ошибкой, говорил он, ориентировать нашу политику только на Восток, оставив без внимания Запад⁶. Этой линии держался Ратенау и в Генуе, представляя тяжелые последствия возможного шага. Но как трезвый политик, он учитывал и возможную изоляцию Германии теми же союзниками, которые и сами хотели использовать Россию, сохраняя пресловутую статью 116. Соглашение с РСФСР как раз устраняло эту угрозу.

¹ Kennan G.F. Op. cit. P. 219.

² Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 281.

³ Там же.

⁴ Kessler H. Op. cit. S.344.

⁵ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 277-278.

⁶ Linke H. Op. cit. S. 191.

Как дамоклов меч над Германией (и Ратенау) висел вопрос о репарациях, и преждевременный договор с Россией мог резко осложнить и обострить этот вопрос. Надо было ладить с Антантой. Немцы, видимо, хотели получить в Генуе "хорошую отметку за свое поведение", т.е. какие-то льготы по выплата репараций. Бергман и другие члены немецкой делегации, получив задание от Ратенау, вели полуофициальные переговоры с французскими и бельгийскими делегациями, а также с банкирами о возможности займа для погашения репарационных платежей¹.

Ратенау все еще надеялся, что англичане поддерживают его идею консорциума, который взял бы на себя упорядочение отношений между Европой и Россией. Х. Кесслер считал, что в этом "суть дела"².

Германская дипломатия понимала, что союзники хотят использовать немцев против русских, и она охотно подыгрывала Антанте, но хорошо понимала и всю опасность превратиться в ходе этой игры в бессловесный инструмент, не получающий никаких наград за послушание.

Ратенау видел и другое: необходимость в игре с союзниками иметь опору. В прочность русских, а тем более в успех их усилий Ратенау в начале конференции, видимо, не верил, как и другие. Но по ходу событий советская дипломатия обнаружила и твердость, и гибкость. Речь пошла уже не только о том, чтобы нейтрализовать использование русских против Германии, но и в том, что на них можно опереться. По мере ухудшения позиций немецкой делегации в Генуе, ее растущей изоляции значение опоры на русских все более росло. Это толкала Ратенау к принятию самого важного и самого рискованного решения за всю его короткую дипломатическую деятельность. Обстоятельства складывались так, что Ратенау был вынужден пойти на шаг, который, меняя положение Германии, мог самым неожиданным образом изменить и его судьбу - личную и политическую. Надо было рисковать и, как писал один австрийский журналист, Ратенау, чтобы "отвести ветер от парусов" своих политических противников, решил сыграть роль сильного человека³. Что ж, и личные мотивы могли играть роль. Ратенау, конечно, огорчало крушение надежд установить тесный контакт в Генуе с бывшими победителями. Хорошие отношения с Россией были нужны Германии, но в определенных пределах, в том числе и для оказания давления на Антанту.

В Генуе Ратенау стало ясно, что Запад не поддерживает германских надежд и что остается один путь - сотрудничество с Советской Россией, на который его в непонятной слепоте толкали союзники. Несомненно, договор в Рапалло достался Ратенау нелегко, после тяжких раздумий и внутренней борьбы. Вероятно, что он представлял и реакцию, которую вызвало бы соглашение с большевиками и в Генуе, и в Германии, да и во всем за-

¹ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 277-278.

² Там же. С. 284.

³ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 284.

падном мире. Ратенау сознавал, что договор с Россией придется подписывать только ему, как равному по рангу главе советской делегации, наркому иностранных дел. Его подпись могла дорого обойтись ему. Вот почему он не испытывал особого энтузиазма. И все же он подписал договор и пошел на признание Советской страны.

Признавая советское, социалистическое государство политически, юридически, дипломатически, Ратенау не был новатором. Его прежде всего заботил вопрос о восстановлении могущества Германии. Он видел, что западные державы не желают отступаться от Версальского договора. Несмотря на прилагаемые им колоссальные усилия по налаживанию экономических связей с Англией и Францией репарационная проблема не решалась.

Создается впечатление, если судить по его письмам и выступлениям, что Ратенау был искренен в поисках мирного решения послевоенных вопросов, в том числе связанных с Версальским договором. Его концепция сводилась к тому, чтобы добиться возвращения Германии статуса равноправного государства на международной арене "духовным оружием", то есть путем подчеркивания "нравственных" моментов и уступок западным державам.

Ратенау подписал договор в Рапалло только тогда, когда исчерпал все пути сближения с Западом. Однако следует учитывать и то, что Ратенау входил в круг тех государственных деятелей, которые не отрицали необходимости нормализации отношений с Востоком, кто поддерживал курс "политики выполнения", поддерживал Вирта во всех делах, направленных на укрепление Веймарской республики, включая и внешнеполитические аспекты.

Рапалльский договор был для Ратенау итогом многомесячных обдумываний и внутренней борьбы. Он должен был психологически преодолеть себя, отказавшись от идеи консорциума и односторонней западной ориентации. Однако подписав договор, Ратенау последовательно встал на его защиту: "Этот договор означает для нас действительно шаг вперед. Впервые мы смогли вновь свободно подать руку народу, который не является ни нашим кредитором, ни нашим должником"¹.

Вот почему мы считаем, что Рапалло является исторической заслугой Ратенау и не согласны с теми, кто утверждает, что в Генуе он оказался в полной изоляции и против своей воли подписал договор.

Бесспорно, подписав Рапалльский договор, Ратенау не стал "сторонником большевизма", в чем его упрекали в реакционных кругах. Он остался защитником капиталистического строя, буржуазной демократии. Но он не испугался контакта с Советской властью, когда этого потребовали интересы буржуазной Германии, которые он рассматривал в широком международном контексте.

¹ СГО. т. II. С. 540.

Ратенау пошел на подписание договора, видимо, хорошо сознавая всю опасность этого шага для себя. Это был самоотверженный поступок истинного патриота Германии, верного гражданина своего Отечества. Можно согласиться с историком А. Бетхером в том, что Генуя стала "высшим пунктом в общественной деятельности Ратенау Его солнце стояло в зените"¹.

Несомненно, такой смелый и неожиданный поступок не мог остаться без последствий. Германская делегация и лично Ратенау сразу же после 16 апреля стали объектом острой, ожесточенной и даже грубой критики.

Известие о подписании Рапалльского договора произвело в Генуе эффект внезапно взорвавшейся бомбы. Посол США в Италии Р. Чейлд воскликнул в сердцах, что Ратенау потрясет мир². В прессе поднялся невообразимый шум, на немцев посыпались обвинения в нелояльности и нарушении Версальского договора и даже измене Западу. Много писали о внезапности, "неожиданности" соглашения немцев и русских. По сообщениям прессы, невероятная буря небывалого возмущения и негодования поднялась в дипломатических кругах. Говорили о большой победе Советов и коварстве немцев, пошедших на раскол европейского блока³. Как вспоминал А. Эрлих, с позднего вечера 17-го и раннего утра 18-го апреля у всех на устах был договор⁴.

Особенно бурно реагировала на договор английская дипломатия, пресса и глава делегации в Генуе премьер-министр Д. Ллойд Джордж. Именно он строил большие, даже грандиозные планы, надеясь добиться такого успеха, который бы высоко вознес и его и Англию. Несколько позже Ллойд Джордж уверял, что в Генуе складывалась просто идеальная ситуация: встретились две нации, чтобы обсудить насущные вопросы в духе дружбы и справедливости. Могли бы в этом духе обсудить и репарационную проблему. Было сделано большое дело. Конференция соединила врагов и "установилась дружеская атмосфера" Но все погубила Германия, безрассудно подписавшая соглашение с Россией. Теперь все решения стали невозможными⁵.

Ллойд Джордж особо настойчиво работал над тем, чтобы навязать России кабальные условия Лондонского меморандума, используя для этого и Германию, которая должна была смиренно ждать, когда ее позовут "сесть на шею русским", но отнюдь не первой.

Теперь все эти планы рассыпались в прах. Более того, Рапалльский договор подорвал и без того хрупкое единство западных держав, сокрушил единый фронт против Советской страны. Вместо неравноправного союза Антанты и Германии в Европе появилась, по словам У. Черчилля, "такая

¹ Botcher H. Op. cit. S. 286.

² История дипломатии. Изд. 2-е. Т. III. С. 284.

³ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч., С. 285-287; Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 73-78.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Ллойд Джордж Д. Ук. соч. С. 27.

дурная комбинация" Россия и Германия¹. Английские дипломаты и журналисты старались оправдать своего лидера, изображая Рапалльский договор "случайностью", досадной "ошибкой" немцев, результатом козней советской делегации. Известный нам Д'Абернон утверждал позже, что большевики обошли немцев: германская делегация очутилась в тупике (или, скорее, полагала, что очутилась в тупике) и в момент отчаяния подписала договор. Германские делегаты позволили себя одурачить².

Особенно раздражал английских политиков успех советской дипломатии. Тот же Ллойд Джордж уверял, что "... с тех пор Чичерин прочно обосновался в Берлине"³. Ллойд Джордж называл договор "недостойным поступком", первое время якобы даже не верил в него. Этого не может быть", - повторил он несколько раз⁴.

Подписание договора вызвало в Генуе взрыв гневной и даже злобной критики в адрес немецкой делегации и ее руководителей. Состоялось совещание стран-победительниц на вилле итальянского премьера Факты, где Л. Барту требовал, чтобы Германия и Россия аннулировали свой договор, а Ллойд Джордж предложил направить ноту коллективного протеста канцлеру Вирту⁵ 18 апреля такая нота 9 стран была ему вручена. В ней немцы обвинялись в том, что они тайно, за спиной своих коллег, заключили договор с Россией, и притом по тем самым вопросам, рассмотрением которых они были заняты в честном сотрудничестве с представителями других стран. Германия, таким образом, нарушила принципы работы конференции⁶.

Союзники решили созвать новую международную конференцию экспертов в Гааге, но уже без участия России и Германии, и продолжили, опять же без Германии, разработку плана создания международного консорциума для "восстановления" России. Советское правительство пыталось добиться приглашения в Гаагу для себя и для Германии, но безуспешно.

23 апреля состоялось совещание глав делегаций союзных стран. Ллойд Джордж хотел исчерпать инцидент. Снова, 23 апреля, направили ноту Й. Вирту. Но нота и декларация совещания оказались, как отметила пресса, "ударами по воздуху"⁷.

¹ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 287.

² Там же. С. 282.

³ Ллойд Джордж Д. Ук. соч. С. 25.

⁴ Виноградов К.Б. Ук. соч. С. 346.

⁵ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 292.

⁶ СГО. Т. II. С. 486-487.

⁷ СГО. Т. II. С. 505-506. Эррио язвительно писал по этому поводу, что союзники, чтобы отомстить немцам, приняли после семичасового совещания "великое решение": они решили, что немцы будут "исключены из комиссии", они отстегают г-на Ратенау палкой из проскуряка ... (Проскуряк - легкий тростник). Я еще раз констатирую неудачу этой конференции .. Союзников обвели вокруг пальца. Германия и Россия сотрудничают. Какая опасность для будущего (Эррио Э. Ук. соч. С. 146).

Рапалльский договор вызвал обострение отношений Англии и Франции. Пуанкаре в своих речах пугал призраком германо-русского военного соглашения, требовал аннулирования договора и практического роспуска генуэзской конференции. Ллойд Джордж стоял за продолжение конференции. Он резко ответил Пуанкаре, заявив в большой речи, что нельзя непрерывно держать Россию и Германию в подчинении¹. Пошли разговоры даже о превентивной войне против Германии².

В Генуе наступило глубокое остолбенение, - писал обозреватель Пинон, а "Саймс" характеризовала Рапалло как "чудовищный пинок" конференции. Телеграммы о договоре публиковались под заголовком: "Новый успех большевиков", "Союзников надули", а передовая "Таймс" от 19 апреля называлась "Обмануты".

Известие об этом договоре, - вспоминал Бергман, - действовало как удар молнии среди ясного неба. "Кто не пережил этого, не может иметь представления о возбуждении и горечи в кругах участников конференции". "Возбуждение было неопишимо", - подтверждает Кесслер³ "Резонанс этой новости был огромен. Что поразило большую часть публики - это почти дерзкая смелость, с какой было проведено дело", - писал английский журналист Миллз⁴.

Бушевала французская пресса. Газета "Матэн" задавала вопрос: нет ли в этом договоре тайных статей о побряках и льготах в пользу АЭГ, руководителем которой недавно был Ратенау?⁵ Газеты сожалели о германском признании России де-юре, пугали созданием славяно-тевтонского союза. Признавалось всеми, что давление Антанты на Россию и Германию ушло в прошлое⁶.

Пока в прессе бушевала буря, вызванная подписанием договора, союзники в Генуе должны были решить непростой вопрос: что делать с Германией? О России речи не было. Любое официальное заявление в ее адрес означало бы на практике ее признание, что тогда считалось еще невозможным. Германия была признанным субъектом международных отношений, была "своей" западной державой. Ее надо было наказать за неожиданный и дерзкий шаг. Ллойд Джордж предлагать сделать это ее исключением из работы "русской" комиссии, конференции и всех других комитетов и подкомитетов, поскольку Германия своим "коварным поведением" исключила сама себя из круга держав, рассматривающих русский вопрос⁷.

¹ Kessler Garru Graf. Tagebücher. S. 299.

² Ерусалимский А.С. Ук. соч. С. 232.

³ Kessler Garru Graf. Tagebücher. S. 300, 301.

⁴ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 285.

⁵ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 78.

⁶ Там же.

⁷ СГО. Т. II. С. 487-492.

А. Эрлих вспоминает: 20 апреля стало известно, что накануне Ратенау "привел на аркане" канцлера Вирта к Ллойд Джорджу, который внешне демонстрировал "великое возмущение" заключением за его спиной Рапалльского договора, хотя уже были известны заявления Ратенау о том, что Ллойд Джордж знал о переговорах немцев и русских. В позе разгневанного государственного мужа, представлявшего британского льва-победителя, Ллойд Джордж потребовал от Вирта "перечеркнуть" договор с русскими или не появляться больше в первом (политическом) комитете конференции¹.

Затем Ллойд Джордж устроил пресс-конференцию, на которой в самой резкой форме осудил "коварство немцев" Этот "разнос" вызвал, однако, неожиданную реакцию. Одна из газет поместила статью по поводу выступления премьера. В ней говорилось, что конференцию в Генуе, сильно захромавшую после Рапалльского сюрприза, Д. Ллойд Джордж окутал густым лондонским туманом. Затем этот метавший громы и молнии премьер ... сменил постепенно гнев на милость, и печать на следующий день оценила его речь так: для немцев она послужила утешением, для Советов - надеждой, для Франции - предупреждением².

Удивление, симулированное Ллойд Джорджем, - не без сарказма писал журнал "Форин эфферс", - "в связи с договором было слишком наигранным, чтобы кого бы то ни было обмануть"

Уже были известны заявления Ратенау о том, что он и Вирт три или четыре раза обращались к Ллойд Джорджу, но без успеха, что они неоднократно обсуждали с британскими делегатами отношения с русскими. Газеты сообщали о контактах немцев с ближайшими советниками английского премьера Уайзом, который будто бы мог и не доложить информацию немцев своему шефу³. Итальянские газеты проявили к этому вопросу особый интерес, тем более что журналисты вспомнили о визитах Джаннини к немцам накануне подписания договора в Рапалло. Одна из них поместила 18 апреля статью, в которой спрашивала: "Знал ли Ллойд Джордж о Рапалльском договоре; Ратенау вчера (17 апреля) заявил лицу, заслуживающему полное доверие, что английское правительство было в курсе переговоров, давно уже начавшихся между немцами и русскими, в частности, Ллойд Джордж систематически осведомлялся о всех важных шагах, имевших место в пятницу, субботу и воскресенье. Поэтому его заявления о том, что он ничего не знал, являются неправдоподобными"⁴.

"Иль Мондо" сообщила, что посол Англии в Германии был все время в курсе развития советско-германских переговоров. Ратенау будто бы

¹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 87-88.

² Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 89-90.

³ Там же. С. 76-78, 87.

⁴ Там же. С. 78.

сам заявил, что немцы четыре раза обсуждали свой договор с британскими делегатами и, следовательно, не может быть и речи о нарушении доверия.

Французская "Матэн" спрашивала: верно ли, что Мальцан сообщил британскому послу в Берлине текст договора за полмесяца до его подписания? Правильно ли, что Ратенау подтвердил торжественно, что уведомлял сэра Бэзила Бланкета о заключении договора уже в воскресенье вечером? Не советовал ли в официальном порядке итальянский министр иностранных дел Шанцер договориться русским и немцам между собой и этим создать прецедент для итало-советского соглашения по образцу Рапалло? Не подпишут ли подобный договор Чехословакия, Польша и другие?¹ Все эти вопросы волновали общественность, но ответа на них она не получила.

Современное событиям советское мнение таково: Ллойд Джордж занял двойственную позицию: внешне он разделял негодование Барту, но в действительности был прекрасно осведомлен о ходе переговоров России и Германии, расценивая Рапалло как шаг против французской гегемонии в Европе. Он надеялся направить германский экспорт в Россию, чтобы тот стал источником для выплаты репараций².

Этой точки зрения придерживался К.В. Виноградов, когда писал: "Давно уже высказаны сомнения в искренности гнева британского премьера... Он до поры до времени не чинил препятствий советско-германским переговорам и лишь хотел, чтобы они прошли под британским контролем. Но не рассчитал всех ходов и потому в раздражении писал 19 апреля о "проклятой германской глупости", которая поставила конференцию в опасность"³.

Возможно, что Ллойд Джордж, зная о советско-германских переговорах, не верил в их успех, считая, что они ведутся ради давления на Антанту. Так или иначе, но события раскрыли лицемерие британской дипломатии.

Не менее англичан, но с большей искренностью, негодовало по поводу Рапальского договора французское руководство. Так, поведение немцев в Генуе было заклеено как высший акт нелояльности. Пуанкаре говорил о "призраках военного союза Германии и России" и требовал аннулирования Рапальского договора⁴.

Резко отрицательно оценили Рапалло в США, хотя и посчитали русский вопрос менее важным, чем вопрос о репарациях. Жестко критиковали американцы совещание германской делегации и лично Ратенау, обвинявшегося даже в "наглой лжи". Раздражение вызвал договор с РСФСР.

¹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 87-88.

² Дипломатический словарь. Изд. 1-е. Т. II. С. 486.

³ Виноградов К.В. Ук. соч. С. 346-347.

⁴ Рубинштейн Н.Н. Ук. соч. С. 290; Rathenau Walter. Hauptwerke und Gespräche ... S. 884. Именно тогда был пушен слух о "мнимом русском военном договоре с немцами".

Русские вступили в игру без гроша в кармане, а теперь у них в руках крупный выигрыш, - заявил известный банкир А. Вандерлин¹.

В Италии договор в Рапалло был встречен скорее с одобрением и даже с некоторой завистью. Экономический кризис толкал Италию к поискам новых рынков и русский среди них обещал быть очень выгодным. Можно сказать, что весь мир, мировая пресса, откликнулись на Рапалло. Союзники, поняв это, решили "дисциплинировать" немцев. Они официально осудили подписание договора в Рапалло, особо подчеркивая "неправильную тактику и выбор момента" его заключения.

Между тем критика германской делегации продолжалась. Глава французской делегации Л. Барту выразил возмущение "двуличием русских и немцев", которые, спрятавшись в тени, повторяли Брест-Литовский удар в момент, когда все европейские государства собрались, чтобы сообща поработать над экономическим восстановлением Европы². В Париже премьер Р. Пуанкаре провел экстренное заседание, на котором обвинил Германию в нарушении ряда статей Версальского договора и Каниской резолюции, в сепаратных действиях и т.п. В адрес Вирта и Чичерина выдвигались нелепые обвинения³. Но и из Берлина приходили разноречивые отклики германской прессы и более чем прохладные телеграммы рейхспрезидента. На какое-то время этот шквал критики, возможно, вызвал растерянность среди немецких делегатов. Однако они не отступали, держались более или менее твердо и не собирались отказываться от Рапалльского договора. Поэтому неправдоподобно выглядит картина положения в немецкой делегации, которую нарисовал Н.И. Минц. Он писал в драматическом, даже трагическом тоне: "Напуганные поднявшимся шумом Вирт и Ратенау посетили 19 апреля советскую делегацию. Немцы умоляли вернуть им договор ввиду протестов со стороны союзников. Немцы были в совершенной панике. Они ежеминутно связывались с Берлином, затем пытались броситься к англичанам, потом возвращались к советской делегации с настойчивым предложением отказаться от договора. Встретив категорический отказ советской делегации, немцы просили ее поддержать их протест против исключения представителей Германии из политической комиссии"⁴.

Эта живая эмоциональная картина полностью не отвечает действительным фактам. Достаточно быстро немцы оправились и стали отвечать на критику. Они особо подчеркивали свое настояние на договоре и твердо заявили, что не будут его аннулировать, несмотря на требования Франции.

Корреспондент газеты "Дейче Альгемайне" сообщал из Генуи 20 апреля 1922 года: "Для германской делегации ни в коем случае не может быть и речи о том, чтобы взять обратно германо-русский договор. По это-

¹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 86.

² Там же. С.76.

³ Там же.

⁴ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 182. Во 2-м изд. Это место опущено.

му вопросу царит полное единодушие между германской и русской делегациями. Корреспондент оценил как "совершенно необоснованные" сообщения о разногласиях среди членов германской делегации, в особенности - о различиях мнений рейхсканцлера и министра иностранных дел. "Германская делегация в Генуе в полном спокойствии и с надеждой смотрит на развитие обстановки в будущем"¹.

Это бодрое сообщение все же не отражало всей сложности положения немецкой делегации. Она по-прежнему подвергалась критике и нажиму со стороны союзников. Существовал и еще один источник беспокойства: германский президент с его почти абсолютным антибольшевизмом и неприязнью Советской страны. Враждебность к Советской России проявилась у Эберта еще в период Ноябрьской революции и осталась основой его политики². Эберт отрицательно относился к контактам с РСФСР, хотя понимал, что они необходимы. Знал он, конечно, о переговорах в Берлине и проекте договора.

Еще 15 апреля немецкая делегация предупредила Эберта и правительство о "полной возможности прийти к договоренности с русскими" Прилагаем все усилия к тому, чтобы использовать эту договоренность, помешать заключению соглашения между русскими и западными державами без нашего участия - сообщали Эберту из Генуи³

16 апреля днем, пишет А.А. Ахтамзян, в Берлин была отправлена телеграмма о том, что "здесь политическая обстановка" требует подписания договора с Россией с целью обеспечения германских прав, которым угрожают известные лондонские предложения". Особо указывалось, что находящиеся здесь представители партий и эксперты настойчиво высказываются за заключение договора, чтобы избежать изоляции. Как сообщает Ахтамзян, немецкий историк Э. Лаубах установил, что телеграмма, вероятно составленная накануне Мальцаном, была отправлена из Генуи в 14 час. 40 мин. 16 апреля, то есть примерно за три часа до подписания договора⁴. Можно предположить, что в германской делегации опасались сопротивления Эберта, а может быть, и более решительных его шагов.

18 апреля в адрес президента была послана еще одна телеграмма руководителя отдела печати германской делегации О. Мюллера с подробным изложением истории подписания договора. Мюллер детально изложил претензии союзников к немцам, и оправдывал решение делегации подписать договор с Россией тем, что по информации посетившего немцев 14 апреля А. Джаннини переговоры западных держав с русскими были близки к завершению, причем соглашение было вновь невыгодно для Германии. Теперь же союзники упрекали немцев в сепаративных действиях, в

¹ СГО. С. 495-497.

² Дробижи Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967. С. 292.

³ СГО. Т. II. С. 478-479.

⁴ Ахтамзян А.А. Уж. соч. С. 75.

отказа от якобы принятого их делегацией Лондонского меморандума, в согласии, вопреки Каннским резолюциям, на "безвозмездную" социализацию и т.д. Но, заключил Мюллер, неправильно говорить о том, что Рапалло нарушает Версальский договор¹

18 апреля Мальцан послал в МИД телеграмму, в которой утверждая о неизбежности договора и объясняя его причины. Он разъяснял положение договора, подчеркивая его выгоду немцам, и указал, что делегаты рейхстага, особенно Гильфердинг, Раунер и Виссель активно выступали за договор².

Со своей стороны Ратенау, обеспокоенный критикой и в Генуе и в части германской прессы, разослал по дипломатическим учреждениям специальное сообщение о договоре. В нем указывалось, что он не вредит другим странам в материальном положении, что не Германия покинула заседание конференции, а союзники пытались без Германии и именно за счет Германии договориться с Россией. Лондонская программа экспертов не была с нами согласована". ... До заключения договора он (Ратенау) уведомил итальянцев и англичан о том, какие части лондонских предложений были опасны для немцев и намекнул на то, что если в дальнейшем мы не будем участвовать в работе конференции, нам придется самим позаботиться о себе. Заключение договора, по всей вероятности, не было для итальянцев и англичан неожиданностью, показное возмущение вызвано желанием считаться с настроением Франции"³

Энергичные, даже поспешные заявления и действия германских дипломатов имели основания. 19 апреля из Берлина в Геную ушла срочная и секретная телеграмма рейхсканцлеру Вирту, из которой стало ясно, что положение о заключении договора с Россией оценивалось Эбертом и "здешними авторитетными лицами" как "очень серьезное", в особенности по отношению вопроса о репарациях, который, подчеркивал Эберт, является "центральной проблемой". Эберт предлагал немецкой делегации достигнуть ряда договоренностей с Антантой, при которых автоматически отпадает статья вторая германо-русского договора и откроется путь ко всеобщему договору. Президент хотел претворения в жизнь совместной деятельности капитала Антанты и немецкой организации в деле "восстановления России" Если это удастся, то наш договор будет подсобным средством для ввоза капитала Антанты в Россию, без которого договор ничего не стоит и бесполезен. Эберт считал, что "Дальнейшее участие в кон-

¹ СГО. Т. II. С. 487-492.

² Там же. С. 492.

³ СГО. С. 503-504. Как видно, Ратенау "не терял головы", стоял твердо на своем. В этой связи просто оскорбительным и необоснованным выглядит утверждение Зарницкого и Сергеева, будто слухи о требованиях союзников исключить немцев из рабочих органов конференции "ввергли дрожавшего за свою карьеру (! - Г.С.) Ратенау в глубокое уныние, но советские делегаты его успокаивали и убедили выступить 22 апреля с заявлением о невозможности аннулировать договор. (Зарницкий В., Сергеев А. Ук. соч. С. 167).

ференции без места в политической комиссии кажется невозможным, также как и представление договора на одобрение конференции"¹.

Это было суровое предупреждение германским дипломатам не увлекаться игрой "с русскими" и придерживаться строго прозападной линии.

Й. Вирт 20 апреля ответил на эту телеграмму. Он объяснил президенту, что исключение немцев из политической комиссии касается только тех вопросов, которые уже урегулированы русско-германским договором. Далее Вирт писал: "мы поддерживаем это (т.е. Эберта) мнение ... хотя бы уже потому, что мы тем самым избавляемся от неприятной необходимости по всем пунктам оказывать поддержку русским перед лицом других держав. Нам будут постоянно информировать о переговорах русских с другими державами"². Однако вопрос-предложение, поставленное Эбертом, о фактической ликвидации договора Вирт обошел. На следующий день Вирт сообщил Эберту, что Англия через особых лиц ведет переговоры с русскими. "Показная шумиха, таким образом, - лишь тактика"³. Вирту пришлось уже в Генуе оправдывать подписание Рапалльского договора. "Я готов в любое время, - говорил он на приеме в Германском посольстве, взять на себя полную ответственность за договор. Нам грозило кольцо долгой кабалы, но мы благодаря договору избежали этого"⁴. Свою позицию Вирт изложил в письме к итальянскому премьеру Факту от 21 апреля. Канцлер писал о том, что вот уже несколько лет, как Германия признала РСФСР, что уже несколько недель велись переговоры о заключении соглашения по ликвидации последствий войны, которые делали это соглашение возможным. Оно помогло привести к мирному состоянию с одной из великих наций, к отношениям, свободным от бремени прошлого. Вирт упомянул угрозу, исходившую от Лондонского меморандума, и заметил, что германской делегации "удалось узнать" о переговорах союзников и русских о том, что стороны были близки к соглашению⁵.

Немцам приходилось оправдывать свое поведение в Генуе. Немецкая делегация составила список претензий союзников и свои возражения против них, особо подчеркивая то обстоятельство, что сами союзники вынудили ее заключить соглашение с Россией, что Вирт не знал и вообще мало кто знал о Лондонском меморандуме, что речь в договоре не шла о безвозмездной социализации и что договор ни в одной статье не нарушал Версальский. Говорить об этом - "совершенно неправильно"⁶.

Немцы тщательно готовили свои возражения и заняли твердую позицию (как и советская делегация) против аннулирования Рапалльского

¹ Там же. СМ. 493-494.

² СГО. Т. П. С. 508-510. Эти слова Вирта показывают его не таким верным другом России, каким изображали его некоторые советские историки.

³ Там же. С. 497.

⁴ Там же. С. 502.

⁵ Там же. С. 498-500.

⁶ Там же. С. 510-514.

договора. Были приняты меры к тому, чтобы пресечь поднявшиеся в Генуе и подхваченные в Германии слухи о раздорах и даже расколе в немецкой делегации. Газета "Дейче Альгемейне" в уже известном сообщении своего специального корреспондента вновь указывала на вынужденность соглашения ввиду угрозы сговора союзников и России на основе 116-й статьи. "Меня заверяют, писал корреспондент, что в пятницу вечером чиновник конференции по официальным поручениям сообщал Вирту и Ратенау, что якобы вот-вот состоится заключение соглашения между союзниками и Россией. Это сообщение подтвердили другие многочисленные информаторы". Корреспондент подчеркивал, что среди членов немецкой делегации царило полное единодушие в отношении того, что не следовало бы упускать возможность достижения соглашения и что нельзя колебаться. Газета сообщала, что почти вся английская пресса по существу оправдывает этот шаг и находит его вполне разумным. Германские министры не нарушили дух и правила конференции, а договор в Рапалло вносит свой вклад в регулирование отношений других держав с Россией. Корреспондент объяснял обвинение в "неправильном способе и манере заключения договора действиями союзников не согласуясь с интересами Германии"¹

Германской делегации пришлось оставить все сомнения и подписать договор с Россией "в точном соответствии с проектом, составленным за несколько недель до того". Далее следовали уверения, что немцы, уладив свое дело с Россией, могут не участвовать в работе комиссии, но готовы в духе солидарности и доверия содействовать работе конференции"².

26 апреля германская делегация опубликовала свои разъяснения по поводу договора с Россией. Подробно были рассмотрены все обвинения, содержащиеся в нотах союзников, и дан подробный ответ на каждое из них. Указывалось несколько раз, что рейхсминистр Ратенау неоднократно письменно и через посредников тщетно пытался добиться встречи с британским премьером. Старательно подчеркивалась вынужденность договора с Россией и желание немцев обо всем извещать англичан и итальянцев. "Одному деятелю, говорилось в документе, дали ясно понять еще накануне заключения договора, что Германия сделала вывод из сепаративных переговоров союзников. "Еще утром в день заключения договора мы пытались вступить в контакт с английским деятелем, но ничего не получилось. Германия желала справедливого для нее соглашения в рамках международного соглашения, но ей это не удавалось". Оправдывался выбор момента подписания Рапальского договора, в том числе угрозой попасть по 116-й статье в долговую кабалу к России. Заканчивался документ на торжественной ноте: "... Германия, когда она оказалась в стесненном и роковом для своей будущей судьбы положении, впервые вновь доказала свою способность самостоятельно принимать решения" (СГО. Т. II. С. 510-514.).

¹ СГО. Т. II. С. 495-497.

² Там же. С. 499-500.

Между тем работа конференции продолжалась. Немецкие делегаты исправно ходили на заседания комиссий и подкомиссий, занимались другими делами и все время объясняли и оправдывали свое соглашение с русскими.

Ллойд Джордж наконец-то пригласил к себе Ратенау и обсуждал с ним вопрос об отношениях с Россией. Ратенау позже писал, что премьер "выставил все батареи, чтобы с нашей помощью запугать русских и побудить их принять по меньшей мере все 100% требований к ним по долгам". Нашим содействием, - не без самодовольства писал Ратенау из Генуи, - пользуются, чтобы воздействовать на русских¹.

Состоялся пленум комиссии, где 3 мая Ратенау выступил с большой речью. Он утверждал, что главной причиной финансового и экономического кризисов является бремя обязательств, наложенных войной² Ратенау говорил о репарациях и долгах, о том, что мирное строительство возможно лишь через кооперацию, для чего необходим реальный, а не мнимый, царящий теперь в Европе, мир. Он подчеркивал, что немцы не были саботажниками на конференции, но отстаивал свои интересы³.

Уже после конференции в Генуе Ллойд Джордж вспоминал "острую речь г-на Ратенау", которая вызвала сердечные и бурные рукоплескания⁴. Слышавший эту речь А. Эрлих записал, что Ратенау сделал упор на 10 млн. безработных во всем мире, на снижении покупательской способности населения. Но, отметил Эрлих, - Ратенау говорил скучно, как бы с надломом⁵. Это выступление Ратенау в Генуе было последней демонстрацией германской дипломатии в пользу соглашения и сотрудничества с державами-победительницами.

Несмотря на критику, обвинения и угрозы по поводу договора в Рапалло немецкая делегация подчеркнуто сохраняла хорошие отношения с русскими дипломатами.

27 апреля советская делегация дала обед в честь всех 27 членов и сотрудников немецкой делегации. Вирт и Чичерин обменялись речами. Г.В. Чичерин приветствовал представителей "дружеского германского государства и первой великой державы", которая установила на основе мирного сотрудничества нормальные отношения с Советской Россией.

В своем тосте Вирт подчеркивал "экономический характер договора, который призван служить не интересам одной нации, а всей Европе и всему человечеству".

Ратенау и Чичерин вели продолжительную непринужденную беседу⁶. 4 мая состоялся прием для советских делегатов в резиденции герман-

¹ Rathenau W. Politische Briefe ... S. 337, 338.

² Ibid. S. 334, 335.

³ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 331.

⁴ Ллойд Джордж Д. Ук. соч. С. 11.

⁵ Любимов Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 102.

⁶ СГО. Т. II. С. 515.

ской делегации¹. Разумеется, отношения двух делегаций не были идеальными. Каждая пеклась о своих интересах. Советские дипломаты следили за тем, чтобы немцы не сделали попятных шагов ради завоевания благосклонности Антанты. Немецкая дипломатия, оправившись после ураганной критики, в искренности которой она сомневалась, полагая, что показное возмущение вызвано желанием считаться с настроениями Франции², продолжала активную деятельность. Ее целью, сообщал М.М. Литвинов в НКВД 8 мая, было во что бы то ни стало оторвать Англию и Италию от Франции путем примирения их с Россией. Одновременно Вирт обещал русским "принести новые жертвы" в виде кредитов или займов, пугая финансовым бойкотом в случае нашего разрыва с ними в Генуе³.

19 мая состоялось последнее заседание Генуэзской конференции. Она закрылась, оставив особый след в истории международных отношений. Ллойд Джордж уверял, что парижским (т.е. от Пуанкаре - Г.С.) телеграммам не удалось вызвать бурю и, заимствуя сравнение со стоящей в то время погодой, он сказал, что конференция кончается при голубом и безоблачном небе⁴.

В нашей литературе, где критерием является срыв планов изоляции и закабаления Советской страны, исход конференции расценивался как поражение Антанты, как акт, не принесший никаких положительных результатов кроме Рапалльского договора. С этой точки зрения Генуэзская конференция закончилась провалом. Но не для всех и не во всем. Генуэзская конференция и заключение Рапалльского договора вместе с тем обозначили наступление нового этапа в жизни Европы.

Теперь наступал черед представить и объяснить Отчеству все содержание и значение деятельности немцев в Генуе. Сделать это было не просто. Не только в Германии, но, пожалуй, во всем западном мире шаг Ратенау и немецкой делегации в целом встретил, как мы уже видели, далеко не однозначный отклик.

В США, Англии, Франции продолжалась критика в адрес немцев. Их предупреждали против "сознательного повторения Рапалло", угрожали "затруднениями" в решении репарационного вопроса, подозревали в русско-германской военной "комбинации" и т.п.⁵

Ллойд Джордж, подвергшийся в Англии едкой критике за провал в Генуе, теперь пугал всех, что Германия может связать свою судьбу с большевиками и поставить все свои материальные и интеллектуальные ресурсы, весь свой огромный организационный талант на службу революционным фанатикам.

¹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 102.

² СГО. С. 504.

³ Там же. С. 519.

⁴ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С.336.

⁵ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных переговорах: В 2-х т. Т. 1. М., 1957. С. 350.

Но в Германии вопрос о договоре с РСФСР и о его последовательном выполнении явился объектом чрезвычайно сложной внутривластной борьбы. У договора появились влиятельные и сторонники и противники. В нашей литературе утверждалось, что большинство народа Германии восторженно встретило весть о заключении Рапалльского договора, что "широкие массы трудящихся" были на стороне договора "особенно благодаря влиянию КПГ"¹. Конечно, роль массовой поддержки была велика, но не она определяла реакцию на Рапалльский договор.

В правящих кругах Германии определенные силы смогли понять, что Советская страна имеет определенный вес в международной политике, что она не уступит натиску Антанты и на нее, разумеется, в интересах Германии, можно положиться. Среди магнатов капитала и в политической элите усилилась дифференциация. Определенная часть крупной германской буржуазии, включая банкиров, представителей тяжелой промышленности, поддерживая правительство Вирта и "политику выполнения", поняли, что надо отказаться от односторонней ориентации только на западные державы, которая во многом противоречит их интересам. Поэтому достижение экономического и политического соглашения с Советской страной будет служить им на пользу. Исходя из этого эти круги поддерживали Рапалльский договор. Часть из них поддерживала прежнюю антирусскую позицию.

Одно время договор поддерживал давний сторонник освоения русского рынка и столь же давний противник Ратенау - Г. Стиннес и лидеры стоявшей за ним Народной партии. Они одобряли заключение договора, особо выделяя почему-то роль А. фон Мальцана². Резолюцию одобрения приняла крупная предпринимательская организация - Германский восточно-европейский экономический союз (500 членов из 32 городов)³.

Одна из германских газет писала, что душой всего дела является А. фон Мальцан, руководитель русского отдела. Мальцан, - уверяла газета, человек Стиннеса, профессиональный дипломат, мечтающий стать немцем Чичериным в правительстве, закумуфлированном "под большевиков". Именно Мальцан, заручившись поддержкой Стиннеса, увлек Вирта и Ратенау на столь опасный путь⁴.

Политико-экономический Комитет Экономического совета Германии обсудил 17 мая 1922 года доклад тайного советника Г. Бюхера о переговорах с Россией. Докладчик отметил, что все без исключения эксперты в Генуе объективно были за русский договор. Форма и время заключения, - отметил Бюхер, - не играли никакой роли. Он указывал на нелояльность держав Антанты по отношению к Германии, но на ошибки германской де-

¹ Германская история. Т. 2. С. 80-81.

² Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 88-89.

³ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 77.

⁴ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. соч. С. 89.

легации, в частности, ее контакт только с второстепенными лицами из числа делегатов Антанты.

Директор Кремер защищал заключение договора "с еще большей решимостью и уверенностью, чем Бюхер". Некоторые члены комитета выступали против, но их было только двое¹.

Договор обсуждали в правлении Союза германской промышленности, где выступал член делегации в Генуе В. Мейнель. Он считал договор чисто экономическим. Оратор посчитал, что договор уничтожал "долговую книгу прошлого". Это - успешный результат договора. Германия снова находится в центре между Западными державами и является мостом между Западом и Россией².

Многие представители либеральной и радикальной буржуазии и интеллигенции поддержали договор. Среди последних были А. Эйнштейн, Б. Келлерман, Т. Манн, Кэте Кольвиц, Отто Нагель, а также дипломат граф Р. Брокдорф-Ранцау и др³. Часть военных, например, генерал фон Сект, высказывались за договор, имея в виду, конечно, геополитические военные соображения⁴. В целом большинство общественного мнения, хотя и не без опасений и оговорок, приняло договор.

Демократические слои населения, движения и организации поддерживали договор безоговорочно. Среди них были рабочие, средние слои, служащие, члены КПГ, НСДПГ, часть рядовых социал-демократов, члены многих профсоюзов⁵.

Положительной была, в общем, реакция и официальных кругов. Германский МИД соответственно инструктировал прессу, которая освещала заключение договора более или менее благожелательно⁶.

Но и противников договора было более чем достаточно. В деловых кругах произошел раскол. Владельцы предприятий, не связанных с восточной торговлей, а напротив ориентированные на связи с Западом, были встревожены и недовольны. Среди них оказались влиятельные финансисты, хозяева шахт, тесно связанные экономически с Францией и не имевшие интереса в торговле с Россией. Против договора выступили крупные аграрии, конкурирующие на рынках с вывозом русского зерна. С этими кругами были связаны часть политиков, дипломатов, военных. Все вместе они составляли весомую оппозицию договору, который не приносил им ощутимых материальных выгод, но зато мог создать помехи на путях решения вопроса о репарациях и получения инвестиций из США и Англии, внести охлаждение в отношения с другими странами. Пугало установление нормальных отношений с большевиками "этой угрозой мировой цивилиза-

¹ СГО. Т. II. С. 527-528.

² Там же. С. 554-555.

³ Там же. С. 21-22.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 497-498, 518. Германская история ... Т. 2. С. 80.

⁶ СГО. Т. II. С. 527-528.

ции". В этих кругах боялись "рассердить" Антанту и Америку, боялись, что сближение с РСФСР усилит "революционизацию" Германии, ее рабочего класса¹. Такую же враждебную позицию заняли правые вожди германской социал-демократии, в частности, рейхспрезидент Ф. Эберт. Он обвинял Ратенау в "превышении полномочий и даже угрожал уволить его в отставку". Социал-демократическая пресса во главе с "Форвертс" нападала на договор, отличаясь даже от либерально-буржуазных газет. Она писала об "опасной игре Вирта", которая чревата "страшными последствиями" для Германии. Раздавались голоса очень сурового осуждения и яростных нападок на Советскую Россию, но мало кто предлагал отказаться от договора.

Кампания против договора возобновлялась крайними реакционными силами всех мастей: монархистами, националистами, в том числе анти-семитами, реваншистами, милитаристами, ставившими рядом Версаль и Рапалло. Их поддерживали сторонники "политики катастрофы". Их лидер Г. Стиннес после некоторого периода колебаний и одобрения Рапалло снова выступил против Ратенау лично и всей его внешней политики. Теперь в адрес Вирта и Ратенау сыпались самые разнузданные обвинения, оскорбления, угрозы. Обоих деятелей открыто называли изменниками, врагами Германии и т.п. Особенно доставалось Вальтеру Ратенау как капиталисту, еврею, а следовательно, не патриоту. Его обвиняли в недалекновидности, глупости даже и, конечно, в предательстве германских интересов, в сближении с коммунистами, которые "поглотят Германию". Ратенау отмечал в речи 9 июня 1922 года в Штуттгарте: "Мы заключили наш мир не с системой, а с народом ... Какое хозяйство они ведут нас не касается..."².

В этой обстановке Ратенау, Вирт и другие члены делегации в Генуе были вынуждены постоянно объяснять немцам произошедшее и оправдываться.

28 мая 1922 года началось обсуждение договора в комиссии иностранных дел Рейхстага. Большая часть членов комиссии; включая Брейтшейда и других социал-демократов приняла договор "безоговорочно", считая его абсолютно необходимым, хотя были отдельные возражения и критические замечания³.

В тот же день в комиссии Ратенау сделал несколько разъяснений, а затем выступил с большой речью по вопросам внешней политики. Обрисовав международное положение в канун Генуэзской конференции, начиная с конца 1921 года, Ратенау изложил свое видение германской политики. Он уверял, что еще в Лондоне в ноябре 1921 года он вел огромную борьбу за приглашение России в Геную и против ущемления интересов Германии⁴. Рассказывая о конференции в Генуе, Ратенау говорил: "Мы не могли

¹ Рубинштейн Н.Л. Уж. соч. С. 284-285, 296-298.

² Ратенау Вальтер. Генуя и Канн. М., 1923. С. 63-65.

³ СГО. Т. II. С. 546-547.

⁴ СГО. Т. II. С. 531-532.

терять контактов с Англией и Италией, но с другой стороны, все больше и больше сближались с Россией". Возникла сложная ситуация, где Россия противостояла разделенному Западу, который обижал и унижал Германию как великую державу. По словам Ратенау, Германия, тем не менее, играла роль посредника между Востоком и Западом, предупреждая их столкновения. "Все оценили эту роль немцев и прибегли к их помощи". Однако германская делегация боялась, что Россия, оставшись одна, может сомкнуть кольцо кредиторов вокруг Германии¹. Далее министр рассказал о совещаниях на вилле Альбертис, о своих напрасных попытках встретиться с Ллойд Джорджем, хотя на пленарном заседании конференции их встреча была дружественной². Министр подробно рассказал историю переговоров в Берлине и обстоятельства заключения договора в Рапалло. Главное желание, заявил Ратенау, состояло не в том, чтобы выторговать благоприятные условия, а в том, чтобы установить "настоящий мир с такой великой страной, как Россия"³. Ратенау подчеркнул, что было бы неумным считать признательность фактором в политике, и все же это стало событием в жизни двух наций, когда в решающий момент побежденной нации, т.е. России, решительно протянули руку. Это был и самый подходящий момент. Теперь Германия перестала сидеть между двух стульев⁴. Он подчеркнул то обстоятельство, что заключение договора стало все же возможно ввиду "напряженности положения в Генуе".

Ратенау говорил, что немецкая делегация все взвесила тщательно. Она играла важную роль, старалась проводить собственную политику и помогать всем. Он давал понять, что Россия в определенный критический момент могла предать Германию, но немцы предупредили это. Они неофициально узнали о грозящей им опасности и пытались в течение пяти дней пасхальной недели заявить протест и встретиться с Ллойд Джорджем⁵.

Как видим, Ратенау достаточно вольно обращался с фактами, всячески поднимая заслуги германской дипломатии и принижая и даже искажая политику Советской стороны. Это можно понять: Ратенау видел всю опасность своего положения человека, поставившего под договором свою подпись, и должен был оправдываться, порой идя на ухищрения и натяжки. Не забудем, что он не был поклонником советского строя, в какой-то мере даже враждебен ему. Это тоже накладывало отпечаток на его выступление.

Далее Ратенау остановился на экономических вопросах. Он привел слова одного американца о том, что Рапалльский договор - "евангельской чистоты". Это нелегко, сказал министр, но все же договор может служить образцом для всех других мирных договоров. Он простой и ясный - луч-

¹ Там же. С. 536-537.

² Там же. С. 537-538.

³ Там же. С. 539.

⁴ СГО. Т. II. С. 538-539.

⁵ Там же.

шее средство против европейского недуга. Он не помеха для взаимопонимания с другими странами, напротив, служит основой для этого. Это не тяжелая ошибка, как думает Ллойд Джордж. "Для нас этот договор означает шаг вперед. Впервые мы смогли вновь свободно подать руку народу, который не является ни нашим кредитором, ни нашим должником"¹. Ратенау привел слова Ллойда Джорджа: "Если так мучить две нации, как это имеет место в отношении немцев и русских, то не приходится удивляться, если обе эти нации объединяются"². "Мы заключили, - продолжил министр, - не военный и не политический договор, а договор мира, и, как я думаю, также и дружбы". И таким его должны претворять в жизнь правительства и народы. Он подчеркнул, что договор не имеет ничего общего с большевистским режимом. Он заключен с русским народом с целью восстановления мира³. Ратенау заявил, что Германия вышла на политическую арену Европы, но в то же время заметил, что договор с Россией не может изменить ситуацию, созданную Версальским договором, который был и остается опасностью для немцев. Рапальский договор не изменил "объективную направленность" в отношениях Германии с западными державами⁴.

Подводя итоги, Ратенау еще раз сказал, что мы немцы избежали опасностей и не были саботажниками. Он назвал Геную историческим событием, но не как конференцию, а как событие, создавшее основы для установления мира с Россией и мира вообще. Было положено начало активной внешней политики⁵.

В комиссии состоялась дискуссия. Один из социал-демократов возражал против неудачного времени подписания договора, но в целом подтверждал, что договор как таковой "хорош и правилен". "Мы за договор". Договор одобрили, но социал-демократ Эд. Бернштейн, выразил озабоченность "националистической трескотней", которая окружила этот договор. В. Маркс согласился с договором без оговорок, профессор Гета - тоже без оговорок, как и граф Берншторф, критиковавший лишь шумиху, окружавшую договор. Другие депутаты высказали некоторые замечания. В заключении с разъяснениями выступил В. Ратенау⁶.

29 мая начались прения о договоре в Рейхстаге. Здесь выступил рейхсканцлер Й. Вирт, который назвал договор, заключенный в Рапалло, самым честным, самым искренним, можно сказать, образцовым договором, первым настоящим мирным договором после войны, создавшим мост между Западом и Востоком⁷. Вирт оправдывал деятельность германской де-

¹ Там же. С. 539-540.

² Там же. С. 541.

³ Там же.

⁴ СГО. Т. II, С. 544.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 546-547.

⁷ Там же. С. 548-549.

легации. Его заявление о том, что подписание договора не было ошибкой, а явилось необходимым шагом, было встречено криками: "очень правильно" с мест Германской партии, партии центра и Демократической партии (в которой состоял Ратенау). Вирт отметил, что на Западе заволновались, даже не прочитав текста договора, и критикуют Германию не за соглашение с Россией, а за ее самостоятельные действия¹.

Тут же начались прения в рейхстаге. Основная правительственная партия Демократическая - интересовалась отношением Антанты к договору. Вирт доказывал в докладе рейхстагу, что Германия была вынуждена заключить договор из-за 116-й статьи, а также в связи с тем, что Германия во время переговоров не вилле Альбертиса с полным основанием могла беспокоиться за свою судьбу, что предполагалось приспособить договор к заключительному акту Генуэзской конференции².

Партия Центра, дейч-националы приветствовали договор, так как он упрочил экономические связи с Россией и усилил позиции Германии в борьбе против Франции. Депутат В. Маркс подчеркнул, что только одна Германия принесла из Генуи "практический успех - это договор в Рапалло". Дейч-национал Гетуш заявил, что после Рапалло вся печать говорит о Германии, "как если бы она была великой державой"³. Член НСДПГ А. Криспин сетовал на то, что заключение договора ухудшило отношения Германии и Англии, в итоге немцев ждет международная изоляция. Представитель Демократической партии Кернбург доказывал необходимость Рапальского договора⁴.

При обсуждении в Рейхстаге депутаты отметили, что с подписанием Рапальского договора Германия вновь стала великой державой. Один из депутатов Народной партии сказал: "В то время как нас постигло несчастье, мы одиноки и испытываем нужду, нельзя больше медлить и дать захнуть идее восстановления отношений с Россией"⁵.

Некоторые депутаты Рейхстага подчеркнули экономический характер договора и что обстоятельства, сложившиеся в Генуе, вынудили к его подписанию. Партия Центра - партия Вирта - в целом одобрила договор. Ее лидер В. Маркс назвал его "договором мира в Европе", выгодным для Германии⁶.

В целом обсуждение не было детальным потому, - считает Ахтамзян, - что буржуазные партии не сочли нужным публично дать свою оценку договору. Были высказаны лишь сомнения в своевременности подписания и замечания по отдельным статьям⁷.

¹ Там же. С. 548.

² Там же. С. 549-550.

³ Рубинштейн Н.Л. Ук. соч. С. 296-297.

⁴ Там же. С. 297-298.

⁵ Веймарская республика. История С. 31-32.

⁶ Там же.

⁷ Ахтамзян А.А. Ук. соч. С. 89.

Наконец, 4 июля 1922 года Рейхстаг единодушно одобрил Рапалльский договор, что было величайшей редкостью в практике Веймарского парламента¹.

Но Ратенау не узнал об этом. В течении конца мая - начала июня он, рейхсканцлер, другие члены делегации выступали в рейхстаге, в прессе, на собраниях и митингах, разъясняли значение и содержание Рапалльского договора, подчеркивая его экономическую обстановку. 9 июня Вирт и Ратенау выступили в Штуттгарте. Вирт разоблачал попытки Антанты в Генуе "незаметно оттеснить нас на задний план" и расхваливал договор как смелый и честный акт. Канцлер резко осудил противников договора. В Генуе, - говорил он, - пронеслась такая буря, как будто бы конференции пришел конец. Буря вызвана была в некоторой степени искусственно, а в Германии нашлись трусы, которые сильно поддались пропаганде, пришедшей с Запада².

Вирт в последовавших затем речах, в письмах и других документах оправдывал заключение договора, заявлял, что благодаря ему Германия смогла избежать грозившего ей окружения. В комиссиях конференции немецкие делегаты говорили о сепаратных переговорах союзных держав с Россией как причине сближения с ней. Договор, утверждали они, защищал Германию от вредных последствий возможного договора союзников с Россией. Особый упор делался на неудачу попыток Ратенау установить контакт с Ллойд Джорджем³.

Сама Антанта, говорил канцлер Вирт, дала повод к заключению договора в Рапалло. "Нас вынудили"⁴. Он подчеркивал, что договор - "честный", но признавался, что немцы надеялись на заключение международного Генуэзского Акта, почему и откладывали подписание уже готового задолго соглашения с русскими, не желая выступать сепаратно от всей Европы. Вирт, как и другие члены делегации, делали особый акцент на своих усилиях накануне подписания договора с русскими войти в контакт с англичанами, чтобы предупредить их против использования 116-й статьи. Ллойд Джордж отказался, и этим союзники совершили тактическую ошибку⁵.

Эти аргументы приводили многие немецкие делегаты, в частности, Р. Гильфердинг. "Мы, говорил он, опасались, что Россия договорится с союзниками без Германии и против Германии". Гильфердинг подчеркивал, что сотрудничество с Россией для немцев - "экономическая необходимость"⁶.

¹ Веймарская республика. История С. 32.

² СГО. Т.II. С. 552-553.

³ Там же. С.498-500, 501-502, 549-551 и др.

⁴ Там же. С. 548-552.

⁵ Там же. С. 548-552.

⁶ Там же. С. 485-486.

В своем выступлении 9 июня Ратенау отвергал обвинения в несвоевременности заключения договора. Державы Запада, не желая идти навстречу нашим справедливым желанием, говорил он, подтолкнули к России, со стороны которой были выдвинуты приемлемые для нас условия¹.

В это время в германской прессе продолжалась кампания против Вирта и Ратенау. Подписание договора в Рапалло связывали теперь с «безумным желанием» проводить «политику выполнения». Появились провокационные сообщения о возможном военном союзе с Советской Россией. Националистические и реакционные круги продолжали травлю Ратенау, разжигая среди населения антисемитские и реваншистские настроения. Далеко не все немцы поняли истинное значение Рапалльского договора как выхода из внешнеполитической изоляции и подведения черты под трагическим прошлым, как создание новых благоприятных перспектив. Многих пугал сам факт соглашения с революционной Россией, другие опасались репрессий со стороны союзников. Кого-то оскорбляло выдвижение в центр политики Ратенау как еврея и богача. Пропаганда против «политики выполнения» и одновременно против Ратенау все более приобретала националистическую окраску. Г. Стиннес в своих газетах развернул критику восточной политики правительства Вирта-Ратенау². Антирапалльскую линию развили под знаменем антибольшевизма правые социал-демократы, во главе с президентом Ф. Эбертом. Наконец, большое воздействие на немцев оказала шумиха, поднятая в странах Антанты. Там Ратенау критиковали за «недальновидность» в политике, поспешность при заключении договора с Советами, за «опасные симпатии к большевикам». Обстановка накалялась. Й. Вирт и В. Ратенау отбивались от нападков, которых, видимо, не ожидали, во всяком случае, в таком масштабе и в такой жесточенности. Вирт писал своему другу, профессору А. Фокельбахеру, еще из Генуи о поразившей его националистической шумихе и пессимизме, вызванных подписанием договора у части немцев, боявшихся «проникновения большевизма». «И то, и другое глупо». «Удивляюсь, заключал Вирт, что в Германии не достаточно оценили этот первый самостоятельный шаг»³.

Некоторое время спустя А.Б. Красин писал, что ему понятна «жесточайшая» травля против Вирта и Ратенау за подписание договора в Рапалло.

«Масло в огонь» добавило приближение очередного срока репарационных платежей, попытки Вирта отсрочить их оказались бесполезными, как и надежды на международный заем. Усилились атаки на «политику выполнения». Стиннес прямо призывал не платить репарации и готовился

¹ Греков Б.И. Ук. соч. С. 119.

² О прессе, подчиненной Стиннесу см.: Биск И.Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново. 1995. С. 69-75. Д'Абернон утверждает, что Стиннес был в восторге от Рапалльского договора. Посол мира С. 208-209.

³ СГО. Т. II. С.528-529.

к открытому конфликту с Францией. Печать Стиннеса разжигала в массах жажду мести и реванша¹.

Однако, - писал Минц, - преградой на пути этой политики стоял такой последовательный сторонник «политики выполнения», как В. Ратенау. Вот почему именно против него и был направлен огонь Стиннеса и его единомышленника К. Гельфериха, возглавлявшего в рейхстаге «национальную оппозицию»².

Гельферих опубликовал демагогическую брошюру с резкими выпадами против политики правительства и в ней высмеял поведение Ратенау в Генуе. Еще более яростную атаку на Ратенау Гельферих провел в рейхстаге 23 июня 1922 года. Он требовал нового правительства. В котором были бы «мужчины», способные отвергнуть невыносимые требования³.

Националистическая истерия усиливалась. Тучи сгущались над головой Ратенау. Надо было ждать беды. Она и пришла 24 июня 1922 года.

Ратенау ездил в министерство каждый день в один и тот же час по всем известной улице, направляясь в автомобиле со своей виллы в Грюнвальде. В этот день его машину догнал быстро мчавшийся автомобиль, который, неожиданно повернув, заставил шофера Ратенау затормозить. Сидевшие в автомобиле бросили бомбу и несколько раз выстрелили в упор в министра. Он был сражен наповал. Убийцы – оказались членами монархической националистической группы – «Организация С», участниками Капповского путча, отъявленные реакционеры и антисемиты⁴. Ранее, 26 августа 1921 года, члены этой же организации застрелили М. Эрцбергера, подписавшего в ноябре 1918 года капитуляцию Германии.

Убийство Ратенау потрясло весь мир. Оно было расценено как акт политической мести и как покушение на мир в Европе, как явный антисемитский выпад. Многие деятели и определенные группы в руководящих кругах Германии и Франции своими нападениями на Рапалло и Ратенау подготовили это убийство. Указывали, что оно отвечало интересам не только приверженцев «политики катастроф», но и замыслам французских империалистов⁵. В Германии упорно называли в качестве вдохновителя покушения Стиннеса и его единомышленника Гельфериха. Последний как раз за день до покушения выступил 23 июня в рейхстаге и обвинил Ратенау в предательстве саарских немцев, которые якобы чувствовали себя «преданными и проданными»⁶. Вдохновители и участники покушения мстили Ратенау за верность «политике выполнения», за его курс, который они расценивали как унижение и сдачу имперских интересов» богатеям-евреям», «евреям-комиссаром». Рапалло оказалось одной из причин покушения.

¹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Ук. Соч. С. 138.

² История дипломатии. Изд. 1-е. С. 238. Во 2-м издании эта глава опущена. Т. III. С. 344-345.

³ История дипломатии. Изд. 1-е. Т. III. С. 238-239.

⁴ Там же. С. 239.

⁵ Давидович Д.С. Революционный кризис 1923 г. в Германии «Гамбургское восстание». С. 44-45.

⁶ История дипломатии. Т. III. С. 238-239; Германская история ... Т. II. С. 81.

«Разве вы не знаете, – говорил Вирт в рейхстаге 29 июня, что Ратенау был убит слепыми фанатиками еще и потому, что он подписал Рапалльский договор»¹

По всей Германии поднялась буря протестов. Многие политические деятели осудили убийство, убийц и тех, кто вложил пистолет в их руки. В митингах и демонстрациях протеста участвовали миллионы немцев всех слоев населения. В крупных городах прошли массовые манифестации, в которых участвовали: в Кельне – 150 тыс., Гамбурге – 300 тыс., в Берлине – 750 тыс., а всего – более полутора миллионов человек. Была организована общегерманская однодневная забастовка, в которой объединились члены СДПГ, КПП, различных профсоюзов. Ее участники требовали принятия закона против политического террора. 25 и 27-го июня, а затем в начале июля состоялись еще более мощные массовые демонстрации и забастовки, в результате которых был принят закон «О защите республики»².

Советская дипломатия выразила свою скорбь по поводу убийства Ратенау. Немцы высоко оценили этот «трогательное выражение глубокого участия»³.

В годовщину Рапалльского договора 15 апреля 1923 года народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин направил германскому правительству послание, в котором, высоко оценив значение и воздействие договора, указал, что «мы глубоко скорбим и выражаем соболезнование по поводу трагической гибели д-ра Вальтера Ратенау, о котором храним память как о политике подписавшем совместно с нами этот договор»⁴.

В 1924 году Чичерин заявил, что Рапалло не будет побежденным и в будущем. «На это я определенно надеюсь. Рапалло – это больше будущее, чем прошлое»⁵.

В советской России в 20-е годы были изданы труды В. Ратенау, в том числе книги «Генуя и Канни», «Новое хозяйство» и др. В предисловии к ним Ратенау характеризовался как «крупный человек, яркая самостоятельная индивидуальность». Автор предисловия С. Членов писал: «Трагически погибший Ратенау был одной из немногих ярких звезд на покрытом тусклыми свинцовыми облаками горизонте современной Германии».

Рапалльский договор имел свое продолжение в течение почти всех 20-х годов, хотя и встретил нарастающее сопротивление определенных кругов в Германии и растущее давление западных держав.

Договор создал правовую базу для установления всесторонних отношений между двумя странами и прежде всего для налаживания их экономического сотрудничества. Были урегулированы и дипломатические отношения. Советское правительство назначило в Берлин своего представи-

¹ Цит. по Гинцберг Л.И. Йозеф Вирт ... С. 120.

² Руге В. Ук. Соч. С. 130-131.

³ СГО. Т. II. С. 555.

⁴ Греков Б.И. Вальтер Ратенау и Россия ... С. 112.

⁵ Цит. по: Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. С. 122.

теля в новом ранге полпреда-посла. Им стал уже известный в Германии Н.Н. Крестинский, который получил аккредитацию теперь не при главе правительства, а при главе государства. 2 августа 1922 года он вручил верительные грамоты Эберту. Свыше 100 тыс. берлинских рабочих прошли мимо советского правительства, приветствуя договор.

В 1922 году открылись советские и германские консульства в ряде городов обеих стран. Договор, подписанный в Рапалло с РСФСР, был распространен на союзные с ней советские республики. На время Германия стала главным торговым партнером СССР, продолжались переговоры о концессиях. В октябре 1925 года был заключен торговый договор¹.

В СССР пошли германские капиталы, передовая техника и технология, появились немецкие специалисты. Развивались секретные контакты рейхсвера и Красной Армии. Они начались еще в 1920 году после советско-польской войны, в которой немцы заняли позицию благожелательного к России нейтралитета². Военно-стратегические интересы вели к сближению вчерашних противников.

Немецкие военные круги с весны 1922 года разрабатывали вопросы технического сотрудничества двух армий. Они ожидали вооруженного столкновения с Францией или Польшей и хотели укрепить те части вооруженных сил, которые были ослаблены Версальским договором. Были установлены контакты военного руководства. В России испытывали немецкую военную технику (танки, самолеты, орудия и т.д.). Советские военные знакомились с германской армией, ее военно-учебными заведениями. Немецкие фирмы (Юнкерс и др.) собирались, правда, без успеха, налаживать производство в России. Было создано русско-германское транзитное общество (Русстранзит)³.

Ухудшение, в конце 1922 года, экономического и финансового положения Германии и обострение на этой почве политической борьбы привели к падению 14 ноября 1922 года правительства Й. Вирта. В Берлине говорили, что Эберт, сместив Вирта, отомстил ему и за принятие Рапалльского договора. Последовало заметное ухудшение германо-советских отношений (провокации в Берлине в 1924 г. и др.)⁴ и общая переориентация германской политики с Востока на Запад. Крепли связи германских «верхов» с США. Локарнский пакт 1925 года подорвал «рапалльскую» политику Германии и стал вехой на пути к Мюнхену⁵. СССР принимал различные меры, чтобы сохранить «дух Рапалло». В апреле 1926 года был подписан Берлинский договор СССР и Германии, который, по мнению Н.Н. Кре-

¹ СГО. Т. II. С. 563-567.

² Там же. С. 16.

³ Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920-1923 гг. (по новым документам) // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 5-8.

⁴ Рубинштейн Н.Л. Ук. Соч. С. 463-466.

⁵ Ерусалимский А.С. Германский империализм: История и современность. С. 233-234.

стинского, «закрепил «дух Рапалло» в советско-германских отношениях»¹. Однако это мнение оказалось неверным. Мировой экономической кризис, а затем приход к власти в Германии фашистского режима окончательно закрыли «золотой век» Рапальской политики.

¹ Соколов В.В. Ук. соч. С. 133.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однако свой след в истории Германии и международных отношений договор в Рапалло, несомненно, оставил. Много лет без перерыва о нем помнили в мире и в Германии. Договор называли фантомом, эпизодом, мечтой, тайной, призраком, блефом, орудием политической тактики, намекали на военный союз двух стран, подчеркивали, что Россия использовала Германию и т.д. Отвечая на это, академик Ерусалимский писал, что Рапалло никогда не было мелким тактическим маневром, а большой политической концепцией, никогда не был тайным союзом¹.

Рапалльская политика доказала свою жизненность именно как политика мирного сосуществования и экономического сотрудничества государств разных систем. С течением времени Рапалльский договор не теряет своего значения и актуальности. Известный германский государственный деятель, канцлер ФРГ, социал-демократ В. Брандт в 70-летнюю годовщину со дня рождения Ратенау оценил Рапалльский договор как отвечавший русским и немецким интересам, экономическому сотрудничеству двух стран². Остался в истории и один из его творцов – Вальтер Ратенау. Историки исследуют его жизнь, научную, политическую и дипломатическую, спорят, ищут новые факты и аргументы. С именем Ратенау связывают важнейший этап становления советско-германских отношений. Все признают заслуги этого ценного и смелого политика-реалиста, сумевшего подняться над своей средой, своим классом и, можно сказать, над временем, заглянув далеко вперед.

Ратенау ушел из жизни, немного не дожив до 55 лет. Что осталось от него? Остались речи, статьи, книги. Остался дворец-музей, организованный его матерью и сестрой там, где он жил. Остались его идеи, нашедшие подтверждение и воплощение много лет спустя после его смерти. Ратенау верил в возможность реформирования, перестройки капитализма, и тот доказал в наши дни свою способность к этому. Он проповедовал необходимость поднятия уровня жизни трудящихся до высоты, недоступной даже элите ушедшего века. В развитых странах добились и этого. Он стремился к замене торговых войн экономическим сотрудничеством и был сторонником интеграции Европы. И это находит свое выражение в системах ЕЭС и ЕС. Во многих вопросах Ратенау обогнал свое время. Поэтому он заслуживает того, чтобы о нем помнили.

¹ Ерусалимский А.С. Уж. соч. С. 233.

² Ахтамзян А.А. Рапалльская политика ... С.10.